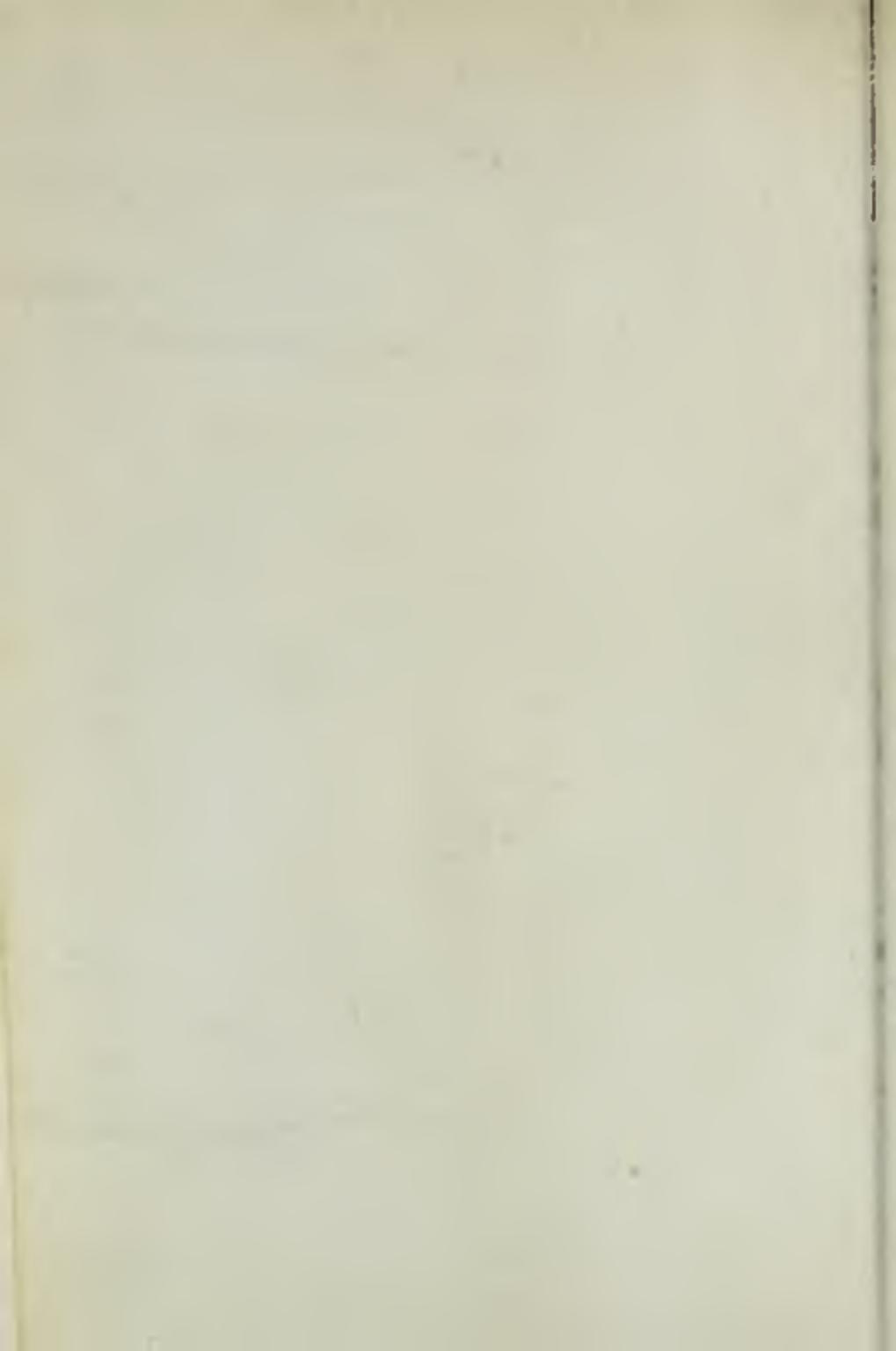

Л. Погорелов

АРМЯНСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТРАТОР

H

Г. Тигранов

732.1(8325)

Т-39

АРМЯНСКИЙ
МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ТЕАТР

Р/д
489820

том

3

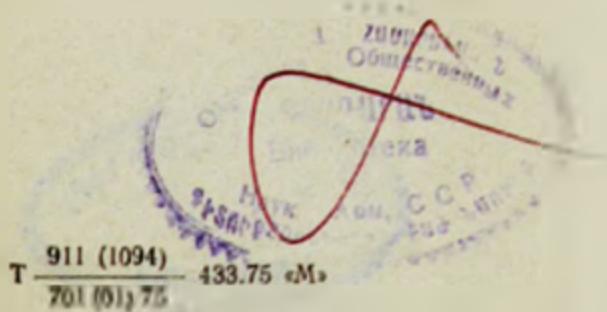
Издательство «Айастан»

Ереван 1975

792 Ap

T 39

62948

ОТ АВТОРА

В 1956 и 1960 гг. вышли из печати два тома исследования «Армянский музыкальный театр»¹. В них освещалось развитие армянского музыкального театра от его возникновения в середине XIX века и до конца пятидесятых годов нашего столетия. Первый том содержал, наряду с обобщающим историческим очерком, специальные монографические главы, посвященные творчеству Тиграна Чухаджяна, создавшему первую армянскую оперу «Аршак Второй» (1868), оперу «Земира», ряд музыкальных комедий, оперетт, а также основавшему уже в 60-х годах прошлого века первые армянские музыкально-театральные труппы; очерным замыслам основоположника армянской классической музыки Комитаса и видных музыкальных деятелей Христофора Кара-Мурзы и Макара Екмаляна; любимой народом опере Армена Тиграняна «Ануш» и классической опере Александра Спендиарова «Алмаст».

Второй том содержал главы о балете «Наринэ» Саркиса Бархударяна, балетах —«Невеста огня», «Анант» и операх «Седа», «В лучах солнца» Анушавана Тер-Гевондяна— известных армянских советских композиторов старшего поколения, об оперном творчестве Аро Степаняна — авторе опер «Кадж Назар», «Давид Сасунский», «Нунэ», «Герония» и первой армянской оперы на революционную тему —«Лусабацин»; об операх Левона Ходжа-Эйнатова (особенно о «Намусе») и «Арцваберде» Андрея Бабаева, а также о других армянских операх и балетах, созданных до 1960 г. Завершала второй том глава, посвященная выдающимся произведениям советского музыкально-хореографического искусства — балетам Арама Хачатуриана.

¹ Г. Тигранов. Армянский музыкальный театр. Ереван, Айпетрат, т. I—1956, т. II—1960.

Предлагаемый вниманию читателя третий том является продолжением предыдущих томов и, вместе с тем, представляет собой самостоятельное исследование. Он посвящен армянскому музыкальному театру шестидесятых и начала семидесятых годов нашего века. В трех первых главах рассматриваются общие вопросы армянского музыкального театра данного периода. Здесь дается введение в проблематику, обозначаются пути и тенденции развития (глава I), намечаются важнейшие сюжетно-тематические, жанровые линии. Одна из них (глава II) связана с воплощением геройской темы (оперы «Огненное колесо» А. Тертеряна, «Крушение» Г. Арменяна и «Человек из легенды» Гр. Ахиняна, балеты «Бессмертие» К. Србелияна, «Геройская багладя» А. Бабаджаняна). Другая (глава III) — с претворением в армянском оперном и балетном творчестве народных мифов, сказаний, легенд (балеты «Прометеи» Е. Аристакесяна, «Ахтамар», «Инушка» и «Лореци Сако» Гр. Ахиняна, «Создание мира» Ю. Ка-зарина, «Три пальмы» А. Спендиарова, опера «Казак для парохода» Э. Арутюняна и др.).

После следуют монографические главы (IV—X), посвященные музыкально-сценическим произведениям С. Гаспаряна, Гр. Егназаряна, А. Арутюняна, А. Айвазяна, Э. Оганесяна, Н. Симоняна, а также спектакльской жизни балетов А. Хачатуряна.

В «Заключении» даются основные выводы, намечаются перспективы и задачи дальнейшего развития армянского музыкального театра.

В конце книги — краткое изложение содержания рассматриваемых произведений, хронограф по истории армянского музыкального театра, от его возникновения и до наших дней, указатель основных хранилиш материалов, связанных с армянским музыкальным театром, и список изданных поэтических материалов.

Как в предыдущих томах, так и в этом, аспект исследования, в основном, музикоисследовательский. Внимание автора обращено, главным образом, на композиторское творчество и области оперы и балета. Хотя, конечно, в известной мере затрагиваются и некоторые вопросы, связанные с театральными постановками, спектакльской жизнью произведений.

Работа над книгой была связана с анализом Илавицкого и партитур опер и балетов (изданных и рукописных),

знакомством с различными спектаклями, прессой, воспоминаниями современников. Помогли в этой работе и личные встречи, беседы с авторами опер и балетов. Приводимые в книге (без указаний в сносках) извлечения из этих бесед способствуют пониманию творческих эстетических позиций композиторов.

Автор выражает глубокую благодарность всем учреждениям и лицам, оказавшим ему содействие в процессе работы над книгой своими материалами и советами: Институту искусства Академии наук Армянской ССР, Ереванской государственной консерватории им. Комитаса, Ереванскому государственному академическому театру оперы и балета им. Спендиарова, кафедре истории русской и советской музыки Ленинградской консерватории и другим.

ГЛАВА I

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕАТР АРМЕНИИ ШЕСТИДЕСЯТЫХ И НАЧАЛА СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

«Я отнюдь музыкальный театр и, конечно, прежде всего оперу и балет, к высшим формам художественного творчества. Гимназии, мушаки, спортивского действия, хореографии, декорации, живописи и архитектуры... Какие широкие возможности открываются перед искусством!».

Мартирос Сарьян

Шестидесятые годы и начало семидесятых годов нашего столетия вошли в историю народов Советского Союза как годы интенсивного и всестороннего подъема на пути строительства коммунистического общества. Грандиозные свершения народа — героя, труженика, творца — проявились во всех сферах материальной и духовной жизни страны. Вопрос международный авторитет Советского Союза как ведущей силы в борьбе за мир, прогресс, демократию.

Общественная, политическая жизнь нашей страны в шестидесятые годы знаменована событиями огромного исторического значения. На XXII съезде КПСС в 1961 году была принята новая программа нашей партии, а в 1966 — XXIII съезд партии поставил перед советским народом новые задачи. В 1967 году вся наша страна, а вместе с нею и все передовое человечество праздновала 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции. В 1969 году в Москве состоялось международное совещание Коммунистических партий. 1970-й вошел в историю как год знаменательной даты для всего прогрессивного человечества — 100-летия со дня рождения великого вождя революции В. И. Ленина.

В 1971 году состоялся XXIV съезд КПСС, принявший грандиозную программу коммунистического строительства

ла. В 1972-ом — все народы Советского Союза отмечали 50-летие образования Союза Советских Социалистических республик. Юбилейный год явился поистине всенародной демонстрацией торжества ленинской национальной политики, демонстрацией братской дружбы, интернационального единства народов Советского Союза, их все более крепнущей близости, усиливающихся контактов и взаимообогащения культур.

Безмерно возросло общественное воспитательное значение искусства, его большая роль в идеологической борьбе нашего времени, в формировании духовного облика нового человека — строителя коммунизма.

«С продвижением нашего общества по пути коммунистического строительства возрастает роль литературы и искусства в формировании мировоззрения советского человека, его нравственных убеждений, духовной культуры»¹, — говорил Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXIV съезду партии.

Развиваясь по пути социалистического реализма, советское искусство достигало все новых высот. Огромным стимулом к новому подъему искусства явились и отмеченные выше знаменательные исторические события, и общий рост духовной культуры, художественных запросов советских людей.

Больших успехов достигло в шестидесятые и в начале семидесятых годов многонациональное искусство Советского Союза, в том числе и музыкальное. Эти успехи нашли выражение, в частности, во все ширящихся масштабах композиторского творчества. III, IV, V съезды композиторов СССР (1962, 1968, 1974 годы) свидетельствовали о значительных творческих успехах, о верности советских композиторов принципам народности, реализма, партийности в искусстве, о развитии классических традиций и о настойчивых, последовательных новаторских исследованиях.

Сама жизнь выдвинула перед искусством новые задачи, творческие проблемы, привнесла новые идеи, темы, конфликты, образы. Расширялись и углублялись методы и формы художественного познания, отображения, типизации жизненных явлений.

¹ Отчетный доклад Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева XXIV съезду КПСС, М., 1971.

Советское искусство, в том числе и музыкальное, развивается как искусство многонациональное. Каждый народ вносит в него свою лепту, свои национальные традиции, особенности, свой колорит. И вместе с тем все они объединены глубокими интернациональными связями, единством мировоззрения, социальных, политических целей, идеалов, художественных критериев и принципов.

В новый этап своего развития в рассматриваемый период вступила и культура Советской Армении. Ее поступательное движение неотрывно от всей общественной жизни республики и всего Советского Союза. Кроме уже вышеупомянутых важнейших исторических событий, большое значение в жизни Армении имели торжественно отмеченные даты: 50-летие установления Советской власти в республике (1970); 100-летие со дня рождений классиков армянской музыки — Комитаса, литературы — Ованеса Туманяна (1969); 100-летие армянской оперы (1968—1970), 100-летие со дня рождения Александра Спендиарова (1971).

Уже с начала 60-ых годов в музыкальном искусстве Армении стали намечаться тенденции и процессы, ярко свидетельствующие о новом этапе его развития. Трудно дать всесторонний анализ этих процессов, да это и не входит в задачи данного исследования. Отметим лишь характерные и привлечем внимание к некоторым наиболее существенным, с нашей точки зрения, проблемам.

Прежде всего бросается в глаза все более явственно проявляющееся многообразие творческих направлений, стилей, почерков, обилие имен. Наряду с накопившими большой жизненный и творческий опыт представителями старшего и среднего поколения — Арамом Хачатуровым, Григорием Егиазаряном, Артемием Айвазяном, Александром Арутюняном, Арио Бабаджаняном, Эдвардом Мирзояном, Газаросом Сарьянам, Адамом Худояном, Гаянэ Чеботарян и другими, смело и интересно заявили о себе следующие поколения армянских композиторов: Дживан Тер-Татевосян, Эдгар Оганесян, Геворг Арменян, Григор Ахинян, Гегуни Читчян, Эдуард Багдасарян. Эрик Арутюнян, Эдуард Абрамян, а вслед за ними Эмин Аристакесян, Александр Аджемян, Константин Орбелян, Авет Тертерян, Тигран Мансурян и другие совсем молодые, вплоть до только что окончивших консерватории. В музыкальное творчество привнесено много нового, свежего. Непрерывность притока новых сил и быстрота в смене поколений,

пожалуй, еще никогда не проявлялись с такой интенсивностью. Это же можно сказать и о многообразии творческих индивидуальностей.

Одни композиторы, развивая спендиаровскую традицию, проявляют склонность к тонким пастельным краскам, мягкому колориту, живописной картиности, программности, опоэтизированной лирике. Другие следуют творческим принципам Арама Хачатуриана с его повышенной эмоциональностью, романтической патетикой, щедрой густотканной палитрой красок, склонностью к крупным симфонизированным формам. Некоторые считают, что «душа музыки» — мелодия, другие — что в наш динамичный век основа основ в музыке — ритм. У многих, особенно в последнее время, все более заметна склонность к оструму, иногда «графическому» рисунку, кдержанной афористической манере высказывания; сказываются влияния творческих принципов Д. Шостаковича, С. Прокофьева, а также И. Стравинского, Б. Бартока, Б. Бриттена, П. Хиндемита и других современных композиторов. Все более активно проявляются искания новых тем, новых выразительных средств, композиционных приемов, современной «музыкальной технологии». Но при этом почти для всех одной из высших и наиболее плодотворных традиций в постижении национального характера армянской музыки, в развитии в ней реализма и народности, в формировании ее выразительного многоголосного языка остается традиция Комитаса — подлинного основоположника армянской классической музыки.

Одних современных армянских композиторов влечет к себе эпос, героика, монументальность; других — лирика, драма, трагедия; третьих — бытописание, жанр; четвертых — аллегория, иносказание, фантастика. Некоторые произведения отличаются публицистичностью, чертами социальной сатиры. Вместе с тем современная армянская композиторская школа обладает единой для всего советского искусства идеально-эстетической платформой, неповторимо своеобразным творческим лицом, некоторыми общими чертами и тенденциями развития. А ее прочные преемственные связи с предыдущими этапами истории армянской музыки, с наиболее устойчивыми традициями сочетаются с новаторскими устремлениями, со смелыми открытиями новых горизонтов, новых путей развития национального музыкального творчества.

Среди наметившихся новых тенденций бросается в глаза, в частности, усиливающийся интерес композиторов к современности, к ее сложной социальной, идейной, нравственной проблематике. Наши художники стремятся отобразить жизнь, борьбу, творческое созидание советских людей — строителей коммунизма.

С новой силой в творчество стали утверждаться идеи свободы народов, демократии, мира, прогресса, человеческого достоинства и одновременно обличения тирании, насилия, реакции, войны, человеконенавистничества. Шире становится в искусстве связь времен и народов, историческая тема все более рассматривается как «прошлое в настоящем» (Мусоргский), а современность — в перспективе поступательного хода истории. Наряду с национальной армянской темой все чаще затрагиваются темы, связанные с жизнью других народов.

В музыкальном творчестве шестидесятых и начала сороковых годов нельзя не заметить пристального внимания к человеческой личности, к ее сложному и богатому духовному миру, к «диалектике чувств» и борьбе идей, а отсюда — усиление психологического и интеллектуального начала. Проявляется склонность авторов к большей обобщенности, лаконизму, концентрированности «высказывания».

Еще никогда в таких широчайших масштабах и с такой быстротой не обрушивался на сознание, на весь духовный мир человека поток самой различной информации, как в наше время. И тут как никогда проявляется удивительная способность человеческого сознания, вооруженного передовым мировоззрением, сильным интеллектом и творческой волей, отбирать, обобщать явления, отбрасывая случайное, преходящее и типизируя главное, существенное. Без всего этого поток информации захлестывает, и художник становится пассивным фиксатором частностей. Современность предъявляет повышенные требования к силе интеллекта и чуткости сердца художника, к способности мысли подняться над фактами, увидеть за ними социально значимые процессы. Наряду с эмоциональным началом, живой конкретностью, образностью в искусстве, и, в частности, в его самой эмоциональной области — музыке, все большее значение приобретают мысль, интеллект, логика. «Мне кажется, не будет преувеличением утверждать, что современное армянское творчество (скажем,

60-х годов) отмечено стремлением к большой человеческой проблематике, тяготением к идеям этически значимым, нравственно весомым», — писал один из наиболее глубоких и оригинально мыслящих современных армянских композиторов — Газарос Сарьян.¹ Правда, и здесь нужна оговорка. Иногда чрезмерное и одностороннее увлечение «интеллигентской» стороной в искусстве оборачивается голой рассудочностью, отвлеченным конструированием, абстрактностью. Не надо забывать, что мысль и чувство, интеллигентское и эмоциональное, конкретное и обобщенное находятся в подлинном искусстве в нерасторжимом единстве.

Одной из особенностей армянской композиторской школы является яркая национальная характерность, в частности, музыкального языка. В последнее время эта особенность развивается вширь и вглубь, обогащается новыми чертами. Пути искания нового здесь различны, это и открытие ранее мало разработанных в композиторском творчестве пластов армянской монодической музыки, древних шараканов, тагов, и все более свободное опосредованное претворение ладо-интонаций народной, крестьянской, городской музыки, революционной песни (новая фольклорная волна), с одной стороны, и творческое овладение новыми приемами современного композиторского письма, вплоть до некоторых приемов серийной техники, додекафонии, сонористики, алэзаторики — с другой. К тому же поиски новейших выразительных средств часто сочетаются с интересом к неоклассическим и необахианским тенденциям. Сочетание и взаимодействие всех этих противоречивых тенденций обогащения музыкальной речи — одна из характерных особенностей современной музыки.

Надо помнить, что степень зрелости художественной культуры определяется и ее национальным своеобразием и широтой ее интернациональных связей, умелым использованием при решении своих творческих задач опыта, достижений, передовых традиций мировой культуры, способностью создавать произведения такой силы художественного обобщения, при которых они приобретают общечеловеческое значение. В условиях советской действи-

¹ Г. Сарьян. Чуткость к современности, «Советская музыка», 1967, № 9, стр. 21.

тельности — новой исторической общности людей, взаимообогащение, единство национальных социалистических культур стало одной из важнейших особенностей развития нашего искусства, в частности, музыкально-театрального.

Сильно вырос в целом общий уровень профессионального мастерства армянских композиторов, владения всеми ресурсами современной композиторской «технологии». Обогащение интонационного языка шло и в направлении расширения и обогащения гармонических средств (различные виды модальных гармоний, полигармоничных соотношений и т. д.) и особенно всесторонней полифонизации музыкальной ткани, широкого применения остинатных форм, линеарности и т. д. Отметим и еще одну особенность, проявляющуюся в последнем десятилетии в армянском композиторском творчестве. Впрочем она имеет не только локальное (армянское), но и гораздо более широкое значение. Это взаимодействие, сближение и взаимопроникновение различных жанров; активная симфонизация камерной музыки и тяготение к камерности в симфониях, проникновение ораториального начала в симфонию, оперу, балет и создание симфоний-балетов. Сближение это выходит за пределы одних музыкальных жанров. Можно заметить, например, проникновение в музыку приемов кино-драматургии (кадровость, сопоставление различных планов, наплывы) и т. п.

Мы затронули лишь некоторые наиболее показательные тенденции, проявившиеся в армянской музыке шестидесятых—начала семидесятых годов. Конечно же, поступательное движение современной армянской музыки—процесс сложный, многосторонний и к тому же еще мало изученный музыкой-наукой. Наряду со значительными творческими достижениями, имеющими большое принципиальное значение, появлялось, конечно, немало произведений, в которых жизненные явления отображались упрощенно, схематично, поверхностно; одни из них страдали отсутствием настоящего мастерства, подменой подлинного новаторства бессодержательным оригинальничанием, претенциозной эксцентричностью; в других — поиски новых выразительных средств приобретали самодовлеющее значение и ограничивались лишь формальными, чисто умозрительными новациями.

Но эти негативные явления являлись сопутствующими, преходящими и не они определяют лицо современной армянской музыки. Как в жизни, так и в искусстве все новое утверждается в борьбе, исканиях, преодолении трудностей. И нам хотелось привлечь внимание лишь к тем некоторым тенденциям и особенностям, характерным для армянской музыки последнего десятилетия, в которых наиболее показательно проявились черты нового этапа, черты прогресса.

* * *

История художественной культуры показывает, что эволюция различных жанров в искусстве далеко не всегда протекает равномерно и параллельно. В некоторые исторические периоды, по тем или иным социально обусловленным причинам, ведущее значение приобретают драма, трагедия, в другие — лирика или комедия, в третьи — эпос. Иногда на первое место выступает монументальная станковая живопись, а иногда — портрет, пейзаж, жанр. Конечно, в перспективе больших исторических периодов эта закономерная неравномерность «сглаживается», уравновешивается, и целостный процесс исторического развития искусства предстает в многообразии и взаимодействии жанров. Рассматривая же сравнительно небольшие отрезки времени (в данном случае немногим более одного десятилетия), не можешь не увидеть этой неравномерности.¹

Армянская музыка многие века развивалась в монодических формах. В конце XIX и начале XX века основной областью ее были песня, романс, хоры. Затем в центре внимания стала опера — как своеобразная общественная трибуна. В 30-е — 40-е годы нашего века начал развиваться и балет. Окидывая взором армянскую музыку конца 50-х и начала 60-х годов, не можешь не заметить, что наиболее смелые, интересные и художественно ценные достижения этих лет связаны, главным образом, с симфоническими и камерно-инструментальными произведениями.

¹ Конечно, надо отличать неравномерность и различные уровни в развитии жанров, как объективно обусловленный, закономерный процесс, от «неравномерности» иного порядка, вызванной причинами организационными, административными и другими.

ми. Именно здесь особенно ярко проявлялись новые творческие тенденции, новые идеально-образные сферы, новые жанровые, композиционные принципы, новые закономерности музыкального языка. Назовем для примера лишь несколько самых показательных в этом отношении произведений, таких, как симфонии, квартеты Д. Тер-Татевояна, Э. Мирзояна, Э. Оганесяна, А. Тертеряна, виолончельный концерт, скрипичную сонату и «Шесть картин» для фортепиано А. Бабаджаняна, произведения Т. Мансуриана и т. п.

Творческая же инициатива армянских композиторов в это время в области музыкального театра и особенно оперы проявлялась сравнительно слабо. Вызывало тревогу малое количество новых произведений, инертность в поисках новых тем, сюжетов, драматургических возможностей, в обновлении выразительных средств.

Одним это представлялось как застой, кризис жанра, вызвавший уход наиболее талантливых композиторов в «более обобщенный и интеллектуализированный мир симфонизма». Другие, наоборот, считали, что в музыкальном театре Армении происходило своеобразное творческое перевооружение, накопление сил перед новым подъемом.

Последующие годы и особенно вторая половина шестидесятых и первая половина семидесятых годов убедительно показали, что вторая точка зрения оказалась более правильной. Армянский музыкальный театр вновь стал набирать темп в своем развитии и вышел на новые творческие рубежи. Это, в частности, отмечалось и на VI, и особенно на VII съездах композиторов Армении (1968, 1973), на IV и V съездах композиторов СССР (1968, 1974). «За последнее время у нас отмечается значительное оживление в деле создания новых опер и балетов. Знаменательно и то, что многие новые оперы и балеты непосредственно связаны с современностью, революционной тематикой», — подчеркивал в отчетном докладе VII съезду композиторов Армении председатель Правления Союза Эдвард Мирзоян.¹

В искусстве, как и в самой жизни, все взаимосвязано. И в музыкальном театре стали проявляться те новые тенденции, о которых шла речь раньше и которые сперва так

¹ Стенограмма доклада от 7 декабря 1973 г.

ярко проявились в симфонической и камерно-инструментальной музыке. Более того, надо сказать, что армянское оперное и балетное творчество последних лет вобрало в себя (конечно, с учетом специфики своего жанра) достижения и открытия современной симфонической и камерной музыки, а также некоторых смежных видов искусства — драматического театра, кино, живописи.

В лучших образцах армянских опер и балетов, созданных в последнее время, все более проявляется стремление авторов к созданию целостных идеально-художественных концепций со сквозным музыкально-сценическим действием, активным симфоническим развитием, внутритематическими связями, лаконичной и действенной формой. Некоторые произведения оперного и балетного искусства приближаются к ораториям, другие — к симфониям.

Преодоление бытовизма связывается со все более глубокой и обобщенной передачей мыслей и чувств человека, взаимоотношениями сильных характеров, с раскрытием наиболее существенных социальных, этических проблем современности.

И все это вызвано не только общим подъемом музыкальной и театральной культуры в республике, значительным ростом идеального и профессионального уровня армянской композиторской школы, но и новыми идеально-художественными требованиями, предъявляемыми нашим обществом к музыкальному театру.

В оперном и балетном творчестве шестидесятых годов, особенно второй половины этих лет, и начала семидесятых годов, значительно расширились сюжетно-тематические, жанровые границы, круг образов, диапазон музыкально-драматургических средств. Искания и находки в области обновления и обогащения музыкального языка стали активнее, смелее, инициативнее. К созданию новых музыкально-сценических произведений все чаще стали обращаться талантливые композиторы, причем и здесь много нового и интересного внесли молодые авторы с их смелыми экспериментами, с их стремлением найти новые формы художественного познания и отражения жизни.

Отказываясь от пассивной повествовательной описательности, мелодраматизма, композиторы добиваются большей действенности, обобщенности, симфонизма в художественном воплощении замысла. Значительно расширяются национальная основа, связи с народным творчеством.

Обращает на себя внимание, в частности, и здесь своеобразное претворение самых различных пластов армянского мелоса, начиная от средневековых шараканов, татов, эпических песен и до интонаций революционных песен, преломленных через призму современного музыкального мышления. Активно входят в музыкальную лексику интонации разговорной речи, поэтической речи, начиная от поэтов древности до Ованеса Туманяна, Егише Чаренца и других.

Композиторы обращаются к темам самых различных планов — историческим и современным, сказочным, легендарным, аллегорическим и подчеркнуто реальным, раскрывающим правду жизни в формах самой действительности, героическим, революционным и психологическим, бытовым, эпическим и лирическим, комедийным, сатирическим, публицистичным, памфлетным, к армянским и инонациональным.

Чтобы составить себе представление об этом многообразии, достаточно сперва хотя бы перечислить названия музыкально-сценических произведений армянских авторов, поставленных в рассматриваемый нами период, законченных или находящихся сейчас в стадии завершения.

Среди опер, прежде всего, три очень разные по стилю и характеру, посвященные теме революции и гражданской войны: это и новаторская, сочетающая в себе некоторые приемы античной трагедии с традициями революционного театра «Огненное кольцо» (по мотивам повести Б. Лавренева «Сорок первый» и стихов Е. Чаренца) Авета Тертеряна (1967); и написанная с акцентом на социально-психологическую драму «Крушение» (по драме Араксманяна «Розы и кровь») Геворка Арmenяна (1968); и героико-романтическая опера о легендарном большевике Камо «Человек из легенды» — Гр. Ахиняна (1970). Все эти три произведения были поставлены театром оперы и балета им. Спендиарова. В 1969 году на сцене того же театра состоялась премьера лирико-драматической оперы Александра Арутюняна о великом поэте и музыканте «Саят-Нова», в 1970 году — антивоенной оперы «Сказка для взрослых» Эрика Арутюняна, созданной по известному произведению Ованеса Туманяна «Капля меда», а ранее, в 1963 г., — социально-сатирической оперы А. Айвазяна «Господин Минтоев» (по Ширванзаде). Кроме того, в портфеле театра и авторов — оперы «Дядюш-

ка Багдасар» (по Пароняну), завершенная Андреем Ба- баевым незадолго до его преждевременной смерти, «Хозяин и работник» (по Ованесу Туманяну) Арама Кочаряна. Над историко-философской оперой по драме Левона Шанта «Старые боги» работает Геворк Арменян, над антифашистской оперой по «Носорогу» Ионеску — Дживан Тер-Татевоян. Оперу «Цовинар», посвященную современной жизни Советской Армении, написал Гр. Ахинян, а оперу «Гикор» (по О. Туманяну) С. Джербашян.

Еще разнообразнее тематика в балетном творчестве. Вслед за балетом на современную тему «Озеро грез» (1968) Гр. Егиазарян закончил историко-романтический, живописный и красочный балет «Ара Прекрасный и Шамирам». На сцене Ереванского театра оперы и балета им. Спендиарова были поставлены балеты Эдгара Оганесяна: «Голубой ноктюрн», решенный в остро публицистическом плане и затрагивающий проблему призыва и судьбы художника (1964), «Вечный идол», сочетающий преднамеренную «архаичность» с подчеркнутой современностью музыкальных средств, раскрывающий вечную тему любви и смерти (1966), и «Антуни», посвященный 100-летию со дня рождения великого армянского композитора Комитаса и насыщенный его мелосом (1969). В 1967 году свет рампы увидел динамичный, полный большой ритмической энергии балет Эмина Аристакесяна «Прометей» (по Эсхилу). На сцене этого же театра зритель увидел три поэтических одноактных балета Грикора Ахиняна, созданных по мотивам поэм Ованеса Туманяна «Ахтамар», «Лореци Сако» и «Ившушка» (1966) и своеобразный балет-симфонию Константина Орбеляна «Бессмертие», посвященный Герою Советского Союза Унану Аветисяну, проявившему беспримерную отвагу и мужество во время Великой Отечественной войны (1969). В Москве на сцене Большого театра Союза ССР была показана новая редакция балета С. Баласаняна «Лейли и Меджнун», а в Риге — его же новый балет «Шакунтала» по поэме великого писателя Индии — Калидасы. В Ленинграде был поставлен на сцене Государственного академического театра оперы и балета им. Кирова балет Надежды Симонян «Жемчужина» (1965), а в Малом оперном театре — ее же балет «Старик Хоттабыч» (1971). Закончены балеты «Сотворение мира» (по Эффелю) Юрия Казаряна и «Давид» (о современной советской молодежи) Степана Цакаряна. Кроме того, в Ереване были

поставлены детские балеты «Мойдодыр» (по Корнею Чуковскому) Б. Саккялари, «Красная шапочка» Г. Мелик-Мурадяна, опера «Гикор» С. Джербашяна, а также написаны детские оперы «Жар-птица» Г. Аветисяна, «Добрый Чамбар» М. Мазмания, «Лисица без хвоста» Е. Сардаряна; опера «Эй, кто-нибудь» (по пьесе В. Сарояна) Г. Меликяна, балеты «А где твой брат» Э. Арутюняна, «За счастье» Р. Давтяна, «Башмаки Абу-Гасана» Э. Мигранян и телевизионный балет «Розовый город» Ю. Каizarяна.

Среди творческих замыслов классика советской музыки Арама Хачатуряна два крупных музыкально-сценических произведения: опера о 26-ти бакинских комиссарах и балет, рассказывающий о прекрасной древнеегипетской царице Нефертити. Начали писать героико-эпический балет «Давид Сасунский» — Э. Оганесян, комическую оперу «Высокочтимые попрошайки» (по А. Пaronяну) — А. Арутюнян, балет «Ричард III» (по Шекспиру) — А. Тертерян.

В лучших операх и балетах, созданных армянскими композиторами в 60-ые годы, нельзя не почувствовать общий возрастший уровень профессионального мастерства. Это проявляется в целостности идеально-художественных концепций, музыкальной драматургии, в свободном, разнообразном и драматургически осмыслившем использовании оперных и балетных форм сквозного развития, принципов симфонизма и т. п.

Говоря об армянском музыкально-театральном искусстве шестидесятых годов, хочется подчеркнуть его признание и высокую оценку не только в Армении, но и за ее пределами. На посвященных 50-летию Великого Октября и 100-летию со дня рождения В. И. Ленина Всесоюзных конкурсах музыкально-театральных спектаклей были удостоены премий и дипломов оперы «Огненное кольцо» А. Тертеряна, «Крушение» Г. Арменяна, «Сказка для взрослых» Э. Арутюняна и балет «Прометей» Э. Аристакесяна. Балеты «Озеро грез» Г. Егиазаряна, «Вечный идол» Э. Оганесяна и опера «Саят-Нова» А. Арутюняна удостоились Государственной премии Армянской ССР. С успехом прошел показ трех армянских опер в Москве осенью 1969 года на сцене Большого театра Союза ССР (во время гастролей Ереванского театра оперы и балета, приуроченных к празднованию 100-летия Ов. Туманяна). Это были новые поста-

новки «Ануш» Армена Тиграняна и «Алмаст» Александра Спендиарова, а также «Саят-Нова» Александра Арутюняна. Балеты Сергея Баласаняна шли на сценах Москвы, Риги, Челябинска; Надежды Симонян — Ленинграда. Балет Эмиля Аристакесяна был поставлен в Харькове, Фрунзе, Катовицах (Польша), опера «Крушение» Г. Арmenяна в Перми, «Сказка для взрослых» Э. Арутюняна в Донецке, опера «Саят-Нова» А. Арутюняна в Баку, а оперетта В. Тиграняна «Большая свадьба» в Днепропетровске, Ростове и др. городах, в Москве же она прозвучала радиоопереттой. Следует также назвать постановку «Алмаст» Спендиарова в Новосибирске и показ этой оперы и оперы «Ануш» А. Тиграняна в Париже.

Все множилась в эти годы мировая известность и популярность балетов Арама Хачатуряна. Новые постановки «Гаянэ» и «Спартака» были осуществлены во многих городах Советского Союза и за рубежом. Постановка «Спартака» в Большом театре была удостоена Ленинской премии. Балет С. Баласаняна «Шакунтала» получил в Индии премию им. Джавахарлала Неру.

Все это, несомненно,—свидетельство выхода армянского музыкально-театрального искусства на более широкую, чем прежде, общественную арену.

Кроме того, надо еще назвать ряд музыкально-хореографических спектаклей, осуществленных Ереванским театром оперы и балета им. Спендиарова на основе ряда крупных симфонических произведений армянских авторов. Это балет «Три пальмы» на музыку симфонической картины А. Спендиарова и «Героическая баллада» на основе вариаций для рояля с оркестром Арно Бабаджаняна.

Как и раньше, наряду с работой над произведениями армянских композиторов, Ереванский театр оперы и балета им. Спендиарова ставит оперы и балеты русских и западноевропейских авторов. Среди них «Лючия де Ламмермур» Доницетти, «Дон Карлос» и «Риголетто» Верди, «Царская невеста» Римского-Корсакова, «Пиковая дама» Чайковского, «Царь Эдин» Стравинского, «Консул» Менотти, «Оптимистическая трагедия» Холминова, «Миндия» О. Тактакишвили, «Ромео и Джульетта» Прокофьева, одноактные балеты на музыку Шостаковича, Бартока и другие.

Шестидесятые и начало семидесятых годов знаменовали значительное пополнение новыми силами и армянское музыкально-сценическое исполнительство. Рядом с уже

хорошо известными именами мастеров оперного и балетного искусства выдвинулась талантливая молодежь.

Ранее мы не раз называли имена выдающихся мастеров армянского музыкально-сценического искусства — таких солистов, как Н. Папаян, А. Даниэлян, Ш. Тальян, Л. Исецкий-Иоаннисян, Т. Сазандарян, Л. Погосян, П. Лисициан, Г. Гаспарян, Н. Ованесян, М. Еркат и другие; артистов балета Л. Воиновой-Шиканян, Р. Тавризян, С. Саркисян, Г. Георгиян и другие.

И сейчас успешно выступают на сцене Ереванского театра оперы и балета им. Спендиарова многие представители старшего и среднего поколения армянского музыкально-сценического исполнительства. А наряду с ними выдвинулись и новые имена. Среди них Г. Галачян, А. Арутюнян, Е. Микаэлян, О. Габаева, А. Ншанян, Б. Греков, А. Карапетян, В. Миракян, Б. Сухарников, Г. Егиазарян, А. Айрян, Т. Левонян и другие; артисты балета В. Галстян, А. Марикян, Э. Мнацаканян, Р. Харатян, Б. Худинян, А. Гаспарян, Л. Ованесян, С. Хачатрян, А. Мурадян, Б. Овнанян, О. Диванян и другие.

На сцене Ереванского театра оперы и балета с успехом выступают известные артисты-гастролеры из числа зарубежных армян, в том числе Карпис Зобиан (Румыния), Давид Ованисян (Румыния), Лили Чукасян (США), Люси Амара (США) и другие.¹

Выше не раз назывались и имена талантливых армянских дирижеров, режиссеров, художников, внесших, несомненно, значительный вклад в общий подъем профессиональной и художественной культуры Ереванского театра оперы и балета им. Спендиарова. С театром была связана в прошлом деятельность выдающихся и столь различных по творческому облику и артистическому темпераменту дирижеров, как К. Сараджев — ученик Никиша, замечательный мастер строгого классического направления, создатель своей школы; М. Тавризян, исполнительский талант которого был отмечен огромным темпераментом, волей, большим эмоциональным накалом и романтической взволнованностью; С. Чарекян, сочетающий академическую строгость и чистоту стиля с лирической

¹ Об армянских зарубежных исполнителях, а также композиторах см. Ц. Брутиян. «Зарубежные армянские музыканты». Ереван, 1968 (на арм. языке).

насыщенностью; Г. Будагян — серьезный, культурный и опытный дирижер, сыгравший особенно большую роль в пропаганде наследия Спендиарова и его оперы «Алмас». В театре работали дирижеры В. Пирадов, Р. Степанян, Д. Шиканян, И. Хараджян, хормейстер В. Никольский и другие. В последние годы на смену старшему поколению успешно выступили и новые дирижеры А. Катанян, Ю. Давтян, Я. Восканян, Г. Торикян, Г. Тертерян, хормейстеры С. Казарян, Р. Айвазян и другие, успешно несущие на себе весь репертуар театра.

Говоря о режиссерах, ставивших спектакли в Ереванском театре оперы и балета им. Спендиарова, мы называли имена А. Бурджаляна, Л. Калантара — мастеров остального сценического рисунка, плакатной выразительности, сыгравших большую роль, особенно в первые годы становления музыкальной театральной культуры в Советской Армении. Долгое время плодотворно работал в театре (в тесном содружестве с М. Тавризяном) А. Гулакян, осуществлявший постановку множества спектаклей, особенно исторического монументального плана. Ряд интересных постановок осуществили В. Вартанян, В. Аджемян, позднее Г. Капланян. Видные мастера армянского драматического театра, они привнесли в оперное искусство принципы сценического реализма и высокую культуру советского театра. И здесь появляются новые имена молодых режиссеров В. Багратуни, Р. Джербашян и другие.

Среди балетмейстеров мы отмечали ранее И. Арбатова, внесшего значительный вклад в развитие национального музыкально-хореографического искусства, Л. Лавровского, работавшего в Ереване в годы войны и во многом способствовавшего общему подъему хореографической культуры Ереванского театра оперы и балета.

Много нового и интересного в армянский балет внесли балетмейстер Е. Чанга, а также М. Мартиросян, В. Галстян, А. Асатрян и другие.

Своим ярко характерным, национально своеобразным обликом отличается художественно-декоративное искусство в армянском музыкальном театре. Конечно, во многом это связано с тем, что во главе национальной художественно-декоративной школы стал замечательный мастер Мартирос Сарьян, создавший к ряду спектаклей декорации, костюмы такой неповторимой красоты, выразительности и такого безукоризненного вкуса, что они при-

обрели значение классических образцов (как, например, к опере «Алмас»).

Много яркого, интересного было в работах М. Арутчяна, П. Ананяна, А. Шакаряна, С. Аладжалова, Х. Есаяна, А. Мирзояна, Р. Налбандяна и других. В их работах с большим мастерством воспроизведены многовековые традиции армянского дворцового, замкового, крепостного, храмового зодчества (например, в операх «Аршак Второй», «Алмас», «Давид Бек»), передан облик армянской деревни (в «Ануш», «Лусабацин», «Арцахберд»), запечатлены картины родной природы: горы Зангезур в «Давид Беке», озеро Севан в балете «Севан», залитые солнцем пейзажи в «Гаяне» и т. п. А костюмы привлекают не только исторической достоверностью, но и богатством, тонкостью красок и большим вкусом. Декоративное оформление, костюмы, цвет и свет стали сильными компонентами драматургии.

Естественно, что обновление содержания и художественной формы в оперном и балетном творчестве не могло не повлечь за собою и новых приемов режиссуры и художественного оформления спектаклей.

Здесь также, наряду с традиционными постановками, с живописно-декоративным оформлением, появлялись спектакли, решенные в более динамичных, условно-обобщенных, лаконичных формах, где станковые, писанные декорации и театральная бутафория уступили место ширмам, полотнам, плоскостям, движущимся сценическим площадкам, активнейшей роли света, скромому, порой графическому рисунку (в манере Пикассо, Мезереля или Ван-Гога). Особенно показательно проявились эти новые тенденции художественного оформления спектаклей в работах талантливых художников Минаса Аветисяна (декорации, костюмы к опере «Огненное кольцо», к балетам «Антуни», «Гаяне» и другим спектаклям), А. Мнацаканяна (оформление балета «Прометей»). Они принесли с собою свежую краску и очень современную манеру в декоративном оформлении.

Продвинулось творчество армянских композиторов и в области музыкальной комедии. Здесь также происходит приток молодых авторов, и интенсивно утверждается как главная советская современная тема. Некоторые из созданных и поставленных Ереванским театром музыкальной комедии спектаклей отражают колхозную жизнь. Это,

например, «Большая свадьба» (либр. А. Паньяна) и «Ширак, мой Ширак» (либр. М. Армена) В. Тиграняна. Оба эти произведения отмечены близостью к народной музыке и развернутостью форм.

С некоторыми иными интонационными пластами, идущими от городской бытовой лирической песни, связаны музыкальные комедии В. Котояна — «Ошибка Софик» (либр. Г. Тер-Григоряна) и «Тысячник дом строит» (либр. Б. Сейраняна), обличающие жуликов и аферистов. В музыкальной же комедии Г. Ахиняна «Цена головы 50 миллионов» (пьеса Ж. Арутюняна), посвященной годам гражданской войны, борьбе большевиков и дашнаков, сочетаются крестьянский и городской мелос, «гальванизированные» современной активной ритмикой.

Представитель старшего поколения, автор комической оперы и музыкальных комедий, успешно шедших еще в 30—40-х годах, А. Айвазян высмеял в своей новой оперетте «Любовь под звездами» карьеристов, лжеученых. Отлично владея традициями Чухаджяна и венской классической оперетты, А. Айвазян, обратясь к современной теме, нашел новые композиционные приемы и выразительные средства, в частности связанные с армянской эстрадной песней. Кстати, в оперетте «Оник и его любимец» использована завоевавшая большую популярность песня Айвазяна «Джан Ереван».

Эстрадные песни с их броскими запоминающимися мелодиями, динамичной «будоражущей» ритмикой, в которой причудливо переплетаются ритмы армянских народных плясок и новейших современных танцев, стали источниками интонационного языка оперетт и музыкальных комедий, созданных в последнее время. Здесь надо назвать одну из лучших советских оперетт, очень поэтичную и отмеченную хорошим вкусом, «Еразик» С. Джербашяна (либр. Г. Чаликяна), посвященную нашей молодежи; его же «Женщины с Марса» (либр. Г. Чаликяна), содержащую в сюжете элементы научной фантастики; «Агафон и его женщины» Э. Абрамяна (либр. Г. Беса), высмеивающую догматиков, карьеристов и т. п.; «Счастливые дни» Э. Багдасаряна (пьеса В. Злобина и М. Селезнева) и другие. Ценный вклад в советскую оперетту внесли Александр Долухян («Конкурс красоты», либр. Н. Доризо) и Карэн Хачатурян («Простая девушка»). Эти оперетты с успехом шли в Москве и других городах.

Актуальность тематики, светлая лирика, острота комедийных ситуаций, осмеяние теневых сторон, недостатков, еще встречающихся в нашей действительности (взяточничество, чванство, стяжательство и т. п.) и, конечно, жизнерадостная, бодрая, мелодичная музыка, завоевали опереттам армянских композиторов своего постоянного слушателя.

Ставит театр музыкальной комедии и переводные оперетты, такие, например, как «Фиалка Монмартра» Кальмана, «Цыганский барон» И. Штрауса, «Трехгрошовая опера» (по Брехту) Вейля, «Моя прекрасная леди» (по Б. Шоу) Ф. Лоу, «Человек из Ламанчи» М. Ли, а также и произведения советских авторов: «Поцелуй Чаниты» Ю. Милютина, «Три студента» А. Петрова и А. Чернова, «Не прячь улыбку» Р. Гаджиева и др.

Раньше говорилось о старшем поколении талантливых артистов армянской музыкальной комедии (И. и Г. Данзасы, В. Шахсуварян и другие). А вслед за ними появились и новые имена: А. Андриасян, С. Калантарян, С. Самвелян, К. Хачваникян и другие. Вслед за видным дирижером, сыгравшим важнейшую роль в создании Ереванского театра музыкальной комедии в Ереване, А. Тер-Оганесяном следует назвать имена главных дирижеров Г. Карапетяна, Г. Варжапетяна и особенно нынешнего главного дирижера И. Хараджаняна, имеющего большие заслуги в общем подъеме музыкального профессионализма театра.

Среди постановщиков спектаклей — Т. Вартазарян, К. Хачваникян, М. Симонян.

Несмотря на свои сравнительно ограниченные возможности, Ереванский театр музыкальной комедии стремится расширять свой репертуар, совершенствовать мастерство. Театр, безусловно, нуждается в активной помощи, в притоке новых молодых сил.¹

Много сил, таланта, творческих исканий в рассматриваемый период вложили деятели армянского музыкального театра в развитие национального оперного и балетного

---

¹ Специальные главы о музыкальной комедии, оперетте, детских спектаклях и балетах и музыкально-театральном исполнительстве будут помещены в следующем томе.

искусства. Выдвинулся ряд новых имен талантливых композиторов и исполнителей, созданы интересные произведения, вырос общий уровень профессионального мастерства, значительно расширилась тематика, жанры, обогатились выразительные средства, имеются большие художественные достижения. Все это, естественно, радует, дает уверенность в дальнейшем прогрессе. И все же, как мы увидим дальше, музыкально-театральное искусство Армении еще не во всем поспевает за стремительным темпом развития нашей жизни.

Музыкальный театр относится к высшим формам музыкально-сценического искусства. Синтезируя выразительные возможности различных видов искусства, обладая огромной силой художественного воздействия, широчайшими возможностями реалистического отображения действительности, он способствует идеиному эстетическому воспитанию нового человека коммунистического общества. А дальнейшие перспективы музыкально-театрального искусства Советской Армении связаны прежде всего с этой благородной задачей.

ГЛАВА II

ВОПЛОЩЕНИЕ ГЕРОИЧЕСКОЙ ТЕМЫ

Каждая переломная эпоха, связанная со сменой формации, крушением старого и рождением нового мира, эпоха подъема революционной активности масс, всегда является также эпохой решающего обновления искусства. В искусство входят новые идеи, темы, образы, конфликты, новая концепция истории. Соответственно происходят кардинальные реформы в области жанров, форм, средств художественного воплощения и т. п.

Именно в эти периоды нарастания борьбы против всех форм тирании, деспотизма, насилия, когда идеи подвига, самоотверженной преданности делу свободы и прогресса рождаются самой действительностью, категория героического приобретает особое значение в искусстве.

Об этом убедительно свидетельствует вся история искусства и особенно искусства эпохи пролетарских революций, когда подлинным героям становится человек из народа, рабочий, крестьянин, «рыцарь революции» — большевик. Многочисленные примеры утверждения подлинной героики в искусстве дает история советского искусства с первых дней Великой Октябрьской революции и до наших дней. Героическое вошло в плоть и кровь советской литературы, живописи, театра, кино, музыки, в которых «ожили» многие события освободительной борьбы и героический эпос народов, а также героические личности прошлого — Спартак, Гарибальди, Давид Сасунский, Витязь в тигровой шкуре, Калевипоэг, Степан Разин и Пугачев, декабристы, парижские коммунары и другие.

Естественно, что особенно широкое и новаторское во-
площение в советском искусстве героика получила в
связи с темами Великой Октябрьской революции, гражданс-
кой и Великой Отечественной войн, трудовых сверше-
ний советского народа.

Воплощение в художественных образах этих тем бы-
ло связано со смелыми, упорными исканиями, интересны-
ми, принципиально важными открытиями. Эти, новатор-
ские творческие задачи вместе с тем были связаны со
многими трудностями. Предстояло передать революцион-
ную романтику борьбы народа против старого мира, по-
истине эпохальные классовые конфликты, рождение впер-
вые в истории свободного государства трудящихся, но-
вых общественных отношений, формирование нового че-
ловека, нового мировоззрения.

Возникла новая драматургия, новая художественная
лексика.

История советского музыкального театра знает немало
произведений, созданных на сложных путях решения
этих актуальных и трудных задач. Мы вспоминаем в этой
связи, например, оперы 30-х годов — «Тихий Дон» И. Дзэр-
жинского, «В бурю» Т. Хренникова, «Семен Котко» С. Про-
кофьева, или более поздние, написанные уже в наше время,
«Октябрь» В. Мурадели, «Оптимистическая трагедия»
Н. Холминова, «Виринея» С. Слонимского и т. д.

Не раз обращались к этой теме и в армянском музы-
кальном театре. Значительной творческой удачей в этом
отношении явилась созданная в 30-х годах опера Аро Сте-
паняна «Лусабацин», посвященная борьбе за установление
Советской власти в Армении, событиям знаменитого Майско-
го восстания 1920 года (поставлена в Ереване в 1938 го-
ду). Эпизоды революционной борьбы, образы героев-боль-
шевиков, зловещие картины насилия и разгула маузе-
ристов, народные сцены, звучание массовых песен и при-
зывных интонаций, пламенные слова: «Свобода, борьба,
революция!» — все это передавало эпоху решающих клас-
совых битв. И в этом отношении создание «Лусабацин»
имело большое принципиальное значение в истории ар-
мянского музыкального театра, ибо она явилась первой
оперой на революционную тему. По своим художествен-
ным же достоинствам она по праву была признана одной
из лучших среди музыкальных произведений этого плана.
Здесь же надо вспомнить оперу Леона Ходжа-Эйнатова

«Мятеж» по Д. Фурманову, написанную в 1938 году и тогда же поставленную в Ленинградском Малом оперном театре.¹

В дальнейшем творческое начинание Аро Степаняна было продолжено как в опере, так и в балете. В первый год войны в Ереване была поставлена опера «Марджен» К. Закаряна, а позднее, в 1957 году, балет «Сона» Э. Хагагортиана, посвященные той же эпохе и той же социальной проблематике. Как в сюжете, в драматическом конфликте, так и в общем характере и стиле этих произведений многое восходило к «Лусабации» Аро Степаняна и по существу еще трудно было говорить об открытии в них каких-то принципиально новых художественных решений данной темы.

Три оперы на революционную тему, созданные на рубеже шестидесятых и семидесятых годов, «Огненное кольцо» А. Тертеряна, «Крушение» Г. Арmenяна и «Человек из легенды» Гр. Ахиняна свидетельствуют не только об усилении интереса композиторов к этим темам, но и о стремлении находить им новые различные формы художественного воплощения.

* * *

Опера «Огненное кольцо» Авета Рубеновича Тертеряна, несомненно, одно из наиболее интересных и смелых по творческому решению произведений в армянском музыкальном театре последних лет. Своей музыкально-сценической драматургией, композиционным строением, интонационным языком она позволяет усмотреть совершенно новые возможности воплощения в армянском музыкальном театре революционной темы и новую трактовку самого оперного жанра.

К своей опере композитор шел путем настойчивых и целеустремленных исканий. Еще во время занятий в Ереванской консерватории (которую он окончил в 1957 году по классу композиции Э. М. Мирзояна) молодой композитор много внимания уделял вокальной музыке — песне, романсу. Его интересовали различные формы объединения музыки и поэтического текста, он стремился овла-

¹ Об оперном творчестве Аро Степаняна и Л. Ходжа-Эйнатова см. во II-ом томе данного труда (Аннепрат, Ереван, 1960).

деть различными типами выразительной, психологически осмысленной вокальной мелодики, речитативом, декламацией, имеющей в своей основе живую речевую интонацию.

Склонность А. Тертеряна к вокальной музыке, впрочем, возникла еще раньше, в детские годы (он родился в Баку в 1929 году). Отец композитора, видный врач, обладал приятным голосом, хорошо пел, выступал иногда даже в оперных спектаклях. Хорошо пела и мать. Дома всегда звучала музыка. Часто всей семьей бывали в оперном театре. Так что Авет Тертерян с юных лет находился в атмосфере своеобразного культа пения, музыки, театра и сам любил петь.

В начале 60-х годов появляются его два вокально-симфонических цикла. Один из них «Родина» (на слова О. Гуманяна и О. Шираза) повествует об исторических судьбах Армении, воссоздает картины природы, крестьянского труда, а также тоску по родине скитальцев-гариботов. Второй же цикл «Революция» (на слова Е. Чаренца) отражает дух освободительной борьбы армянского народа, нарастания революционного подъема масс.

В этих циклах, насыщенных большим драматизмом и вместе с тем отмеченных эпичностью и лиризмом, композитор показал владение крупными вокально-симфоническими формами, вплоть до монологов, арий и ораториальных по характеру и масштабам, развернутых хоровых номеров.

Значительный интерес представляли эти произведения и тем, что в них проявилось более глубокое понимание композитором жанровых и стилевых особенностей армянской народной музыки, ярче выявился его творческий почерк.

Параллельно с вокальными сочинениями А. Тертерян создает ряд инструментальных произведений, в частности, сонату для виолончели и фортепиано, струнный квартет, а позже три симфонии, музыку для кинофильмов и театра.

А. Тертерян — один из наиболее оригинально мыслящих композиторов Армении. Хочется отметить серьезность его творческих замыслов, связанных со значительными историческими, революционными событиями, социальной и нравственной проблематикой. Композитор стремится передать в своих сочинениях не столько внешнюю сюжетную, событийную сторону содержания, сколько внут-

ренною, психологическую, драматургически действенную. Его интересуют не колористическое начало, не самодовлеющий эмоционализм, а обостренность чувств, острота рисунка и динамика развития.

Музыка А. Тертеряна привлекает внимание своеобразием национального характера. Композитор широко и очень по-своему, свободно и опосредовано использует различные сферы армянского мелоса, начиная от его древнейших пластов — тагов, шараканов (в симфонии, опере) и до самых современных звучаний. Композитор постоянно в поисках новых выразительных средств — сильных, острых, экспрессивных. По его глубокому убеждению, опера обязательно должна иметь высокую идею, большие художественные обобщения, сильные чувства, целеустремленную драматургию и подлинный симфонизм. Среди лучших образцов оперной классики, наиболее близких ему, — «Пиковая дама» Чайковского, «Отелло» Верди, «Катерина Измайлова» Шостаковича, «Волцек» А. Берга.

Первым оперным замыслом А. Тертеряна была опера «Матушка Кураж» по Бертольду Брехту, над которой он начал работать в 1964 году.

«Матушка Кураж» Б. Брехта привлекла меня, прежде всего, психологически сложным характером самой мамаши Кураж и, конечно, высоким гуманизмом идеи и всей антивоенной, антиимпериалистической направленностью драмы. Кроме того, вообще драматургия Брехта прямо просится на оперную сцену. Она действенна, построена на сильнейших страстиах и очень музыкальна».¹

Однако на некоторое время этот замысел был отложен, и композитор приступил к работе над другой оперой, в драматургии которой, впрочем, сказалось и увлечение Брехтом.

Вот еще два высказывания Авета Тертеряна, очень типичных для его понимания задач, стоящих перед создателями современной оперы: «Опера сегодня, как никогда, требует очень насыщенной симфонизации, и находкам современной оперы суждено взрасти на почве современной симфонии и современного оркестра. Я считаю, что в опере должно быть минимум слов, предельный лаконизм текста; то, что может выразить музыка, не следует иллюстрировать словами».

¹ Из подборки, посвященной современным проблемам оперы и балета. Составитель М. Рухян, журн. «Советакан аравест», 1971, № 5.

вами... Цепкая музыкальная драматургия, единство концепционного развития—для меня непременные качества современной оперы и балета».¹

В 1967 году Авет Тертерян создал оперу, которая в какой-то мере обобщила его художественные принципы и творческие искания в различных жанрах. К 50-летию Великого Октября в Ереванском академическом театре оперы и балета им. Спендиарова состоялась премьера новой оперы—«Огненное кольцо»² А. Тертеряна (либр. В. Шахназаряна), посвященной революции и гражданской войне. В либретто использованы свободно трактованный сюжет повести Бориса Лавренева «Сорок первый» (место действия перенесено в Армению) и некоторые стихи «поэта революционной бури» Егише Чаренца. При всей сложности и некоторой необычности оперы творческий замысел ее авторов совершенно ясен, четок и целеустремлен. «Создавая оперу, мне хотелось предельно лаконично, в сжатой форме передать неистовый дух революции и рассказать о двух людях, о простой деревенской девушке-революционерке и офицере-белогвардейце»,— пишет композитор А. Тертерян³.

А либреттист В. Шахназарян подчеркивает в замысле оперы современный угол зрения авторов на события революционных лет, непреложную связь времен. «Мы хотели,— пишет он,— чтобы вы взглянули на драматические события первых лет революции глазами людей сегодняшнего дня. Ведь прошлое отражается в настоящем и бросает отсвет на грядущее»⁴. Об этом же писала в рецензии на спектакль и К. Худабашян:

«Авторы оперы «Огненное кольцо» задались целью показать столкновение непримиримых человеческих характеров на широком общественно-политическом фоне, воссоздать дух революции, ее пафос и героику»⁵.

¹ Из подборки, посвященной современным проблемам оперы и балета. Составитель М. Рухян, журн. «Советская артест», 1971, № 5.

² Дирижеры А. Катанян, Г. Тертерян, постановщик Л. Михайлов, режиссер В. Багратуни, художник М. Аветисян.

³ «Огненное кольцо». Пояснение к опере. Ереван, 1967, стр. 9.

⁴ Там же, стр. 10.

⁵ К. Худабашян. Романтическая эпопея, «Советская музыка», М., 1967, № 9.

Величайшие революционные катаклизмы захватывают не только страны, народы, континенты, но и судьбы отдельных людей, вторгаются в личную жизнь человека. Казалось бы, «автономная» сама по себе, она тоже оказывается подвластной социальной, классовой борьбе. С особой силой проявляется это в решающие моменты жизни. Эта идея, последовательно проводимая в опере, определила и особенности ее драматургии и стиля.

Опера написана в лаконичной, обобщенной, активно симфонизированной форме, обостренно-экспрессивным музыкальным языком, выразительным и вместе с тем плачально броским. Революционная символика, широта метафорических ассоциаций, приподнятая патетика органично сочетаются в музыкально-сценическом действии с углубленным психологизмом, «драмой чувств» двух героев.

В опере два плана — контрастных, различных, но неразрывно связанных и все время дополняющих друг друга. Один — обобщенно и несколько условно передающий грандиозность революции, движения масс, устремленных к солнцу, свободе.

«Здесь главную роль играет хор, трактуемый как голос истории, эпохи, народа. Хор — участник и «свидетель событий», сочувствующий, предостерегающий, обличающий, выразитель авторского отношения к происходящему. Все подано крупным планом, на высоком градусе эмоционального напряжения. Именно здесь более всего ощущается близость музыки к поэзии «вдохновенного поэта Октября» — национального поэта Егише Чаренца. Его накаленная страстная поэзия, пронизанная возвышенной интонацией гимна, наложила сильнейший отпечаток на мышление композитора и подчинила его себе в лучшем смысле этого слова. Дух музы Чаренца царит в опере...»¹

Хор цементирует всю форму, создает интонационно-тематические арки, обрамления, проникает в интонационный строй героев (как и наоборот — впитывает в себя их интонации).

Говоря о трактовке хора в опере, композитор пишет: «Путем вокализации хор вводит слушателя в различный строй эмоциональных состояний: разбушевавшейся стихии,

¹ К. Худабашян. Цит. статья.

покоя, ужасов войны, ненависти, любви, тревожного нерва времени. Не ограничивая, порою, хоровую музыку конкретным текстом, я даю возможность слушателю воспринимать ее многозначно».¹

Большой хоровой пролог начинает оперу, сразу же включая слушателя в ощущение грандиозности и драматизма эпохи, взывованности масс. Голоса вступают один за другим, создавая сложные полифонические сопряжения. Напряженность интервалов вступления голосов (где большую роль играют тритоновые соотношения), возникающие при этом остро диссонантные полиладовые, политональные созвучия, наконец, общее нарастание музыки усиливают драматизм этого хорового фугато, полного тревоги и патетики.

На кульминации хор собирается в едином возгласе, построенном на начальной попевке. Сперва она проводится октавами, а затем очень напряженно звучащими политональными гармоническими комплексами (у хора и оркестра).

Grandioso
mp marc.

Хор.

basso a poco cresc.

Завершается вся эта картина призывными словами поэта (на фоне ритмического остинато оркестра):

«Шагайте в битву, бунтари, плечом к плечу за строем строй!
Вас одарила мать-земля своею силой огневой.
Падут пред вами цепи гор, дорогой горной станет лес,
Коль захотите — солнце вы сведете на землю с небес;
Светила бросив в небеса, пути укажите мирам.
Таких чудес на свете нет, что б не под силу было вам!»

Совершенно в другом плане предстает очень поэтичный хор, начинающий вторую картину и предваряющий песню девушки. Прозрачные, «незамутненные» вертикали, ли-

¹ Цитированное ранее пояснение к опере «Огненное кольцо», стр. 10.

рические взаимоопевания голосов, мягкая ладовая нюансировка.

И опять иное—остро ритмованный хор без слов, жестко и напряженно звучащий как особая краска (темпер) оркестра.

Наконец, хоровой эпилог, связанный с трагической развязкой, подобен «плачущему о гибели героев, а затем победоносному шествию».¹

В трактовке некоторых хоров в опере есть что-то и от античной трагедии, и от плакатных синтетических «действий» первых лет революции, в других—от обобщенных хоро-симфонических номеров ораторий и очень по-своему претворенных автором хоровых партитур Комитаса.

Впрочем можно говорить о сходстве драматургических приемов оперы «Огненное кольцо» и с театром Брехта, на что, в частности, указывает Н. Шахназарова:

«Следы соприкосновения с брехтовским театром — открытая публицистичность оперы — перед каждым эпизодом поэт-трибунал бросает в зал страстные строки Чаренца, они осуществляют «связь времен», вводя нас в тревожные и грозовые будни революции».²

Музыка хоровых партий сурова, динамична, полна патетики и схватывает широкий круг интонаций: то лапидарно сжатых в едином возгласе, то более распетых и развитых. Применяя различные приемы хорового письма (вплоть до ритмической вокализации без текста), автор достигает большого нагнетания и силы звучания.

В постоянном переплетении с этим массовым, хоровым планом находится другой, раскрывающий отношения и столкновения основных действующих лиц — простой крестьянской девушки-революционерки и белогвардейского подпоручика, единых в порыве зарождающейся любви и столь непримиримо антагонистичных. Эти образы раскрываются в опере в развитии, росте, изменениях. О масштабах этих изменений, происходящих соответственно развитию музыкально-драматургического действия, может дать представление хотя бы сравнение мужественной волевой и тревожной фразы девушки (начало I-ой картины):

¹ К. Худабашян. Цит. статья, стр. 32.

² Н. Шахназарова. Интересные встречи, «Советская музыка», 1968, № 3, стр. 33.

Andante

с ее же задушевной, нежной колыбельной (3-я картина). Композитор стремился передать в музыке, в ее непрерывно изменяющемся интонационном строе характер героев, их душевые противоречия: ненависть, вражду и вопреки всему прорывающееся чувство любви. Музыка здесь психологически индивидуализирована в передаче чувств: гнева и сострадания, нежности и ненависти, страстного влечения, забвения и все сокрушающего вторжения суровой действительности. К числу наиболее впечатляющих лирических мест оперы можно отнести: трогательную колыбельную девушки (хотя, быть может, и несколько растянутую в своих повторах), «сказку» и дуэт девушки с подпоручиком (во 2-ом акте).

Характерная особенность музыки оперы — последовательное и широкое применение лейтмотивов, лейтритмов. «Лейтмотивность в опере стала основным принципом драматургии, — пишет композитор. — Особенно важными стали для меня: ход оркестра на слова хора «а он красив...», или «убей его, он убивал таких, как ты...», тема «сказки», бесхитростная песенка девушки, мужественная суровая

тема трубы и третьего тромбона и, наконец, спокойная тема солирующей флейты¹.

По существу все темы оперы («вражды», «любви», «судьбы», «сказки», знаменательной фразы «а он красив и т. д.), несмотря на свою рельефную характерность, не только внутренне связаны друг с другом, но и в чем-то едины в своих истоках, восходя к многозначительной начальной теме пролога. В этом отношении можно говорить о приемах, в какой-то мере связанных с принципом моно-тематизма.

Интонационное единство, черты монотематизма, различные виды мотивных видоизменений, в зависимости от смены драматических ситуаций и состояния героев, интересно проследить хотя бы на одном тематическом образовании, связанном, в основном, с образом подпоручика.

В его лирико-философском рассказе о лани эта тема звучит спокойно, повествовательно, поэтично:

A musical score page showing two staves of music. The top staff is for the piano (right hand) and the bottom staff is for the cello. The music consists of eighth and sixteenth note patterns. Measure 11 starts with a piano dynamic (pp) and ends with a cello dynamic (mf). Measure 12 begins with a piano dynamic (p) and ends with a cello dynamic (mf).

а в обращении хора «Останься с нами» — как зов природы. Многократное повторение темы при непрерывном изменении ее ритмического рисунка, акцентировка долей такта и включение интервала увеличенной кварты (тритон) создают ощущение болезненного бреда героя. И, наконец, в драматически обостренных звучаниях гармонических комплексов в последний раз появляется эта тема в сцене смерти подпоручика.

A musical score page showing the beginning of the Adagio section. The key signature is B-flat major (two flats). The time signature is common time. The first measure starts with a bass clef, followed by a treble clef. The dynamic marking 'pp' (pianissimo) is written below the staff. The music consists of eighth-note patterns.

По принципу психологических ассоциаций интонации этой темы проникают и в интонационный строй девушки.

¹ А. Тертерян. Из пояснения к опере.

Очень интересно и драматургически осмысленно проводятся в опере ассоциативные внутритематические связи и образные трансформации тем. Они служат раскрытию эмоциональных состояний, психологического «подтекста», выявлению внутренних линий драматургии, взаимодействия героев.

Так, например, простая по своим корням крестьянская лирическая тема девушки превращается в остро драматическую, тревожную. Ее интонации, меняя свой облик и сливаясь с другими темами, проникают в партию хора, «голоса за сценой». Кстати, примечателен и очень народен по своему колориту этот «голос за сценой»: он создает ощущение величия и спокойствия природы, мудрости и бессмертия народа, высоких этических категорий. Эта вокальная партия, написанная в духе армянских гусанских монодий, вбирает в себя в соответствии с развитием действия те или иные интонационные обороты, связанные с другими образами.

Смело сочетает композитор в одновременном звучании различные по образно-смысловому значению темы, интонации (например, скорбные стенания женщин на фоне мужественно-героических фраз в оркестре в 1-ой картине или своеобразный контрапункт лейттем народа: «Останься с нами...», она же тема судьбы, «А он красив...» и мотива «сказки» в одной из самых драматических кульминаций—в finale 1 акта: девушка дает пощечину подпоручику).

На этой основе возникает чрезвычайно действенная, экспрессивная музыка с широким использованием различных приемов современного полифонического письма.

Музыкальный язык оперы своеобразен, национально характерен. Слышатся ладо-интонационные ритмические обороты, восходящие к крестьянским мелодиям, городскому романсу, шараканам, революционным маршам. Но все это «переплавлено» в самобытном и очень современном языке композитора.

Творчески использует он в отдельных, особо обостренных местах свободно трактуемые приемы серийной техники, достигая большой напряженности звучания (например, полифонический эпизод в 4-ой картине—*Andante* на серийной теме, развивающей приемами инверсий, ракоходного движения и т. п.)¹.

¹ Интересные наблюдения над гармоническим языком оперы на-

Высоко оценивая музыку оперы «Огненное кольцо», журнал «Театр» писал:

«Партитура ее сложна и интересна... музыка не иллюстрирует происходящее на сцене, а все выражает сама. В оркестровой партитуре композитор необычайно тонок и изобретателен. Симфоническую ткань оперы образуют сложнейшие сплетения лейтмотивных попевок, порой трудно уловимых при первоначальном прослушивании, но складывающихся в стройную логичную систему при повторных встречах с музыкой. Ни одна мысль-мелодия не потеряна».¹

«Огненное кольцо» — опера активно симфонизированная и не только в том смысле, что в ней большую роль играет оркестр, пронизывающий своим звучанием всю музыкальную ткань, способствующий развитию лейттем, созданию сильнейших эмоциональных нагнетаний, раскрытию мыслей и чувств действующих лиц.

Но в связи с оперой Тертеряна надо говорить и о симфонизме в асафьевском понимании «непрерывного интонационного становления содержания», сквозного развития, роста взаимодействия и столкновения образов. Сквозное развитие подчиняет себе в опере постоянно взаимодействующие компоненты — хор, оркестр, сольные партии, формы песен, ариозо, ансамбли, хореографически-пantomимные эпизоды, драматическое действие, слово.

И еще один важный элемент музыкально-сценического действия оперы — чтец, выступающий от лица автора. Его ораторская речь — в стиле Маяковского и Чаренца — полна патетики, сливается с музыкой и усиливает общую эмоциональную напряженность действия. Появляясь в начале, в заключительной части и в самых важных местах оперы, он играет роль трибуна и своеобразного комментатора действия.

ходим в работе С. Саркисян (канд. дисс. «О некоторых проблемах армянского музыкального творчества 60-х годов», гл. 4). Автор в частности указывает на большую роль кварт-гармоний, квинтовых, се-хундовых и реже терцовых созвучий. Интересны также упоминания С. Саркисян о «ритмическом фонизме», «пустых интервалах» и унисонах, коровой гетерофонии, а также, в более общем плане, новые соображения о некоторых аналогиях драматургии «Огненного кольца» с театром Блока и Мейерхольда.

¹ Р. Рамадинова. Подчиняясь музыке, «Театр», 1968, № 4, стр. 27.

ԱՍՈՒՐՆՈՒՄ դեպի արև էին գումար ամբոխները խեղաքարյած
ЧТЕЦ Навстречу солнцу толпы шли, чтоб уничтожить в мире зло

Очень большую роль в музыкальной драматургии и в формообразовании играет ритм — активный, действенный, часто берущий на себя основную функцию развития. В этом отношении примечательны различные лейтритмы, ритмические остинатные формы и т. д.

Говоря о постановке оперы, нельзя не сказать специально о режиссере-постановщике Л. Михайлове, осуществившем спектакль очень динамичной формы, напряженного ритма, органичного сочетания различных компонентов (солисты, хор, балет, чтец), и особенно о художнике Минасе Аветисяне, претворившем в этой постановке некоторые новые принципы и приемы художественного оформления в армянском оперном спектакле. Минас Аветисян сам писал об этой своей работе: «Революция... Здесь сурово все: и природа, и люди. На руинах древней культуры идет борьба. В основе оформления заложены объемно-движущиеся и плоскостно-живописные принципы. Полуразрушенная колонна сохраняет остатки расписных арок храма. Чередующиеся маски на арках словно были свидетелями хода армянской истории, и поэтому у них скорбные выражения, они будто встревожены происходящими событиями. На арках слева — сцены, изображающие скорбь и сочувствие. Лестница на круге — символ упадка и подъема нашей истории. Круг, на котором происходит основное действие спектакля, это мир двух героев, где они ненавидят, влюблются и умирают. Народ, в моем представлении

ний — часть природы. Он то возникает, как лава, то неподвижен, как скала»¹.

Здесь сказано далеко не все об интересном художественном оформлении, хотя и подчеркнуто стремление художника к обобщенным, условным, порою даже символическим формам, к широким ассоциативным параллелям. Необходимо отметить, что замысел художника, как и режиссера, практически далеко не во всем был удачно осуществлен в постановке оперы.

Как одно из лучших произведений советского оперного искусства опера «Огненное кольцо» А. Тертеряна была премирована на Всесоюзном конкурсе музыкальных театров в ознаменование 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. В 1970 году она была записана в Москве и передана по Всесоюзному радио во время празднования 50-летия Советской Армении. В Москве же по опере «Огненное кольцо» создан телеспектакль.

«Опера захватила с первых же тактов и так до конца слушалась с неослабевающим интересом, а местами с подлинным напряжением. И успех определила прежде всего музыка хорошего вкуса и безупречного чувства меры», — писала об этой опере Н. Шахназарова².

* * *

Другое решение темы революции получила в опере «Крушение» Геворка Арменяна. В опере Геворг Арташесович Арменян не новичок и обращался к этой области творчества не раз.

Детство и юность его прошли в Тбилиси (родился в 1921 г.). Вспоминая о тех условиях, которые с самых ранних лет определяли его влечение к театру, композитор с благодарностью произносит имя известного армянского артиста Арташеса Мамиконяна, который заменил ему отца и уже с 8-летнего возраста приобщал его к театру, сцене. Далее, запомнившиеся на всю жизнь впечатления о «Севильском цирюльнике» Бомарше в драматическом театре и о первой опере, услышанной в 9-летнем возрасте

¹ «Огненное кольцо». Пояснение к опере. Ереван, 1967, стр. 11.

² Н. Шахназарова. И вновь интересные встречи. «Советская музыка», 1968, стр. 32.

в Тбилисском оперном театре—«Демоне» А. Рубинштейна; постоянное посещение этого театра, работа (с 14 лет) в Тбилисском Армянском театре юного зрителя в качестве стажера-актера. Приходилось ему и суфлировать, а иногда выступать и в качестве ассистента режиссера. Словом, юноша постигал полную «тайны театрального» очарования и загадочности жизни театра, которая влекла его все больше и больше. Громадную роль, конечно, сыграло и то, что он видел и слышал здесь таких замечательных деятелей армянского театра, как А. Бурджалов, С. Капанакян, А. Абарян, Арус Бабалян. Музыкальные знания будущий композитор получил в школе у педагога по музыке композитора Умршата.

Уже в 18-летнем возрасте в 1939 году Г. Арменян написал детскую оперу на собственное либретто по поэме Ованеса Туманяна «Маро». Опера исполнялась в армянских школах Тбилиси. Шла она в исполнении школьного хора; одну из ролей исполнял в ней тогда еще совсем юный композитор Вагаршак Котоян.

Последующие годы прервали систематические занятия музыкой: Г. Арменян ушел на войну. Но, находясь в рядах Красной Армии, молодой композитор не пропускал случая погреть на аккордеоне или каком-либо другом музыкальном инструменте, а когда воинская часть, в которой он служил, была послана после тяжелых боев под Керчью в Куйбышев на переформирование, Г. Арменян пользовался любой возможностью, чтобы оказаться на спектаклях эвакуированного в этот город Большого театра Союза ССР.

Регулярные занятия композицией у Г. Арменяна начались лишь после войны в Ереване, в музыкальном училище у В. Тальяна и Г. Егиазаряна, а затем продолжались в Ереванской консерватории (в классе Г. Егиазаряна). После окончания занятий в Ереванской консерватории (1953г.) молодой композитор совершенствовался в аспирантуре Ленинградской консерватории у профессора Б. Арапова.

Г. Арменян является автором ряда камерных, хоровых, симфонических и музыкально-спектакльных сочинений. Композитора интересуют социально-значимые, проблемные замыслы, крупные формы. Но больше всего проявляет он склонность к опере. Эта область творчества, дающая композитору такие широкие возможности воплощения боль-

ших идей, сильных конфликтов, мне особенно близка, — говорил Г. Арmenян. — Опера, по-моему, один из самых демократичных жанров в музыкальном искусстве».

Еще в студенческие годы у Г. Арmenяна возник за- мысел большой народной оперы о выдающемся писа- теле-просветителе, основоположнике новой армянской ли- тературы Хачатуре Абовяне. Опера была завершена в год окончания аспирантуры, в 1957-ом, а через три года по- ставлена на сцене Ереванского театра оперы и балета им. А. Спендиарова.¹

Действие оперы происходит в начале XIX века в зна- менательную, переломную в истории Армении эпоху, ког- да с помощью России значительная часть Восточной Ар- мении была освобождена от ига шахской Персии и султан- ской Турции и присоединена к России. Судьба армянского народа связалась с историческим развитием и освободи- тельной борьбой русского народа. Правда, русский па- риизм проводил колонизаторскую политику в отношении так называемых «малых» народов, всячески препятствуя росту их национальной культуры. Но все ширилась ду- ховная близость между прогрессивными деятелями армян- ской культуры и передовыми представителями русской об- щественной мысли, публицистики, литературы и искусства.

Именно эта эпоха и выдвинула благородную фигуру писателя-гуманиста, патриота, отдавшего всю свою жизнь борьбе за национальное освобождение армянского народа, за его политическое и культурное возрождение. Абовян был горячим поборником дружбы и близости армянского и русского народов. Но, отстаивая интересы простого ар- мянина-труженика, он смело боролся против реакционе- ров всех мастей — и русских, и армянских.

Выступая против схоластических писаний церковни- ков, против идеалистических канонов ложно-классической литературы, Абовян заложил идеальные, эстетические осно- вы новой армянской литературы — глубоко жизненной, действенной, демократической, ставящей своей целью слу- живение родине, народу. Хачатур Абовян оказал громадное влияние на дальнейшее развитие передовой национальной литературы, а его роман «Раны Армении», запечатлевший образы героической борьбы армянского народа против

¹ Дирижер С. Чарекян, режиссер Р. Қапланян, художник А. Гри- горянц.

персидского ига, стал одним из самых любимых произведений армянской классической литературы.

Образ Хачатура Абовяна и его роман «Раны Армении» не раз вдохновляли деятелей армянского искусства на создание художественных произведений. Если говорить о музыке, то можно вспомнить хотя бы героическую песню для голоса с оркестром «Туда, туда на поле чести», написанную Александром Спендиаровым в 1914—1915 г. и запрещенную царской цензурой, а также оперу «Агаси» Каро Закаряна, созданную в первые послевоенные годы.

По своему жанру, по большой и действенной роли народных хоровых сцен опера «Хачатур Абовян» Г. Арmenяна может быть отнесена к типу народных опер. В этом отношении для композитора высоким и непревзойденным образцом являлись «музыкальные драмы» Мусоргского (особенно «Борис Годунов»). Здесь, безусловно, оказались годы пребывания Г. Арmenяна в Ленинграде, годы серьезного приобщения к русской классической музыке.

Образ народа занимает центральное место во всей первой половине оперы, а Хачатур Абовян предстает неотрывным от народа. Хорошо зная армянскую народную песню, композитор создал на основе ее интонаций развернутые хоровые формы, часто получающие интенсивное полифоническое развитие. Здесь можно указать на хоры в 1-ой, 2-ой и особенно в 4-ой картине, рисующей образ народного бунта (не без влияния сцены под Кромами Мусоргского). Хотя в последующих картинах действие более персонифицировано, но и там все время сохраняется ощущение родной страны, народа. Примечательна в этом отношении финальная сцена оперы, когда трое учеников приносят Абовяну уцелевший и сохраненный ими экземпляр его учебника «Первый путь» (все учебники Абовяна были переданы сожжению по приказу церковников). Х. Абовян оставляет учебник своим ученикам. В этом — и связь с народом, и служение ему, и идея преемственности поколений.

Характеризуя эпоху, Г. Арmenян создал, наряду с образом народа, ряд сцен, рисующих социальную историческую обстановку того времени. Такова, например, сцена во дворце царского наместника Блаватского (5-я картина). Приближенные Блаватского — крупные чиновники, военные, духовенство. Резко противопоставлен им Хачатур Абовян, которого за «крамольные» взгляды снимают с поста учителя... Звучит светский вальс, его сменяет

официальный пышный полонез. Резкий контраст между веселым оживлением гостей и душевными переживаниями, обидой, возмущением, гордым презрением Абовяна. Подобную же драматургическую роль играет и 6-я картина (в Синоде) — столкновение Абовяна с духовенством, церковниками.

На этом историческом фоне, в органических связях с социальной обстановкой, идеейной борьбой того времени, раскрывается в опере трагическая судьба и личная драма Абовяна — друга и защитника народа, борца против нежесткости и мракобесия. В развитии образа Абовяна две взаимосвязанные линии. Одна из них носит более лирический характер и связана с его взаимоотношениями с женой — немкой Эмилией, которая не стала его подлинным другом, не поняла его просветительской миссии, обрекла его на душевное одиночество в семейной жизни. Характерны в этом отношении 2-я картина (большой дуэт Абовяна и Эмилии) и 3-я картина. Абовян сидит и работает. Издали слышна песня пахаря «Оровел». Возникает ощущение единства гениального писателя и народа. Эмилия уговаривает мужа уехать из Армении. «Здесь моя родина, здесь я живу и здесь умру, если даже весь мир восстанет против меня», — взволнованно и воодушевленно восклицает Абовян. И вновь, словно сливааясь с его словами, как голос родины, народа, звучит «Оровел».

Главная линия в развитии образа Абовяна — писатель и народ — проходит через всю оперу, начиная с 1-й картины, где мы видим его в окружении простых людей, крестьян, школьников, слышим его монолог — «Есть одна цель у меня — служить народу!» и до финальной картины, — трагической развязки, когда затравленный, одинокий Абовян приходит к бушующей реке Зангу. Гроза, молнии. Буря в природе ассоциируется с бурей в душе Абовяна. Вот именно в этот момент и находят его трое учеников (эпизод, о котором говорилось раньше).

Опера «Хачатур Абовян» написана «крупным планом». Композитор Г. Арменян обладает определенными музыкально-драматическими способностями, умением создавать драматургически действенные положения, выразительные массовые сцены, индивидуальные характеристики, в частности, и лейтмотивные. Лейтмотивы оперы: народа («Оровел»), Хачатура Абовяна, Эмилии (в духе немецких песен Шуберта), школьников и других.

Однако постановка «Хачатура Абовяна» была осуществлена на недостаточно высоком художественном уровне, имела ряд недочетов. Спектакль скоро сошел со сцены, что, несомненно, затрудняет всестороннюю оценку оперы.

Следующая опера, над которой Г. Арменян начал работу, связана с известным произведением армянской литературы начала века — «Старые боги» Л. Шанта, посвященным интересным проблемам армянского средневековья, столкновению клерикальной идеологии, неумолимых законов церкви и противостоящих им стремлений к раскрепощению личности, чувств, плоти, страстей.¹ Работу над этой оперой композитор продолжает и сейчас.

Наконец в 1968 году Г. Арменяну удалось осуществить свое давнее намерение—создать оперу о борьбе за установление Советской власти в Армении. В этом же 1968 году Ереванский театр оперы и балета им. Спендиарова осуществил постановку его оперы «Крушение» по мотивам драмы Г. Араксманяна «Розы и кровь» (либретто Г. Арменяна и Р. Давояна)².

Действие оперы происходит в Армении весной 1920 года на одном из горных участков железной дороги и связано с подготовкой и осуществлением красными партизанами, по поручению революционного совета, взрыва вражеского белогвардейского эшелона.

В центре оперы рабочие, крестьяне: обходчик железнодорожного полотна дед Саак, бабушка Эрикиаз, их внучка Назик, командир партизанского отряда Дэв Енок, его одинарец Паруйр, преданная революции Арпеник. Каждый из них разными путями пришел в революцию, к осознанию необходимости борьбы за Советскую власть. Им противостоят враги революции, предатель Манвел и другие.

В отличие от большинства опер на революционную тему, а также от предыдущего произведения того же автора в «Крушении» нет развернутых массовых сцен, а хор участвует лишь в первой картине 2-го акта, где он вместе с оркестром становится своего рода «комментатором» событий, либо использован для колорита. Все музыкально-сценическое дей-

¹ Ранее на этот сюжет была написана опера «Седа» А. Тер-Гевонян (1921 год).

² Дирижер Ю. Давтян, режиссер В. Багратуни, художник А. Григорянц.

ствие скжато и объединено единством места, действия, времени, а узел драматических событий завязан вокруг главных действующих лиц и их отношения к революции, к организации диверсии. Ощущение же революционной эпохи, решающих классовых битв возникает из взаимоотношений, поступков, столкновений, переживаний, диалогов действующих лиц, а также от всей тревожной и драматически напряженной атмосферы музыкально-сценического действия.

Каждого персонажа своей оперы композитор стремится обрисовать определенным кругом интонаций, наиболее типичные из которых становятся лейтмотивами, лейттемами, включенными в общую музыкальную драматургию. В музыке можно проследить интересный прием интонационного развития. На протяжении всей оперы «накапливаются» интонации каждого героя, которые затем обобщаются в развернутой музыкальной форме, например, в балладе деда Саака (1 картина 2-го акта), или балладе бабушки Эрикназ (в финале). Иначе развивается музыкальный образ Арпеник. Уже в самом начале оперы в атмосфере бури в природе (которая, по мысли автора, ассоциируется с бурей в душе Арпеник)

Moderato
шельчич АРПЕНИК

Был - иллц
И соян -
ш - рѣ զիվ
це զանձտ
իր զար
ут - ра
կը զՓ - ոբ
սո - սու
աս - սու
սո - սու

Ակ - սու
հայ - սու
մա - սու
պառա - սու

возникает светлая лейттема «революционной убежденности» Арпеник, а появляющаяся в 3-й картине тема вальса (воспоминание Арпеник о встрече с Манвелом на балу в Петербурге) проходит в finale оперы «Стан партизан».

Выше уже отмечалось достаточно внимательное и чуткое отношение Г. Арmenяна к драматургическим возможностям оперного искусства, его умение создавать сильные драматические нарастания к кульминациям (хотя и несколько однотипными приемами).

Одной из таких кульминаций, к которой «растет» все музыкально-сценическое действие оперы, является сцена «Крушение». Именно в этой сцене проявляется с особой силой мужество, самоотверженность партизан, их преданность делу борьбы с ненавистными угнетателями за свободу и счастье народа. Именно здесь возникает ощущение неизбежности поражения врагов революции. Крушение поезда становится частным случаем, эпизодом в крушении старого мира на древней и многострадальной армянской земле. Вместе с тем это и крушение любви Арпеник к Манвелу.

Использованный в этой сцене «чисто иллюстративный прием так рассчитан композитором, что благодаря ему достигается чрезвычайно действенный, глубоко впечатляющий психологический эффект», — пишет в своей рецензии на оперу С. Коптев.¹ Композитор применяет в этой сцене самые различные средства оркестровой динамики. Кстати, любопытно, что отдельные ритмические интонационные обороты «поезда» появлялись ранее в ином смысловом значении и в балладе деда, и в ариозо Манвела, и в музике бури (в начале оперы) и т. д. Суммируются же эти интонации в симфонической картине «Крушение». Оstinатный ритм, однотипная фактура, жесткие гармонии, постепенное включение все новых оркестровых групп и нарастание динамики звучания создают ощущение неумолимо приближающегося поезда.

¹ С. Коптев. Крушение. Газ. «Коммунист», Ереван, 16 декабря 1968 г.

Накладывающие же на эту музыку лейтмотивы героев словно связывают их судьбы с «судьбой» поезда.

Создавая свою оперу, главным образом, на основе сольных и ансамблевых номеров (кроме баллад деда и бабки, укажем еще на дуэты Назик и Паруйра, ариозо и арию Манвела и другие), композитор объединяет их сквозным симфоническим развитием, в котором важное значение имеет взаимодействие и столкновение лейтмотивов.

Оркестр выступает в различной роли, то иллюстрируя события, то раскрывая психологический подтекст, то создавая эмоциональные кульминации и общий грозовой колорит оперы. В какой-то мере именно оркестровые эпизоды вносят в музыку оперы ощущение эпохи, массовости событий.

Музыкальный язык оперы восходит к интонациям армянской крестьянской песни, а также к интонациям народного говора (за исключением образов Арпеник и Манвела, для которых более типична интонационная сфера городской музыки романсового склада). Правильно отмечает С. Коптев «главенство мелодического распевно-кантиленного начала, пронизывающего всю музыкальную ткань оперы»¹.

В отличие от оперы «Хачатур Абонян»—«Крушение» прочно вошла в репертуар театра. Кроме Еревана она поставлена и в Перми (1972 г.)².

¹ С. Копаев. Крушение, цит. статья.

² Дирижер А. Мочалов, режиссер Д. Арсеньев, художник Г. Арутюнов.

Создание оперы, где революционные события, классовые конфликты раскрывались бы не через движение масс, а сквозь призму мыслей, переживаний отдельных героев, так сказать в аспекте музыкальной психологической драмы — задача очень трудная, требующая от автора большой чуткости к «движениям души», к процессам, происходящим во внутреннем мире, к психологическому подтексту. И надо сказать, что в опере «Крушение», как мы отмечали, есть немало удачного, интересного в этом отношении, хотя порою и ощущается некоторая рыхлость либретто, перегруженность действующими лицами, не во всем достаточная психологическая индивидуализированность героев, а местами и известная бытовая приземленность, вступающая как бы в противоречие с общей романтической приподнятостью музыкально-сценического действия, продиктованного и самой темой, и замыслом композитора.

* * *

Третья опера о революционной борьбе — «Человек из легенды» (Страницы жизни Камо) Григора Ахиняна¹ (либретто Гр. Ягджяна) — создана в связи с 50-летием установления Советской власти в Армении. Григор Мушегович Ахинян — один из наиболее плодовитых армянских композиторов. Родился в 1926 году в Кировакане. По окончании Ереванской государственной консерватории в 1957 году (по классу композиции профессора Г. И. Егиазаряна) активно работает в самых различных музыкальных жанрах. Среди его произведений: песни, камерные, вокальные, инструментальные и симфонические сочинения, оратории, оперы.

Для Г. Ахиняна характерна склонность к программности, изобразительности, живописности, к яркой палитре оркестровых красок. Особо обращается он и к подлинным армянским народным мелодиям, как основе тематизма своих сочинений. Во всем этом сказались и

---

¹ Дирожеры А. Катакян и Ю. Давтян, режиссер Р. Капланян, художник Г. Налбандян.

творческая натура композитора, и влияние школы его учителя.

Как композитор Г. Ахинян в музыке прежде всего увлеченный рассказчик, повествователь, бытописатель, лирик. Это сказывается в известной мере и тогда, когда он обращается к большим темам, имеющим в своей основе сильные драматические конфликты. Среди произведений Г. Ахиняна такого крупного плана можно, к примеру, назвать его ораторию «Тондракийцы», посвященную классовой борьбе в феодальной Армении конца X и начала XI века, когда вспыхнувшее в Сюнике мощное восстание (тондракийцев) против феодалов и духовенства захватило всю страну. Обращение Г. Ахиняна к героической теме народно-освободительной борьбы получило свое дальнейшее развитие в опере «Человек из легенды».

Если мы отмечали в «Огненном кольце» черты ораториальности, традиции античной трагедии, а также революционного театра, проявление современных веяний в музыкальной композиции и интонационном языке, если в «Крушении» революционная тема решена, в основном, через поступки, мысли и чувства отдельных действующих лиц, то «Человек из легенды» написан как историко-романтическая и вместе с тем хроникальная опера с увлекательным сюжетом, колоритным показом обстановки, массовыми сценами и индивидуальными характеристиками героев.

«Он был человеком без позы и художником революции», — писал о Камо А. Луначарский. Героические подвиги во имя народа, партии, несгибаемое мужество и отвага, самоотверженная преданность революции — в этом вся жизнь Камо, которая осталась в сознании грядущих поколений как прекрасная легенда о благородном рыцаре борьбы за свободу. Камо был человеком ярко одаренным, натурой богатой и цельной. Смелый до безумства, исключительно волевой, мужественный, а порою и суровый, он обладал вместе с тем нежной, поэтически восторженной душой, был жизнерадостным и веселым. Деятели литературы и искусства не раз обращались в своих произведениях к образу Камо. Достаточно напомнить хотя бы, что Камо посвящено три художественных кинофильма: «Лично известен», «Чрезвычайное поручение» и «Последний подвиг Камо».

Передать полную драматизма и героики, изобилующую необычайными событиями жизнь Камо, а также богатую и многогранную личность революционера в оперном произведении — задача сложная. Как вложить в ограниченное время трехактной оперы разнообразие жизненных событий, как сочетать условность оперного жанра с реальностью конкретных исторических личностей и ситуаций?

Композитор Гр. Ахинян и либреттист Гр. Ягджан пошли, пожалуй, по правильному пути, строя композицию оперы в какой-то мере приближенно к принципам кино. В частности это проявляется в обилии быстро сменяющихся картин, музыкально-сценических «кадров».

В опере 3 акта и 8 следующих картин: 1. «Храм», 2. «Базар», 3. «Тюрьма», 4. «Варьете», 5. «Площадь», 6. «Вокзал», 7. «Камера в больнице», 8. «Освобождение». Действие происходит в дореволюционном Тифлисе и частично в Берлине. Такая планировка действия дала возможность в лаконичной форме создать ощущение времени, показать цепь драматических ситуаций. И на фоне этого передать несколько важных событий из жизни и революционной борьбы Камо и его друзей.

Но прибегая к этим приемам кадровой драматургии (кстати, уже давно прочно вошедшим в современный музыкальный театр), композитор вместе с тем стремится сочетать их и с более широкими оперными формами, со сквозным развитием.

Стремясь создать ощущение времени, классовых конфликтов, нарастающего революционного движения, Гр. Ахинян использует ряд типических интонационных оборотов, мотивов, широко распространенных в те годы. И не только использует, но и применяет их в определенных драматургических целях. Это — хоралы, молитвенные гимны в 1-ой картине; чутко подхваченные выкрики, зазывы продавцов, шутливые реплики кинто, грубый окрик пристава, шум, суетня и гул голосов на старом тифлисском базаре во 2-ой картине; уместно использованные интонации, попевки революционных песен в финальном апофеозе в 3-ей картине (*«Тюрьма»*) в хоре заключенных.

Andante

Именно этот последний интонационный слой приобретает сквозное значение. В различных модификациях он входит в музыкальный язык революционеров, Камо, его друзей, соратников, Джаваира, большевика из центра—Ефимова. Резко противостоит революционному песенному мелосу музыка «бездумного быта», «веселящегося обывателя» (например песня «Матчиш—веселый танец» в варьете) и особенно, конечно, «милитерная» музыка солдат, жандармов, полицейских и зловеще-угрожающий (построенный на холодных, резко звучащих, увеличенных, целотонных гармониях, тембрах меди, гула ударных) лейтмотив, символизирующий насилие, тиранию русского самодержавия.

Показательна для подобных интонационных контрастов, например, 2-ая картина. Сцена базара прерывается вторжением маршевой музыки тупой грубой силы (с дробью барабана, грохотом литавр, жесткими звучаниями меди), изображающей появление пристава, жандармов. И резко противостоит этой музыке произвола и насилия сурово сдержанная песня революционной солидарности.

Другой пример из 4-ой картины («Варьете»). Здесь также резко противопоставлены музыка разнузданно веселого, бесшабашного канкана («Матчиш—веселый танец»), приобретающего в дальнейшем значение складкой лейттемы, грузинской застольной песни «Мравал Жамие» и внутренне-сдержанного «ансамбля» революционеров (Камо, Ефремов и другие).

Примерами же «скадровости» музыкально-сценического действия могут служить наиболее показательные в этом отношении картины нападения на карету с деньгами (5-ая) и сцена ареста Камо на вокзале в Берлине (6-ая), где композитором удачно найдены тембровые и ритмические эффекты, создающие впечатление приближающегося поезда.

В опере умело использованы разнообразные музыкальные формы, начиная от простейших песенных (куплеты кинто, Шаншиашвили) и до развернутых хоровых номеров (в 3-ей и 5-ой картинах), ансамблей (например, дуэт Камо и Шаншиашвили, лирический дуэт Джаваир и Ашотты), симфонических эпизодов. Композитор хоршо чувствует вокальную природу человеческого голоса, а отсюда идет напевность, мелодичность музыки оперы. В речитативах же ощущается связь с интонациями то бытовой, разговорной, то ораторски приподнятой речи. Если говорить о традициях армянской оперы, в которых написана «Человек из легенды», то, пожалуй, более всего здесь надо вспомнить «Лусабацин» Аро Степаняна.

Конечно, творческий результат оперы о Камо может быть оценен прежде всего по тому, в какой мере глубоко и жизненно правдиво показан сам герой — Камо, в какой мере убедительно и естественно раскрыт его образ человека, революционера, подпольщика. Это понимал, конечно, и композитор. «Сложность работы над музыкой,— говорил он,— состояла в том, чтобы рассказать о яркой

личности революционера, взволнованно и вместе с тем предельно просто и естественно».¹

В музыкально-сценическом воплощении образа Камо есть немало удачного. Особенно в этом отношении хочется выделить наиболее впечатляющую картину тюремной больницы (7-ая картина), где арестованного Камо, симулирующего сумасшествие, подвергают изощреннейшим мучительным пыткам.

Избегая натуралистического нагнетания ужасов, композитору удалось правдиво и выразительно передать в музыке впечатление «смешенного сознания, галлюцинаций, помешательства» Камо. В оркестре звучат обрывки различных музыкальных фраз, то распадающихся, то вновь «кристаллизирующихся», причудливые гармонические, тембровые наплывы. Речь Камо прерывиста, преднамеренно алогична. Он то монотонно, бессмысленно, многозначительно повторяет название дней недели (словно навязчивые мысли), то разражается истерическим смехом, то умолкает, стихает. Все призвано создать впечатление мнимого помешательства. Именно мнимого, ибо в музыке есть свой подтекст (второй план), позволяющий слушателю почувствовать, что вся эта симуляция, требующая невиданного напряжения воли, подлинного мужества и невероятной стойкости, вызвана преданностью партии, желанием выполнить революционное задание. Есть в характеристике Камо и другие удачные места. Запоминается его песенная лейттема, проходящая через всю оперу.

Но в целом, думается, что музыкальный образ Камо все же не во всем удался автору. Мы сравнительно мало ощущаем в его интонациях героику, мужественность, неисчерпаемое жизнелюбие, дерзкую смелость. Раскрытие революционной темы идет в опере больше в событийно-хроникальном и, пожалуй, в приключенческом плане. Это, несомненно, сказалось в обедненности трактовки образа самого Камо, которому в опере все же порою недостает глубины и цельности характера.

Если говорить о других просчетах в опере, то можно обратить внимание на некоторую рыхлость сценарной и музыкальной драматургии, на известную стереотипность

¹ Цитируется по статье А. Шекунца, «Композиторы Армении — юбилею». Газ. «Коммунист» (Ереван), 1970, 13 октября.

приемов драматизации музыки при различных сюжетных положениях: в конце 2-ой картины — приход жандармов, тревога охватившая всех, в 5-ой картине — нападение на карету, в 8-ой — гроза и спасение Камо. Всюду здесь преимущественно грохот литавр, удары тарелок, дробь барабана, грозное звучание медных инструментов, и все это фортиссимо. Известная перегруженность звучания здесь явно ощущается.

Но в целом опера «Человек из легенды» — еще одно свидетельство интересных поисков армянских композиторов в области создания оперы на историко-революционную тему.

* * *

Другому важнейшему периоду истории нашей страны — Великой Отечественной войне, беспримерному подвигу советского народа-героя, отстоявшего свободу и независимость социалистического Отечества в борьбе с фашистскими захватчиками, посвящен балет «Бессмертие» Константина Агапароновича Орбеляна.

Имя К. Орбеляна (родился в Армавире в 1928 году, детство провел в Баку) хорошо известно прежде всего как автора широко популярных, массовых, эстрадных песен, музыки к кинофильмам («Сердце поет», «Прыжок в пропасть»), драматическим спектаклям, хореографическим постановкам — «Мы за мир» (1952 г., либретто М. Мартросяна) и «Героям Отечественной войны» (1954 г., либретто В. Варковицкого), поставленным на сцене Ереванского театра оперы и балета им. Спендиарова. Но одновременно он успешно работает и в наиболее трудной области музыкального творчества — камерно-инструментальной, симфонической. Воспитанник Ереванской консерватории, ученик профессора Э. Мирзояна, он проявил себя как талантливый, вдумчивый, ищущий композитор. Его произведения удостаивались премий на конкурсах молодых композиторов: струнный квартет на Международном конкурсе VI Всемирного фестиваля молодежи (золотая медаль) и симфония на Всесоюзном смотре молодых композиторов в Москве (2-я премия). В инструментальных произведениях К. Орбеляна проявились некоторые общие черты, характерные для современного музыкального творчества ар-

мянских композиторов,— интерес к значительным темам, к остроте и напряженности выразительных средств, к динамичности формы.

В своих сочинениях К. Орбелян на раз обращался к теме Великой Отечественной войны, к бессмертному подвигу народа. С этим кругом тем и образов, кроме упомянутых хореографических постановок, мы встречаемся в «струнном квартете, в его скорбном *Andante* и траурном марше (эпизод в финале), в симфонии, с ее напряженным драматизмом»,— пишет М. Тер-Симонян.¹

Балет К. Орбеляна «Бессмертие» (либретто М. Мартиросяна) создан на основе сюжета повествующего о подвиге Героя Советского Союза Унана Аветисяна, закрывшего своим телом амбразуру вражеского дзота.

Говоря о своем стремлении создать такой балет, «где современна и тема, и все выразительные средства музыки и хореографии», К. Орбелян подчеркивает: «Загоревшись желанием написать балет, я искал героическую современную тему. Меня вдохновил бессмертный подвиг Унана Аветисяна, повторившего подвиг Александра Матросова. Сюжет в такой же мере относится ко всем тем, кто отдал свою жизнь за свободу, за избавление от кошмаров фашизма». Идея создания балета «Бессмертие» возникла у композитора как отклик на события Великой Отечественной войны. Если же говорить о непосредственных музыкальных импульсах, то здесь и симфония Шостаковича, и балет Буковица «Хиросима», который Орбелян видел в Бухаресте, и произведения Прокофьева, вплоть до очень опосредованно претворенной музыки «Скифской сюнты».

«Когда я начал писать балет,— говорит К. Орбелян,— я понял, что это будет хореографическая симфония. Весь балет представляет из себя по форме большое, развернутое сонатное аллегро... Современный балет — это сложная симфоническая музыка, это насыщенное музыкальной драматургией музыкально-сценическое произведение».²

¹ М. Тер-Симонян. К. Орбелян. Пояснения к постановке балета «Бессмертие» в Ереванском театре оперы и балета им. Спендиарова. Ереван, 1969, стр. 8.

² Из подборки, посвященной современным проблемам оперы и балета. Составитель М. Рухян, ж. «Советакан аրвест», 1971, № 5.

³ Из подборки, посвященной современным проблемам оперы и балета. Составитель М. Рухян, ж. «Советакан аրвест», 1971, № 5.

Свой балет композитор мыслил обобщенно, как своеобразную хорео-симфонию, или, вернее, симфонию-балет с обобщенно и довольно условно трактуемой программой-сюжетом. Соответственно в партитуре балета нет членения на акты, картины; композиция его более напоминает многочастный цикл программной симфонии или симфонической поэмы, состоящий из шести взаимосвязанных частей:

- I. Траурное адажио
- II. Песня земли (Родина)
- III. Праздничное скерцандо
- IV. Демоническая интермедия
- V. Геронческое адажио
- VI. Герои бессмертны (финал).

Тему Великой Отечественной войны композитор мыслит в широких антитезах. В аллегорических и даже символических образах встают друг против друга мир и война, жизнь и смерть, свобода и тирания, горе и счастье, все то, что волнует нас не только как воспоминания о суровых и трагических военных годах, но и как то, что раздирает и сейчас нашу беспокойную планету. Несомненно, что тема «войны и мира», нашествия и защиты Родины, народного бедствия и бессмертного подвига — одна из центральных тем советского искусства не только военного времени, но и сегодняшнего дня.

К. Орбелян создал напряженную, полную контрастов, обостренных звучаний, экспрессии музыку, в которой конкретность образных характеристик сочетается с интенсивным симфоническим развитием, обобщенностью и лаконизмом форм, музыку, которая «радует свежестью тематизма, пластичностью движения и живостью внутреннего движения»¹.

Уже увертюра — своеобразное вступление к балету — воспринимается как гимн герою, бессмертному подвигу. У деревянных, медных и струинных инструментов возникает тема героического подвига. Основанная на напряженных интонационных возгласах, кличах (кстати часто встречающихся в эпических жанрах армянской народной музы-

¹ С. Аксюк. В Армении. Ж. «Советская музыка», 1969, № 5, стр. 31.

ки), она звучит сухово, мужественно и сдержанно-печально.

Эта тема, трансформируясь, изменяясь, вступая во взаимоотношения с другими темами, играет очень большую роль во всем музыкально-драматургическом развитии балета.

Звучание темы в увертюре разрастается, в ней все время усиливаются черты и героические, и трагические.

Затем в среднем эпизоде (увертюра написана в З-частной форме) вступает жесткая, остро драматизированная музыка — *marcatissimo* (с элементами аллегории и серийности), в которой слышится тревожное звучание главной темы, словно предвосхищение грозных событий войны. В репризе вновь, но уже *Maestoso* утверждается лейттема подвига.

I часть. «Траурное адажио». Одетые во все черное, девушки, женщины словно застыли в горе перед могильной плитой, оплакивая не вернувшихся с поля боя сыновей, мужей, любимых. Композитор умело ввел звучание хора, усиливающего выразительность музыки этой части. Скорбно, траурно звучит мелодия хора женщин (без слов), напоминающая древние армянские мелодии-плачи, и в ее интонациях можно различить трансформированные секундовые скольжения квартами из первоначальной темы героического подвига. Выдержанное остинато струнных, мрачные ходы басов, гул литавр... А ламентация хора все развивается, вступая с фоном в напряженные политональные соотношения.

Наступает кульминация (*Maestoso patetico*) с атакирующими «всплесками» струнных и деревянных и траурным звучанием темы хора у труб. В музыке слышится вопль отчаяния. На фоне звучания низких деревянных, тромbones, струнных басов и тревожного набата колокола вступает выразительная тема-мелодия типа древних шарканов. Возникает образ скорби, гнева, протesta.

Постепенно музыка затихает и пианиссимо, как печальное раздумье, проходит в новом образном освещении тема подвига.

Написанное в сильно развитой сложной трёхчастной форме (со средним эпизодом — колокола и шарканом), это адажио по общему своему характеру, композиционному строению и напряженности симфонического развития приближается к драматическим, трагедийным адажио в симфониях Шостаковича.

II-я (Песня земли, Родина) и III-я (Праздничное скерццандо) части балета переносят нас в условия предвоенной мирной жизни. Возникает красочная картина безоблачного счастья на родной земле, молодости, созидающего труда, полноты жизни, праздничного веселья. Как утренняя песня, в горах звучит наигрыш флейты.

Постепенно оркестровые краски сгущаются, приобретают ослепительно яркий колорит. Одно напластование сменяется другим. Создается ощущение воздуха, простора. Все заливается светом. По всей своей красочности, по своему строению (серия чередующихся вариаций, их постепенный рост к заключительной мазистозной вариации) II-ая часть напоминает известное «Болеро» Равеля.

Тот же круг образов и в III-й части — своеобразном симфоническом вальсе.¹ Во вступлении к нему появляются лирическая тема флейты (из II-й части) и новая тема воли, мужества, целеустремленности юного героя.

Эта тема то появляется, то исчезает в стремительном движении музыки вальса.

II-ой и III-й частям, овеянным светлым лиризмом, поэтичностью, чистотой человеческих чувств, резко противостоит IV часть — Демоническое интермеццо. Здесь господствует страшный образ войны, нашествия, вражеской агрессии, вторжения жестокой бесчеловечной силы. Здесь «разгул» автоматических, рубленых ритмов, резких диссонирующих, политональных звучаний, кричащих оркестровых красок, обилие жестких остинато, скрежещущих тембров и т. д.

В памяти возникают многие «нашествия», пронесшиеся в симфонической музыке военных лет, прежде всего в Седьмой симфонии Шостаковича.

На сцену вступают «черные силы», олицетворяющие фашизм. Вожак врагов танцует зловеще маниакальные вариации. Наплывом проносятся звучания немецкой нарочито тупой и банальной песенки, военного марша духовых оркестров и как антитеза им — измененная тема героического подвига.

¹ Этот симфонический вальс, как самостоятельное сочинение, был отнесен премией на Всесоюзном конкурсе, посвященном 50-летию Великого Октября. После этого композитор включил его в партитуру балета.

На сильнейшей кульминации — у струнных фортификации — словно прорывается волна народа, полный ужаса, гнева, возмущения. Возникает скорбное видение девушек с распущенными волосами. Со страшной силой звучит соло ударных и на этом фоне — у медных — тема немецкого военного марша.

В самом конце части столкнулись в драматическом контрапункте тема подвига героя и тема вражеского вожака.

Драматизм нарастает в следующей V-й части — «Героическом адалио». На сцене народ, страдающий под игом завоевателей, страждущий и гневно протестующий.

Вступает у скрипки на фоне струнных басов новая тема героя-воина, связанная на этот раз с его внутренним миром переживаний, раздумий, порывов. Это широкая тревожная и печальная мелодия. Появляется трансформированная тема героя из «Траурного адалио». Нарастает протест, решимость к действию (*Allegro*). И опять музыка размышлений (*dolcissimo*), интереснейшее по интонационному развитию, насыщенное большим напряжением фугатто.

Перед мысленным взором героя проходят волнующие события. Здесь сплетаются многие темы. Наконец, на сильной кульминации (*furioso appassionato*) свершаются подвиг и трагическая гибель героя.

Последняя часть — «Герон бессмертны» — начинается как и первая часть («Траурное адалио»). Опять женщины в черном; скорбный хор. Звучит тема подвига — на этот раз в траурной окраске. Возвышенной, мужественной идержанной скорбью проникнута музыка этого реквиема памяти героя, отдавшего жизнь за свободу и счастье Отчизны.

Решительным тональным сдвигом из си-минора в ре-мажор начинается общее просветление. Герой погиб, но подвиг его бессмертен. Благодаря ему жизнь продолжается. На заднем плане появляется как изваяние, как памятник славы фигура героя с опущенным мечом.

Музыка наполняется звучаниями из праздничного скерцандо, симфонического вальса. Появляется лейттема героя из II-й части и все завершается апофеозом (*Maestoso patetico*).

Музыка финала полна жизнерадостности, радости победы, достигнутой ценой тяжелых жертв. Она звучит гимном герою.

Балет «Бессмертие»— безусловно интересное произведение, посвященное очень важной и актуальной теме.

Не все, конечно, в спектакле удалось в равной мере. Известные просчеты отмечались в сценарной драматургии, в хореографии, не всегда способствующие сценическому раскрытию музыкальной драматургии балета. Некоторая перенасыщенность крайними туттийными мазистозными звучаниями фортиссимо ощущалась и в самой музыке.

Однако в хореографическом и художественно-декоративном решении балета¹ было и кое-что интересное, действенное, впечатляющее. Это резкое противопоставление борющихся сил, динамичность и образная конкретность некоторых хореографических сцен, тревожный, драматический колорит декораций, света. Но в целом нельзя не согласиться с С. Аксюком, писавшем, что «сама образность хореографии подсказана, видимо, больше сюжетом, чем сутью музыки...»². К тому же в хореографии вражеский мир показан в несколько односторонне гротесковом плане. Весною 1975 г. в Ереване была осуществлена новая, более интересная и яркая постановка балета «Бессмертие». Спектакль удостоен премии на Всесоюзном конкурсе музыкальных театров, посвященном 30-летию победы над фашистской Германией.

«Бессмертие»— первый армянский балет, специально посвященный Великой Отечественной войне.

* * *

В последние годы в советском да и зарубежном балете легко заметить тенденцию перенесения в сферу музыкально-хореографических образов крупных симфонических, хоро-симфонических произведений и даже опер. Напомним хотя бы балетные спектакли, созданные на основе музыки Седьмой симфонии Шостаковича или канты «Александр Невский» Прокофьева в Ленинграде. Эта тен-

¹ Дирижер Я. Восканян, балетмейстер М. Мартиросян, художник А. Саркисян.

² С. Аксюк. Цит. статья, стр. 32.

³ Дирижер А. Катанян, балетмейстер А. Асатрян, художник М. Аветисян.

денция, служащая расширению сюжетно-тематических, образных границ музыкально-хореографического искусства, сближению его с областью крупных симфонических концепций, таила в себе известную опасность упрощения, игнорирования специфики искусства балета со всеми его богатейшими возможностями пластической выразительности, смешения жанровых признаков двух различных видов искусства и приводила иногда к наивным хореографическим компиляциям. Но были, несомненно, на этом пути и значительные удачи, способствовавшие заполнению «белых пятен» в кругу тех тем, которые не получали еще достойного художественного решения в собственно балетном творчестве.

О плюсах и минусах этой тенденции стоит подумать, когда обращаешься к практике музыкального театра Армении и, в частности, к осуществленной в 1965 году в Государственном театре оперы и балета им. Спендиарова постановке балета «Героическая баллада» по известному произведению (того же названия) для рояля с оркестром Арно Бабаджаняна (либретто Е. Чанги).

Арно Арутюнович Бабаджанян (род. в 1921 г.)—один из самых талантливых и наиболее популярных композиторов Армении. Он, несомненно, внес громадный вклад в развитие армянской камерно-инструментальной, симфонической, а также песенной, эстрадной музыки. Отмеченная бурным темпераментом, ярко эмоциональная музыка Бабаджаняна, то лирически страстная, то мужественно героическая, то вторгающаяся в сферу острых драматических коллизий, а иногда и открыто чувственная, приковывает к себе внимание слушателя, увлекает, волнует, будоражит, рождает «ответную реакцию» чувств, мыслей.

Истоки, питавшие творчество Бабаджаняна, очень разнообразны. Это прежде всего впитанная с детства и ставшая неотъемлемым компонентом его собственного индивидуального музыкального языка армянская народная (крестьянская, городская) ашугская музыка, во всем ее жанровом, ладо-интонационном, мелодическом, ритмическом многообразии. Именно эта прочная народная «закваска» придает всегда музыке Бабаджаняна яркую национальную самобытность, «общительность», жизненность даже тогда, когда он обращается к таким, казалось бы, наиболее умозрительным и абстрагированным приемам современной му-

зыкальной «техники» как додекафония, сериальность и т. д. (например, в шести картинах для фортепиано).

Говоря о любви Бабаджаняна к народной музыке, нельзя не вспомнить его педагога по классу композиции в Ереванской консерватории (которую он окончил в 1943г.) В. Г. Тальяна — сына известного ашуга Шерама, серьезного композитора, стремившегося в своих сочинениях строить музыку крупных форм на основе народных интонаций. Эту же черту он воспитывал и у своих учеников.

Другим истоком, питавшим творчество Бабаджаняна, была армянская, русская и зарубежная классическая и современная музыка. Здесь прежде всего следует отметить следующие имена и тенденции: от Комитаса к Хачатуриану, от Рахманинова к Прокофьеву и Шостаковичу, от Шопена, Листа к Бартоку, Хиндемиту, Веберну. Музыкальные традиции и отличная композиторская техника были восприняты Бабаджаняном как в Ереванской и Московской консерваториях, где он одно время учился, так и в годы совершенствования в Москве у профессоров Г. И. Литинского, Н. И. Пейко и в общении с выдающимися музыкантами А. И. Хачатурианом, К. С. Сараджевым, Х. С. Кушнаревым и другими.

Всесторонняя характеристика творческого облика Бабаджаняна — достаточно объемная тема для специального исследования.¹ Отметим лишь некоторые существенные черты его творчества. При всем многообразии воспринятых воздействий, поступательное движение Бабаджаняна, как художника, шло по пути выявления собственного неповторимого «бабаджаняновского» стиля, всегда четко проявляющегося во всем, вплоть до типичных мелодических, ритмических оборотов, характерных гармоний, приемов полифонического письма и т. д.

И еще А. Бабаджанян — блестящий пианист, один из лучших воспитанников прославленной игумновской школы. Бабаджанян обладает поразительным пианистическими данными, кажется не имеющим границ в своих возможностях, подлинным артистическим темпераментом, богатством динамических и агогических оттенков, умением строить в процессе исполнения на рояле крупную драматургию.

¹ О творчестве Арно Бабаджаняна см. Григорян, «А. Бабаджанян». М., 1961.

чески действенную форму с подъемами и спадами, кульминациями, различными эмоциональными тонусами и типами движения.

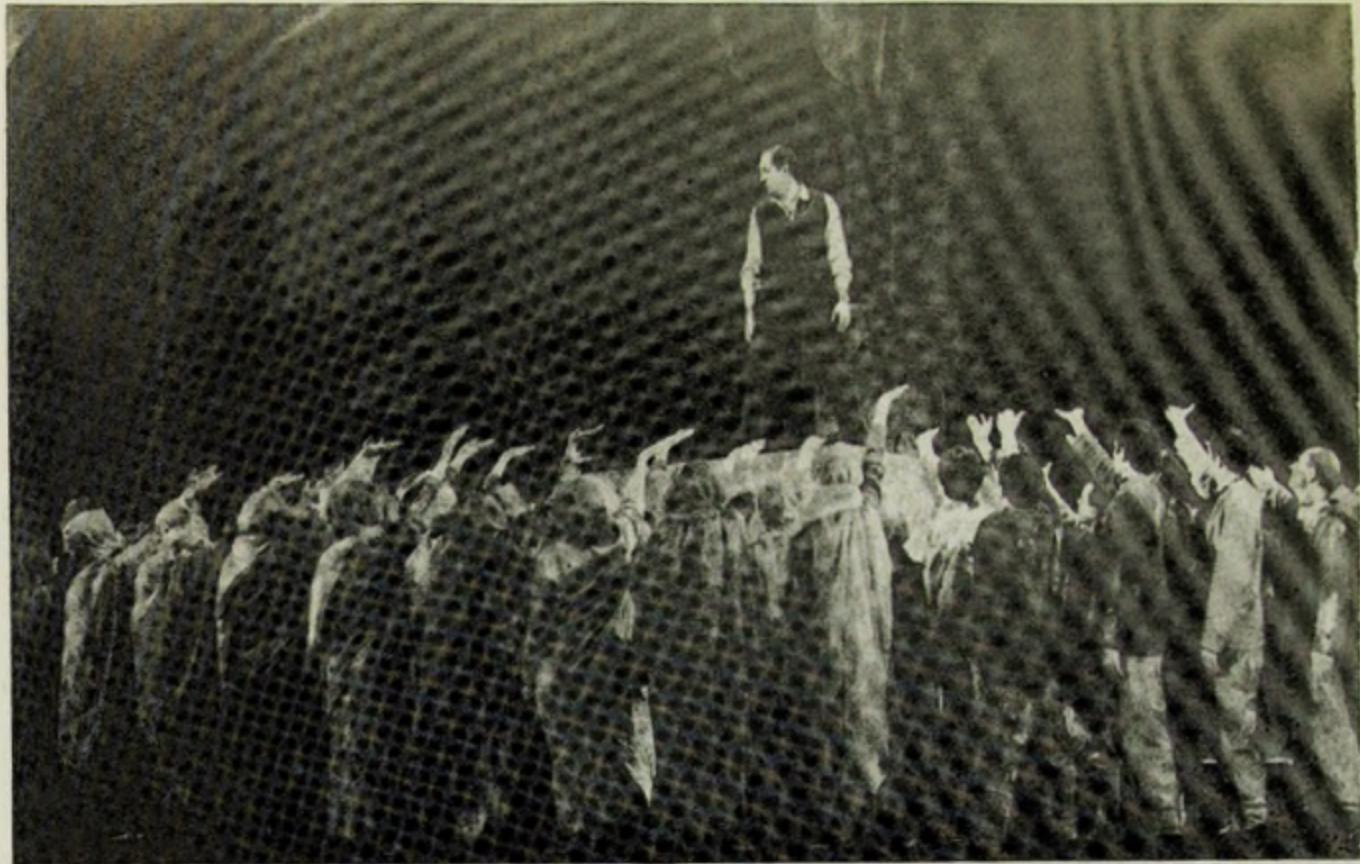
Танцевальное начало в музыке всегда интересовало Бабаджаняна с самых юных лет. Прежде всего его влекла к себе стихия народных танцев с их разнообразнейшими ритмами, которые он неизменно хорошо чувствовал и использовал в своем творчестве. Еще маленьким мальчиком он с увлечением исполнял на фисгармонии армянские танцевальные мелодии в собственной «обработке». Уже значительно позже, в сороковых годах, он написал завоевавший широчайшую популярность «Вагаршапатский танец», в основу которого также положена народная мелодия (кстати, ранее обработанная Комитасом, Н. Тиграняном и другими). Новый облик, прианный танцу, большой темпера-мент, экспрессия, блестящие пианистические приемы позволили Бабаджаняну превратить его в эффектную концертную пьесу.

Танцевальное начало можно проследить и во многих других сочинениях Бабаджаняна. Вспомним хотя бы лирическую вальсовость второй части фортепианного «капринчюса», третью (пятидольную) вариацию «Героической баллады» для фортепиано с оркестром, тему мужества, восходящую к героическим пляскам типа «Кочарис» из финала фортепианного трио и другие. Порою танцевальность принимает в произведениях Бабаджаняна гротескный, саркастический характер (например, в третьей части сонаты для скрипки и фортепиано). Характерно, что именно в произведениях, созданных за последнее время, танцевальность представляется в музыке Бабаджаняна в сильно переосмысленных и симфонизированных формах.

И не случайно, что сам композитор постоянно подчеркивает эту тенденцию своего творчества. «Я мечтаю, действительно мечтаю написать балет... Недавно я вместе с балетмейстером написал музыку *pas de deux* для концертного исполнения... Я не знаю, какой будет мой балет. Но мне хотелось бы очень полно, драматично и естественно выразить самую пластику человеческого тела», — говорит А. Бабаджанян.¹

«Героическая баллада» (симфонические вариации для

¹ Из цитированной подборки в ж. «Советская археология».

Опера «Огненное кольцо». Ереван.

Опера «Крушение». Ереван.

Балет «Бессмертие». Ереван.

Григорий Егиашвили

Сергей Баласанян

Эммануил Аристакчян

Эрик Арутюнян

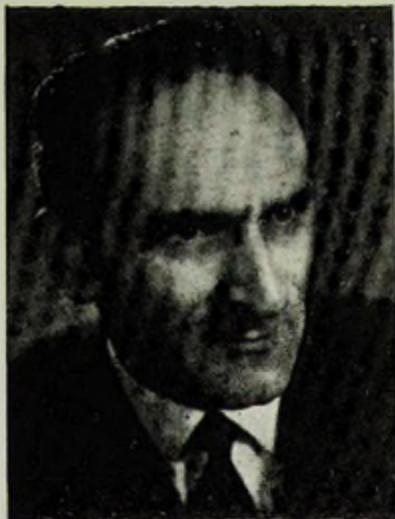
Опера «Человек из легенды». Ереван.
Сцена в больничной палате. Камо — М. Еркат.

Балет «Прометей». Ереван.
Прометей — В. Галстян, Климена — Б. Овнанян.

Авет Тертерян

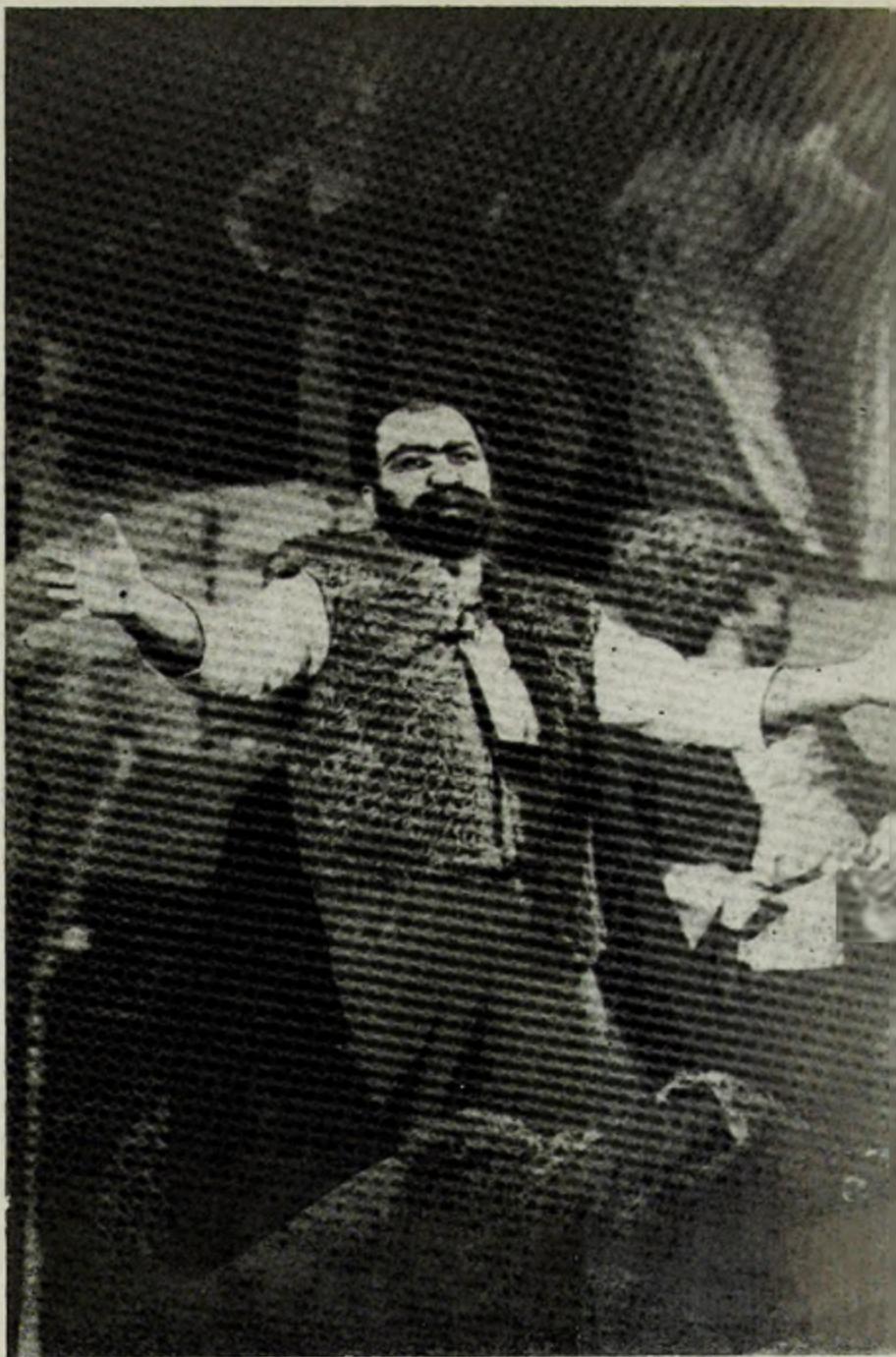
Григор Ахинян

Геворк Арменян

Константин Орбелян

Опера «Сказка для взрослых». Ереван.
Пастух — Г. Алавердян.

фортепиано с оркестром) написана в 1950 году, в период, когда творчеству Бабаджаняна была характерна склонность к своеобразному преломлению наиболее близких ему тогда традиций Рахманинова, с одной стороны, и Хачатуриана с другой. Это проявлялось во многом: в подчеркнутом эмоционализме, романтической патетике, широком мелодическом «разливе», во всей лирической насыщенности музыки, в значении эмоциональных кульминаций и во многом другом. И все это преломленное через призму своего яркого творческого «я» и перенесенное в интонационную сферу армянской музыки.

Музыка «Героической баллады» отмечена большой жизнерадостностью, энергией, брызгущим весельем, ощущением радости и праздничности. Наряду с этим в ней есть и страницы углубленно-лирические и даже скорбно-драматические (имеется в виду траурная 4-ая вариация памяти героев, павших в дни Великой Отечественной войны). Тема и пять вариаций баллады воспринимаются как ряд глав, повествующих о различных сторонах жизни советской молодежи.

Написанная в форме темы с вариациями, «Героическая баллада» воспринимается как целостный цикл, непрерывно развивающийся к своему завершающему финалу.

«Героическая баллада» начинается мощным вступлением оркестра. Оно напоминает торжественные ашугские запевы, призывающие народ к вниманию, и как-то заранее настраивает слушателя на геронко-эпическое повествование о мужестве, о счастье борьбы и радости победы.¹

Тема, лежащая в основе всех вариаций—благородная, полная глубокого чувства и большой выразительности, претерпевает в процессе своего развития самые различные образные трансформации. Это — тема Родины.

A musical score page from 'Heroic Ballade' by Arno Babajanian. The page is numbered 10 at the top left. The title 'Andante' is written above the staves. The score consists of two systems of musical notation. The first system starts with a treble clef, a key signature of one sharp, and common time. It features a piano part with dynamic markings like 'p' and 'ff'. The second system begins with a bass clef, a key signature of one sharp, and common time. It also includes a piano part with dynamic markings. The music is composed for orchestra and piano.

¹ А. Григорян. Арно Бабаджанян, М. 1961, стр. 22.

В первой вариации (*Allegro energico*) она становится основой оживленного, ритмически острого, полного энергии и молодого задора скерцо. Вторая вариация (*Andante cauteabile*) очень поэтична и отмечена глубоким лиризмом. Это может быть «и романтической песней первой любви и песней о родной природе, ее горах и цветущих долинах»¹.

Третья вариация (*Allegro moderate*) — яркая, красочная зарисовка молодежного праздника. В этой вариации, написанной в форме пятидольного вальса, в стремительном движении сменяют друг друга образы, бравурные, броские и изящно грациозные.

Совершенно иная по характеру четвертая вариация (*Maestoso, trascita fanebre*) — мужественный, сурово-сдержаный, исполненный скорби и гнева похоронный марш, Реквием в честь героев, павших смертью храбрых в борьбе с врагами родной страны. И, наконец, завершающая все произведение последняя вариация (*Allegro vivace*), полная радости, ликования, торжества победы.

Как одно из лучших сочинений советской фортепианной музыки «Героическая баллада» прочно вошла в репертуар пианистов многих стран и была отмечена Государственной премией.

Образная конкретность, пластичность и ритмическая острота музыки «Героической баллады», ее жанровая контрастность при единой форме вариаций, сделали это сочинение довольно удачным для создания музыкально-хореографического произведения. Автор сценария и постановщик балета Е. Чанга связал сюжетное, сценическое и пластическое решение балета, основанного на музыке Бабаджаняна, с событиями Великой Отечественной войны, а главным действующим силам придал обобщающее символическое значение: Родина, Война, Смерть. Созданная вскоре после окончания войны «Героическая баллада» была проникнута глубоким чувством любви к Родине.

Схема сюжетного развития балета такова: «...Мирная жизнь народа. Налетает черный вихрь Войны. Смерть. Родина призывает на помощь своих сыновей. Пала ниц Война, исчезла Смерть. Мир торжествует победу».

В постановке балета есть отдельные удачные места. Одно из них — «сцена горя и скорби, где танец женщин в

¹ А. Григорян. Арно Бабаджанян, М. 1961, стр. 26.

белых одеяниях в мерцающем свете сумерек напоминает печальную и возвышенную молитву».¹ Другое — сцена, «в которой угловатая, жесткая стремительность гротесковых движений олицетворяет силы войны и смерти».

Но в целом нельзя не согласиться с Р. Степаняном, писавшим еще в 1966 году о ряде моментов несоответствия драматургического решения сценария, хореографии музыке Бабаджаняна, о привнесении в них таких конфликтов, которые отсутствуют в музыке, о том, в частности, что «фигуры Войны и Смерти часто появляются тогда, когда музыка полна энергии, бодра, полнокровна и жизнерадостна»². А именно эти мотивы и доминируют в музыке бабаджанянской баллады.

Балет «Героическая баллада» сохранен в репертуаре Театра оперы и балета им. Спендиарова и это понятно, если иметь в виду тему и высокие художественные достоинства музыки Бабаджаняна. Но, думается, что сценическое, хореографическое решение этого спектакля нуждается в серьезном пересмотре.

* * *

Героическая тема в армянском музыкальном театре 60-х годов получила достаточно широкое и разнообразное отражение. Более того, эта тема стала безусловно ведущей. Созданы спектакли, связанные с историческим прошлым — эпохой Великой Октябрьской революции, гражданской войны, Великой Отечественной войны, очень различные по жанру, драматургическому и композиционному строению и характеру. К ним относятся оперы «Огненное кольцо», «Крушение», «Камо», балеты «Спартак» (в его новых постановках), «Прометей», «Героическая баллада» и «Бессмертие».

Разные эпохи, разные конфликты, различные авторские стили, но всюду единая концепция истории, как истории освободительного движения народов, борьбы против всех видов насилия, рабства, деспотии, за свободу и счастье человечества; всюду единое понимание героического, как

¹ Р. Степанян. Радости и разочарования, «Советская музыка», 1966, № 3, стр. 59.

² Там же, стр. 58.

проявление бесстрашения, мужества, отваги, готовности к самопожертвованию в борьбе за справедливость, за свободу и счастье народа, во имя самых светлых и прогрессивных идеалов человечества. Героическое в представлении советских художников неотрывно от этического, сознательного подчинения личных интересов интересам общественным. Именно это и подчеркнуто в идейных концепциях всех произведений, о которых говорилось в этой главе. Решающее большинство рассмотренных спектаклей связано с жизнью, борьбой и героизмом советского народа, начиная от первых лет революции и до эпохи Великой Отечественной войны.

В настоящей главе отмечалось усиление внимания армянских композиторов в конце шестидесятых годов к большим, социально значимым темам революции, гражданской и Великой Отечественной войн и подчеркивалось разлипчие путей решения этих тем в оперном и балетном творчестве. Как уже говорилось, в одном случае проявлялась склонность к методу широких обобщений, к сочетанию традиций, идущих от революционного театра, античной трагедии («Огненное кольцо»), в другом, наоборот, к кадровости, хроникальности, быстрому чередованию картин («Человек из легенды»). Некоторых авторов привлекал конкретно-бытовой, психологический, локальный ракурс воплощения темы («Крушение»), а других — подчеркнуто условный, аллегорический («Бессмертие», «Героическая баллада»). Различными были, конечно, и степень таланта, мастерства авторов, и творческая направленность, почерк, язык. Обращалось внимание на интересное творческое претворение в музыкальном языке А. Тертеряна армянского древнего мелоса, восходящего к шараканам, интонаций ораторски приподнятой речи и некоторых новейших приемов современного музыкального письма, а у Г. Арmenяна — опора на армянскую крестьянскую песенность. Г. Ахиняну ближе городские интонации, различные бытовые жанры, революционная песенность, а К. Орбеляну — более условная лексика.

В рассмотренных произведениях много интересного, свежего, немало отдельных талантливых и мастерски оформленных находок (конечно, в одних произведениях больше, в других меньше). Решающий перелом и достигнутые успехи в этом отношении бесспорны, хотя, как мы увидим дальше, еще не в достаточной мере.

ГЛАВА III

СКАЗАНИЯ, ЛЕГЕНДЫ, МИФЫ В МУЗЫКАЛЬНОМ ТЕАТРЕ

Народные сказания, легенды, мифы всегда служили неисчерпаемым источником идейно-образного обогащения советского музыкально-сценического искусства. Накопленный в них веками и получивший обобщенное, чаще всего аллегорическое, иносказательное воплощение, широчайший мир народной мудрости, представлений, социальных, этических и эстетических идеалов, неизменно привлекал к себе деятелей советского многонационального оперного и балетного искусства. Надо ли называть здесь многочисленные примеры, самыми яркими из которых могут служить балеты «Золушка» и «Сказ о каменном цветке» С. Прокофьева.

В созданных армянскими композиторами до шестидесятых годов операх и балетах подобного плана отмечались различные жанровые решения: лирико-фантастическое (опера «Земирэ» Т. Чухаджяна), лирико-эпическое (балет «Хандут» на музыку А. Спендиарова), эпико-героическое (опера «Давид Сасунский» А. Степаняна), сатирическое (опера «Кадж Назар» А. Степаняна) и другие.

В шестидесятые годы эта жанрово-тематическая линия получила дальнейшее развитие в творчестве армянских композиторов. Значительный интерес представляют здесь, как уже говорилось, балеты «Шакунтала» С. Баласаняна, «Вечный идол» и «Антуни» Э. Оганесяна¹, «Ахтамар».

¹ Балеты С. Баласаняна и Э. Оганесяна рассматриваются в 4-й и 8-й главах.

«Ившка» и «Сако Лорийский» Гр. Ахиняна, «Сотворение мира» Ю. Казаряна, «Прометей» Э. Аристакесяна, опера «Сказка для взрослых» Э. Арутюнян, а также детские балеты «Мойдодыр» Б. Саккилари, «Красная шапочка» Г. Мелик-Мурадяна, «Хоттабыч» Н. Симонян и другие.

Одним из самых интересных и смелых по музыкально-сценическому решению балетов этого плана явился балет «Прометей» Эмина Аристакесяна (либретто Е. Чанги по мотивам трагедии «Прикованный Прометей» Эсхила).

Эмин Аспетович Аристакесян еще сравнительно молод (родился в 1936 году, окончил Ереванскую консерваторию в 1961 году по классу проф. Гр. Егиазаряна и в 1964 г. аспирантуру), но является уже автором ряда значительных музыкальных сочинений, в том числе концерта для альта с оркестром, симфонии, симфонизмы и других произведений. Музыке Э. Аристакесяна присуща большая энергия, стремительность, впрочем, часто смягчаемые лирическими эпизодами. Композитор, опираясь на ритмо-интонационную основу армянской народной музыки, что придает его произведениям яркий национальный колорит, вместе с тем постоянно ищет новые выразительные средства, соответствующие его творческой индивидуальности — острых ритмов, жестких или пряных гармонических звучаний, широкой полифонизации музыкальной ткани, напряженной, изобилующей тембровыми контрастами оркестровки.

Основная сфера творчества Э. Аристакесяна — инструментальная, симфоническая. Как свободно трактованная хорео-симфония написан его балет «Прометей». В этом смелом по замыслу и интересном по художественному воплощению произведении отразились некоторые характерные черты современного армянского балетного творчества, о которых говорилось в 1-й главе, и, конечно, прежде всего стремление к целостной музыкально-драматургической концепции со сквозным симфоническим развитием, с новыми современными формами, композиционными приемами письма.

Древний миф о Промете, смело восставшем против рабства, власти богов, похитившем у них огонь, чтобы отдать его людям, и в наказание прикованном к скале — стал в веках символом героического подвига во имя свободы, равенства, разума и справедливости, символом мужества, человечности и непримиримости к насилию и тирании. К мифу о Промете обращались Гезиод, Сафо, Пин-

дар, Платон, Аристотель, Еврипид, Аристофан. Запечатленный в гениальной трагедии Эсхила Прометей — один из самых благородных и демократичных образов античной литературы, обобщивший в себе глубокий и непреходящий философский смысл.

Образ Прометея не раз ассоциировался в истории художественной культуры с идеей революции, вольнолюбия, тираноборчества; он вдохновлял Гете, Байрона, Шелли, Герцена, Огарева, Шевченко, Брюсова, Бетховена, Шуберта, Листа, Танеева, Скрябина, Онеггера и многих других. «Прометей,— писал Карл Маркс,— самый благородный святой и мученик в философском календаре»¹. В. Белинский подчеркивал в нем «идею непоколебимой человеческой воли и энергии, души гордой в страданиях». «Прометей— это сила рассуждающая, дух, не признающий никаких авторитетов, кроме разума и справедливости»,— писал он.² Уместно вспоминает Р. Степанян в своей статье о балете «Прометей» высказывания Горького на I съезде советских писателей: «Фольклор в наши дни вознес Владимира Ильича Ленина на высоту мифологического героя древности, равного Прометею»,— и далее о том, что по той же причине Г. Серебрякова назвала трилогию о К. Марксе «Прометеем».³ С первых же лет революции миф о Прометееве постоянно привлекал к себе внимание советских художников, скульпторов, композиторов, писателей и деятелей театра.

Бессмертные идеи, воплощенные в «Прикованном Прометееве» Эсхила, близки нашему времени, когда на всех континентах земного шара в жестокой схватке столкнулись гуманизм, воля к свободе, миру и правде с насилием, угнетением, войной и человеконенавистничеством.

Воплотить средствами современного музыкально-хореографического искусства древнегреческую трагедию — задача трудная, ответственная, предъявляющая большие требования к культуре, таланту и мастерству авторов. В ба-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М. 1956, стр. 25.

² В. Белинский. Общая идея народной поэзии. Избранные сочинения. М. 1949, стр. 304—305.

³ Р. Степанян. Сценический дебют композитора. «Советская музыка». 1967. № 9. Стр. 29.

лете «Прометей» Э. Аристакесяна перед зрителем развертывается героическая и вместе с тем трагическая судьба античного героя. Но не стилизация под древность, а живое современное прочтение мифа отличает балет «Прометей». Это чувствуется и в музыке, и в хореографии, и в художественном оформлении. Мысль о «человечности» Прометея в балете подчеркивает и Э. Гугуашвили: «Мифологический бог никак не абстрагирован в спектакле, не таинствует в себе «сверхчеловека». Напротив, что бы ни делал Прометей, в каком бы обличии не появлялся, балетмейстер и сам танцовщик, В. Галстян, подчеркивают его земную сущность. Простой человек и в муках, и в борьбе, и в победе».¹ Заключенные в «Прикованном Прометею» Эсхила высокие гуманистические идеи, мятежный дух вольнолюбия и тиранического правления, тема героического подвига во имя человечества, приобретают для авторов балета актуальный смысл, перекликаются с событиями, социальной и этической проблематикой современности.

Насыщенная большим напряжением музыка балета способствует целостности музыкально-сценического действия. Она выдержана в суровых драматических тонах. Как уже говорилось, никакого «подтягивания» музыки под античность, никакой архаики (хотя некоторые приемы в массовых сценах вызывают ассоциации с приемами, характерными для древнегреческой трагедии). Музыка выражает живые чувства, горячие, страстные, то полные гнева, ярости, то нежности, сочувствия, порыва. Музыка Аристакесяна очень динамична; большую драматическую и формообразующую роль в ней играет ритм — активный, волевой, стремительный; многообразные ритмические остигнато, интересная полиритмия, лейтритмы. «Ритмическая энергия в музыке балета настолько велика, что порой кажется — дальнейшее нагнетание динамики уже невозможно. Но композитор всякий раз находит новые и новые «катализаторы», достигает таким образом цельности, логической спаянности драматургии», — пишет Р. Степанян².

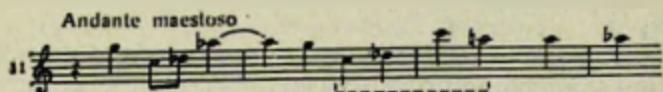
Показательна в этом отношении, например, сцена из первого акта («Кузница») — героический танец Прометея.

¹ Э. Гугуашвили. Балет о богоборце. Журнал «Театр», М., 1967. № 9. стр. 36.

² Р. Степанян. Цит. статья. стр. 31.

Музыкально-сценические образы в балете имеют символическое значение, они интонационно резко разграничены между собою. Через весь балет проходит несколько лейттем, лейтмотивов, имеющих большое значение в музыкальной драматургии. Следуя хачатуровскому «Спартаку», Э. Аристакесян трактует свой балет как музыкально-хореографическую симфонию, где каждый номер включен в общий поток симфонического развития, а лейтмотивы приобретают значение симфонического тематизма.

В центре, конечно, лейтмотив Прометея — выразительный, мужественный, волевой, весь в порыве, символизирующий повстанческий дух народа.

Видоизменяясь, вступая во взаимоотношения, столкновения с другими мотивами, он служит характеристике героического, человечного образа Прометея. Часто из этого мотива вычленяются те или иные фрагменты, приобретающие в процессе развития самостоятельное значение.

Претерпевая многообразные тембральные, фактурные, ритмические изменения, мотив Прометея достигает в своем развитии большой кульминации в эпизодах «Бег Прометея к кузнице Гефеста» (большое симфоническое Allegro), «Прометей берет огонь» (Maestoso), «Бег Прометея-огненосца» и «Танец Прометея с огнем». Музыка насыщается большим драматизмом, волей, патетикой.

Хочется отметить такие приемы, усиливающие общую напряженность звучания, как одновременное проведение мотива Прометея в различных его вариантах, в трех оркестровых пластиках (трубы, скрипки и дерево, валторны и тромбоны), стретчное у медных и струнных и, наконец, в различных метро-ритмических изменениях.

Трагический характер приобретает образ Прометея в эпизоде «Прикованный Прометей», в сцене в аду. «Застыает» гнетущий мотив Зевса (струнные *sul ponticello* и засурдиненные валторны), а на его фоне печально звучит мотив Прометея. Вообще в музыкальную сферу Прометея наряду с героическими, мужественными интонациями входит и широкий круг интонаций боли, страданий, раздумий и т. д.

Образ Прометея органично связан с образом постепенно прозревающего народа (с его лейттемой), обретающего силу протesta против власти и насилия богов. Особенно показательно это во II акте, когда народ, осознав, что у него отнят огонь, проникается чувством протesta, гнева. От фюнебра, музыкально-сценическое действие постепенно развивается к героическому танцу (реквиемы танца Прометея из I акта), пожару в аду (преображеный мотив колокола-набата), *Adagio* Климены и Прометея и, наконец, финальной коде (*Maestoso*), построенной на переплетении мотивов кузницы Гефеста (т. е. труда) и Прометея.

Важную роль в развитии музыкальной драматургии балета играют уже упоминавшиеся лейтмотивы Климены, народа, труда. Музыка Климены и нимф Океанид отмечена большим лиризмом и теплотой.

Образ народа воссоздают несколько мотивов, главный из них — кузнеца Гефеста, проходящий через весь балет и ликующее победно звучащий в finale.

Резко противостоит им вся музыка, характеризующая наместников Зевса — Власть, Силу, Эвмениду и Орлицу. Здесь господствуют резкие звуковые сочетания, жесткие полигональные напластования, грубо-воинственная, давящая музыка, грозный, яростный грохот литавр, тамтама.

Важное значение имеет и мотив колокола-набата, словно возвещающего миру и о свершающейся трагедии, и о величии героического подвига.

Идея подвига, борьбы за свободу и счастье человечества, протест против жестокой власти богов, социальной несправ-

вездливости придают этому произведению высокое гуманистическое звучание. Весь образный строй балета потребовал музыки волевой, мятежной, драматургии, приближающейся по своим масштабам, характеру и напряженности развития к жанру героико-трагической симфонии.

Сложная система лейтмотивного развития представляет одну из интереснейших примечательных сторон музыки балета. Сквозное симфоническое развитие музыки балета позволяет вместе с тем усмотреть в ней конструктивно оформленные картины, сцены, эпизоды. Показательна в этом отношении вся картина — шабаш в аду, представляющая собою развернутую форму драматизированного рондо, где большой средний эпизод — своеобразный квартет на мотивах Власти, Силы, Эвмекиды, Орлицы. Другой пример — претворение принципа пассакалии в начале I акта.

Композитор мыслит симфонично. Его меньше интересуют колорит, краски, чем динамика, выпуклость, броскость и графическая четкость рисунка.

Все музыкально-сценическое действие балета органично развивается от сумрачно-тревожного начала и трагического финала (молния поражает Прометея, народ теряет огонь) I части, где поднята тема страдания, к ликующему, яркому финалу всего балета.

«Прометей» был впервые поставлен в Ереване на сцене театра оперы и балета им. Спендиарова в 1967 г.¹. Спектакль был приурочен к 50-й годовщине Великого Октября и удостоен премии на Всесоюзном конкурсе музыкальных театров, посвященном этой исторической дате, а также премии Ленинского комсомола Армянской ССР.

Балетмейстер Е. Чанга (как уже говорилось,— он же автор либретто), основываясь на трагедии Эсхила, вместе с тем трактует миф о Прометеи с позиций художника наших дней. Уже у Эсхила избавление Прометея от ада произошло не по милости богов, а с помощью Геракла, рожденного женщиной. В либретто же и в постановке Чанги Прометея освобождает человечество, познавшее путь к истине. Подвиг Прометея сливаются с пробуждением самосознания народа. Кроме того, «Прометей не покищает

---

¹ Дирижер Я. Восканян, балетмейстер Е. Чанга, художник А. Шакарян.

огонь, а своими руками кует его. В труде мужает и зреет герой и затем передает свой опыт людям»¹.

Балет поставлен динамично, с фантазией. В танцах использованы некоторые движения, пластика античных скульптур. Лаконично и действенно художественное оформление. Оно усиливает ощущение тревожности драматизма. Проносятся тучи, облака, сверкают молнии, временами освещая беспокойным светом колонны храмов и героев в белых античных одеяниях. Скульптурно выразительна фигура Прометея, прикованного к скале.

Известная советская балерина И. Тихомирнова писала: «Древний миф о Титане — защитнике людей от гнева богов — вдохновил молодого композитора Э. Аристакесяна и либреттиста Е. Чангу на создание спектакля высокой реалистической идеи. Она воплощена в музыке и танце с ясностью и красотой большого искусства»².

Вместе с тем пресса отмечала и некоторую эмоциональную одноплановость, перегруженность либретто, известную перенасыщенность оркестрового звучания фортиссимо, тутти, медными и ударными инструментами.

Позднее «Прометей» был поставлен в городах Катовицы (Польша), в Харькове, Фрунзе. В Польше был снят фильм, посвященный этому балету.

* * *

В отличие от героико-трагического «Прометея», в совершенно иной манере написаны три небольших балета Гр. Ахиняна на сюжеты, заимствованные из поэм, сказок Ов. Туманяна.

Армянский музыкальный театр имеет большие традиции в области музыкально-сценического «прочтения» творчества классика национальной литературы Ованеса Туманяна. Мы не раз говорили в предыдущих томах об огромном значении творчества Туманяна для всей армянской художественной культуры. Достаточно напомнить, что уже самое начало армянского оперного творчества связано

¹ Р. Степанян. Цит. статья. Стр. 30.

² И. Тихомирнова. «Прометей». Газ. «Известия». Москва, 18 апреля 1967 г.

с «туманяновскими» операми: «Ануш» Армена Тиграняна и «Алмас» Александра Спендиарова.

Ованес Туманян — писатель широкого кругозора и разносторонних интересов. С особой любовью относился он к народным сказаниям, легендам, эпическим повествованиям. В них он видел обобщенное, опоэтизированное выражение жизни, быта, нравов народа, его мудрости, идеалов и чувства прекрасного. Для него, писателя-реалиста, сказка всегда была аллегорической формой художественного познания и отображения самой жизни в ее существенных, важных сторонах, когда при вековом бытании в устном творчестве все случайное, побочное отпадало и образы приобретали особую выпуклость, конкретность и обобщенность. В своеобразной форме сказочного, легендарного отображения жизни, Туманян распознавал и решение социальных, этических вопросов. Наконец, для поэта народные сказки были неисчерпаемым кладезем, из которого он черпал и вдохновение, и образы и даже приемы стихосложения, поднимая их на новую ступень поэтического мастерства. И этим он был, несомненно, близок Пушкину, своему любимому писателю.

Эта область творчества О. Туманяна охватывает различные темы, жанры. Здесь и поэтичная «Парвана», и смятенный, мужественный «Сако Лорийский», и проникнутая неистребимой страстью и обреченностью «Ахтамар», и трогательная «Ануш» — печальное повествование о трагической любви и гибели молодых влюбленных, восставших против старых законов (адата), и «Взятие Тыка-берда», где слышатся отголоски былых боев за свободу родины, и полный глубокой человечности «Гикор», и «Пес и Кот», и «Капля меда», и многое другое.

Для композиторов наследие Туманяна не только богатейший источник бессмертных сюжетов, поэтических образов, но и прекрасная школа жизненной правды, народности, этически высокого отношения к искусству. Сочинения поэта требовали глубокого проникновения в особенность жизни Армении, в постижение психологического склада армянского народа. Не раз подчеркивалась и удивительная музыкальность поэзии Ов. Туманяна, особенно привлекавшая композиторов.

Если в симфонической, оперной, хоровой, камерной музыке произведения Туманяна уже давно нашли свое воплощение, то впервые в области балета туманяновские

темы были затронуты именно в шестидесятые годы, когда на сцене Ереванского театра оперы и балета им. Спендиарова на либретто А. Гарияна были поставлены три одноактных балета: «Ахтамар», «Ившка» и «Сако Лорийский» композитора Гр. Ахиняна.¹

Говоря ранее о Гр. Ахиняне (в связи с его оперой «Человек из легенды»), мы отмечали его склонность к музикальному повествованию, бытописанию, лирике. Композитор любит музыкально-поэтические размышления о жизни, добре и зле и о духовной красоте человека. Поэтому, естественно, задача создания лирических балетов оказалась ему особенно близкой.

Перенесение на язык музыкально-сценических образов сказок и поэм О. Туманяна Гр. Ахинян осуществил со вкусом и художественным тактом.

«Ахтамар» — одно из самых поэтических произведений Ованеса Туманяна. В этой поэме противостоят сильная, не знающая преград, мужественная и самоотверженная страсть и, ставшая на пути влюбленных, злая сила ненависти, коварства. Любовь и смерть, встречи, разлуки и трагическая гибель раскрываются на фоне природы, неотрывной от судеб и переживаний героев. В поэме «Ахтамар» Туманян предстал во всей силе своего поэтического дара и мастерства, в ней слиты воедино глубокая жизненная правда и романтическая патетика.

Стихотворение «Ившка», из поэмы «Ануш», овеяно мягким и каким-то удивительно чистым, целомудренным лиризмом. В образе Ившки представлена в аллегорической форме печаль, грусть покинутой девушки — сюжетный мотив, так часто встречающийся в творчестве не только армянского, но и многих других народов.

И, наконец, «Сако Лорийский», написанный в совершенно иных тонах. Здесь привлекают мужественная сила, драматизм, суровость эпического повествования. «Ты — один, но кто с тобою равен силой, богатыры!» (О. Туманян «Сако Лорийский»).

Какой простор для композитора, обращающегося к этим поэмам, сколько различия в образах, в поэтическом изображении природы, (то бушующей, злобной, суровой, то трогательно печальной), человеческих чувств (любовь-

¹ Дирижер Г. Торикян, балетмейстер А. Гариян, художник М. Аветисян.

отчаяние, печаль, одиночество, гнев), какое богатство поэтических метафор, аллитераций.

Передать все это в музыкально-сценических образах, в пластике хореографии, задача чрезвычайно увлекательная, заманчивая, благодарная, но вместе с тем и трудная, ответственная, потребовавшая от композитора и постановщиков не только таланта и мастерства, но и знания жизни, психологической чуткости, понимания тонкостей поэзии и романтической настроенности.

Поэтому нельзя не отметить творческую инициативу и смелость Гр. Ахиняна, взявшегося за столь сложную задачу и во многом нашедшего ее убедительное решение. Правда, не вся многогранность гениальных поэм Туманяна оказалась перенесенной в балеты Гр. Ахиняна, не все автору удалось в одинаковой мере. Но многое и удалось.

Прежде всего это красочные картины природы. Здесь композитор проявил мастерство оркестрового и гармонического колорита, умение сопоставлять звуковые краски, создавать наплывы, многосоставные интонационные пласти и т. д.

Таковы, например, музыкальные картины водной стихии, ласковой, нежной, грозной и бушующей в «Ахтамар», а также суровый пейзаж в балете «Сако Лорийский» и трогательная зарисовка трепетной, склоненной к реке ивы.

Сочно нарисованы в «Сако Лорийском» картины народного быта. Здесь в музыке использованы характерные для армянской крестьянской народной музыки песенные обороты, танцевальные ритмы. Образы основных действующих лиц, а также природы имеют и свои лейтмотивы, лейттемы. Одна из наиболее выразительных лейттем — тема любви из балета «Ахтамар», в основе которой лежит мелодия народной песни «Хон арек».

Музыкально-сценическое действие балетов Гр. Ахиняна развивается на основе чередования и сопоставления быто-

вых, пейзажных, лирических картин. Зачастую композитор пользуется приемом звуковых «наплывов». Многочисленные звуковые арки, реминисценции, повторы отдельных «кусков» способствуют слиянию музыки балета в единое целое.

* * *

Творчество Ованеса Туманяна, как и всякого большого художника, рождает широкие ассоциации, далеко идущие размышления, смелые обобщения и прогнозы. Ованес Туманян никогда не ограничивается просто художественной обработкой той или иной «подслушанной» у народа сказки, легенды, притчи, а всегда схватывает и развивает их сердцевину, главную идею, связывая с современностью, обогащая не только своим писательским мастерством, но и своей мыслью передового поэта-гуманиста, своим широчайшим жизненным опытом.

Одной из туманяновских сказок, где эта особенность авторского метода проявилась, быть может, особенно сильно и ярко, открывая пути к философским обобщениям и обличающей публицистичности, явилась сказка «Капля меда».

Сказка в стихах «Капля меда» — одно из своеобразнейших произведений О. Туманяна. За участие в революционных событиях 1905—1907 гг. О. Туманян был взят под тайный надзор полиции, а затем в конце 1908 года заточен в Метехскую крепость. Именно здесь и была создана эта сказка, «явившаяся злой сатирой на царей и правителей». Автор показывает, как из-за случайного, ничтожного пустяка завязывается конфликт, который все больше и больше разгораясь, приводит к невиданному кровопролитию. Туманян изобразил войну как бессмысленное, страшное народное бедствие, приносящее много страданий и горя миллионам неповинных ни в чем людей¹. В подлинно народном, реалистическом повествовании Ованеса Туманяна, написанном исключительно сочным и выразительным язы-

¹ К. Григорян. Великий национальный поэт Армении Ованес Туманян. Стихотворения и поэмы. Л., «Советский писатель», 1969, стр. 44.

ком, все время звучат, сливаясь воедино, интонации горечи, иронии, гнева.

Простая незатейливая сказка с локальным сюжетом, превратилась под пером гениального поэта-мыслителя в произведение, насыщенное большой, обобщающей философской мыслью, публицистической страстью, в произведение, обличающее вражду, насилие, войну.

Именно этим и привлекла к себе туманяновская сказка «Капля меда» молодого композитора Эрика Арутюняна, написавшего оперу, названную им «Сказка для взрослых» (либретто В. Багратуни).

Эрик Ервандович Арутюнян родился в 1932 году и юные годы провел в Грузии. В 1957 г. окончил Тбилисскую консерваторию имени Сараджашвили, где занимался по классу композиции у С. Бархударяна и А. Баланчивадзе. Перу молодого композитора принадлежат песни, камерные и симфонические сочинения, музыка, написанная для театральных спектаклей и кинофильмов. «Сказка для взрослых» — первое оперное сочинение композитора. Замысел композитора, трактова сквозного сюжета нашли отражение и в самом названии оперы и в ее драматургии. Автор подчеркивает в ней антивоенную, антиимпериалистическую тенденцию, связывает с одной из важнейших проблем современности — борьбой народов за мир. Современная позиция ощущается и в музыкально-сценическом действии оперы и в ее художественном оформлении.

Образно пишет об этом А. Цицикан: «Задуманная как гуманистическая, антивоенная опера, она несет в себе страстный протест против бессмыслиности войны, против уничтожения и гибели людей. Не случайно в решении многих постановочных проблем, массовых сцен, мизансцен, режиссер (а я добавил бы и художник.— Г. Т.) черпал вдохновение в творчестве замечательного художника современности Мазереля, его мужественной антивоенной графики, в монументальных полотнах Сикейроса... Во II акте есть момент, когда над ужасающей картиной людского побоища, над воцаряющейся тишиной и мраком сцены тяжело нависает огромная капля, выхваченная лучом прожектора... Удивительно сходная в своих очертаниях с бомбой, несущей атомный заряд, она служит грозным предупреждением людям, призывают к бдительности».¹

¹ А. Цицикан. Сказка для взрослых. Гиз. «Коммунист», Ереван, 16/VI—1970 г.

Авторы оперы, композитор и либреттист, развили сюжет туманяновской сказки, внеся в нее и нечто новое—резкое противопоставление картин мира и войны, созидающего труда простых людей и разрушительных войн.

Таковы, например, жизнерадостное начало 2-ой картины — жанровая зарисовка с веселыми хорами детей, девушек, односельчан, продавца меда, дружеская встреча пастуха (здесь появляется его лейтмотив), комичные восхваления кошки продавца меда и собаки пастуха и т. д. Такова же сцена в деревне пастуха (3-я картина) с задушевным лирическим хором девушек, идущих за водой и песней пахаря — «Оровел».

Larghetto

18

Дай си - ам бог, пас - чам но - ни

кто не зна - ет ра - дость гру - да

Здесь же как связка между картинами возникает развернутая лейттема мира.

Lenio

Finao

19

Финальный апофеоз — гимн миру — завершает всю оперу.

Этим сценам резко противостоят по своей эмоциональной окраске картины размолвки, нарастания ссоры, гибели кошки и собаки, убийства продавца меда и пастуха, столкновения деревень, войны между государствами и, наконец, взрыв, всеобщая катастрофа.

Характерен в этом отношении конец 2-ой картины, где пастух убивает продавца меда, а затем и сам становится жертвой гнева односельчан продавца (крики ужаса, реплики испуганных свидетелей ссоры, появление искажен-

нного лейтмотива продавца меда — на этот раз он проходит в грозном *tutti* с тромбонами и ударными).

В 3-ей картине, когда приносят в деревню останки пастуха, беспечный смех девушек резко сменяется стенинаниями, причитаниями его невесты, призывом к мести.

А далее, в конце I-го акта — симфоническая картина столкновения двух деревень, где проходят основные лейтмотивы оперы. В конце II акта — милитаристская музыка (с дробью малого барабана и сигналами труб), передающая агрессивность царя Вай-Вая, и симфоническая батальная картина битвы между двумя государствами, сцена «смертельного поля» — в третьем акте. В оркестре зловеще звучит лейтмотив « капли меда » и как своеобразная реминисценция проходят в своем «мирном» облике лейтмотивы продавца меда и пастуха, словно комментируя мысль «а ведь всех этих бедствий могло и не быть».

«Старинную антивоенную притчу в либретто и в постановке мы сегодня трактуем, прежде всего, как тему, направленную против поджигателей термоядерной, истребительной войны. При этом сохраняются остросатирическая направленность первоисточника и его главное оружие — беспощадный изобличающий смех», — пишет автор либретто и постановщик оперы режиссер Ваагн Багратуни.¹

Э. Арутюнян — композитор, в творчестве которого преобладают лирика, мягкие краски, бытовая характерность, скерциозная острота. И в опере наиболее удачными оказались те места, где уместно проявились именно эти характерные творчеству Э. Арутюняна черты.

Однако творческий замысел, выбранный жанр оперы — памфлет с резко заостренной социальной, политической направленностью — натолкнули композитора и на плакательность, гражданственность, почти кинематографическую динамику развития и смены картин, образов. Композитор отказывается от традиционных законченных оперных форм, арий, ансамблей (в опере нет и увертюры), заменяя их преимущественно куплетными песнями, ансамблями в духе советских массовых, эстрадных песен, сквозным музикально-сценическим действием, в котором большое значение имеет развитие, взаимодействие, столкновение лейтмотивов. В оперу введен также прозаический текст.

¹ Газ. «Социалистический Донбасс», 5 мая, 1972.

Уже в самом начале оперы в резком звучании трех труб появляется лейтмотив «Меда» и «Земного шара».

Далее, по мере развития действия, возникают лейтмотивы: продавца меда и пастуха, войны и мира, царей Вай-Вая и Бай-Бая.

The musical score consists of two staves. The top staff is for the orchestra, featuring three staves: Violin I, Violin II, and Cello/Bass. The bottom staff is for the piano. The vocal parts are written below the instrumental staves. The vocal parts include: 'Ah ah ah ah ah ah ah ah ah ah' (repeated), 'V-vi Campanelli', and 'Ah ah ah ah ah ah'. The tempo is marked as $J = 60$.

Лейттема мира завершает всю оперу. Выше говорилось о страшной картине «смертного поля» в III акте.. Ведущий поднимает весь хор народа (до этого лежащего «сраженным»), капля меда исчезает со сцены. На заднике высвечивается картина мирной жизни, к которой стремится человечество. Хор и оркестр исполняют гимн миру.

Действие оперы все время находится на грани серьезного и комического. Чувствуется постоянная горькая усмешка, ирония автора. Достигается это приемами пародирования, преднамеренно вводимыми интонационными искажениями, сознательными «нагромождениями» пышно-торжественных маршей, гимнов, речей и т.п., чем и подчеркивается пустота, глупость и злобность царя Вай-Вая и его двора.

Правда, композитору иногда недостает масштабности, драматического напряжения, порою ощущается и некоторая разностильность, выраженная в недостаточно органичном сочетании армянского крестьянского мелоса (песня

пахаря) со звучаниями близкими советской эстрадной песне и с интонациями музыкальной бытовой речи.¹

«Создавая оперу по сказке Ованеса Туманяна,— говорит композитор,— мне хотелось быть как можно ближе к замечательному литературному первоисточнику. Больше всего я боялся длиннот и стремился к динамике в развитии музыкального и сценического действия, поэтому я избегал традиционных «сюжетов», добиваясь непрерывного развития. И еще я все время думал о доступности и демократичности музыки оперы. В какой мере все это мне удалось, судить, конечно, не мне». Говоря об оперных традициях, которые представлялись ему особенно ценных, Э. Арутюнян прежде всего вспоминает оперы С. Прокофьева и, особенно, «Любовь к трем апельсинам» и «Обручение в монастыре».

Опера «Сказка для взрослых» была поставлена в начале 1970 года Ереванским театром оперы и балета им. А. А. Спендиарова,² а в 1972 году и в Донецке. Инициатива молодого композитора, первым осуществившем (пусть даже не во всем удачно) в армянском музыкальном театре смелый и интересный замысел по созданию оперы такого плана, заслуживает всемерной поддержки.

* * *

Еще одна сказка, нашедшая отражение на сцене армянского музыкального театра последних лет — балет Юрия Казаряна «Сотворение мира». Она также носит островербалистический характер, но с большими элементами комедийности, гротеска, сатиры; создана по мотивам сатирических рисунков «Сотворение мира» известного современного французского художника-карикатуриста Жана Эффеля (либретто Г. Хохлова).

Автор балета Юрий Шоэнович Казарян (родился в 1933 г.) закончил Ереванскую консерваторию (класс проф. Гр. Егназаряна) и с тех пор зарекомендовал себя как композитор,

¹ На это указывала также А. Цицикян в цитированной выше статье.

² Дирижер Ю. Даутян, режиссер В. Багратуни, художник А. Унанян.

сочиняющий в основном камерно-инструментальную и симфоническую музыку. «Сотворение мира» — его первое обращение к балету.

Говоря о своем замысле, Ю. Казарян подчеркивал, что «хотел, основываясь на великолепных рисунках Жана Эффеля, передать библейское толкование рождения мира в сатирическом аспекте, с позиций советского автора и создать атеистический балет. Вместе с тем мне хотелось и сценическим действием, и музыкой вызвать некоторые современные ассоциации, осмеивая ханжество, бюрократизм и другие существующие еще недостатки».

Хорошая творческая выдумка, фантазия, свободное владение оркестровыми красками позволили Ю. Казаряну создать динамичную музыку, отмеченную остроумием, сарказмом, изяществом. Композитор широко использует приемы пародирования, комикования, преднамеренного гармонического, тембрального, фактурного «алогизма», скерцозных остро ритмованных эпизодов и т. д. Часто встречаются в партитуре балета используемые в комедийно-гротесковом аспекте приемы полигональности, полиритмии, напластование совершенно контрастных тембров.

В балете несколько резко противопоставленных друг другу интонационных пластов, связанных с характеристикой основных действующих лиц и с различными сценическими ситуациями. Прежде всего это сам Бог, сотворивший и Адама, и Еву. Он охарактеризован мимо возвышенной музыкой, саркастически имитирующей хоральные обороты.

Богу противостоит Дьявол, гротесково обрисованный определенными оркестровыми оборотами, лейттембрами.

В комической музыке Адама, в его лейттеме, подчеркнут наивный пафос, внешняя сила и внутренняя беспомощность героя.

Allegro ♩ = 120

Fl. Cl. Bassoon Oboe, viola Cello/Bass

ff

18

Наиболее развернуто показана Ева — чистая, робкая, только что созданная из ребра Адама, и одновременно коварная, хитрая (после общения ее с дьяволом). Поэтому именно ее музыкальный язык, ее лейттема претерпевают, соответственно, наибольшие изменения. Лирический тематизм Евы также все время окрашен в различные оттенки комического, начиная от мягкого юмора и кончая острым гротеском. В частности, это достигается проведением ее лирического тематизма в совершенно «несоответствующих» ей оркестровых тембрах, полигональных соотношениях.

Лишь в первых экспозиционных характеристиках основных действующих лиц, композитор создает законченные традиционные «номера» — портреты (в частности, адалио Евы). Далее же все стремительно развивается в сквозном музыкально-сценическом действии, изменчивом, полном контрастов.

Балет «Сотворение мира» Ю. Казаряна, при предварительном прослушивании в Союзе композиторов, был хорошо встречен. Однако, окончательное суждение о нем можно будет иметь лишь после его сценической постановки, которая, хочется думать, не заставит себя долго ждать.

* * *

Говоря о балетных спектаклях, созданных на основе поэтических сказаний, следует отметить еще и постановку в 1965 году в Ереванском театре оперы и балета «Три пальма» на основе музыки одноименной симфонической картины классика армянской музыки Александра Спендиарова.

Созданная еще в 1905 году симфоническая картина «Три пальмы» принадлежит к числу замечательных дости-

жений национальной культуры и является одним из первых произведений армянской симфонической музыки. В ее основе лежит «Восточное сказание»—«Три пальмы», занявшее свое достойное место среди поэтических шедевров М. Лермонтова. Знаменательно, что в воспоминаниях В. Ястребцева имеется запись, указывающая на то, что среди отобранных учителем Спендиарова Римским-Корсаковым поэтических произведений, намеченных им в качестве литературной основы для музыкальных сочинений своих учеников, была и поэма «Три пальмы» Лермонтова. Таким образом, можно предполагать, что сюжет этот был подсказан Спендиарову Римским-Корсаковым.

Изумительно образная и красочная поэма Лермонтова воплотила в аллегорической форме глубокую думу поэта о современной ему действительности, его вольнолюбие, жажду быть полезным людям, протест против насилия и жестокости, «...жадное желание дела, активного вмешательства в жизнь» (М. Горький).

Выразителями благородных мыслей и чувств Лермонтов делает три прекрасные пальмы, одиноко растущие в Аравийской пустыне. В их уста вложил поэт не только ропот на свою судьбу, не только жалобу на бесцельность своего существования, но и обращенный к самому небу протест: «Не прав твой, о небо, святой приговор!»

Протест против насилия заключен в самой трагической судьбе жестоко и бесчеловечно срубленных «питомцев столетий».

Именно эти мысли и настроения и подчеркнул композитор в музыкальном пересказе лермонтовской поэмы. В начале XX века и особенно в 1905 году они были близки Спендиарову — художнику, жившему интересами передовой общественности и являвшемуся свидетелем репрессий и насилия над лучшими людьми своего времени. Следует напомнить, что мотивы жажды дела, гневного протesta, обличения филистерства звучали во многих его произведениях. Как и поэма Лермонтова, симфоническая картина Спендиарова насыщена лирикой страданий, чувством неудовлетворенности, пафосом протesta и борьбы; ей присущ напряженный драматизм. Спендиаров стремился также передать живописную красочность поэмы (изображение пустыни, пальм, каравана).

Первый большой раздел «Трех пальм» представляет собою экспозицию главной темы — «темы пальм». Он на-

писан в виде свободных динамических вариаций, каждая из которых служит более полному и многогранному раскрытию экспонируемого образа.

Начинается симфоническая картина спокойной мелодикой альта («тема пальм»), сопровождаемой струнным квартетом и флейтой. Медленный темп (*Andante*), плавность интонаций, выдержаные тонические органные пункты, тональная замкнутость создают ощущение покоя, зноя, картину словно застывшей природы Аравийской пустыни. Тема пальм предваряется, а затем сопровождается « журчащим» лейтмотивом ручья (флейта). Картинно воссоздает композитор живописный пейзаж, нарисованный в поэме Лермонтова:

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной
Журча, пробивался волною холодной.

В последующих вариациях, передающих ропот, а затем и гневный протест, «тема пальм» звучит по-новому. Появляются сильные секвенционные нагнетания, обостренные гармонии и резкие модуляционные (энгармонические) сдвиги, интенсивное полифоническое развитие; вводятся все новые группы инструментов; динамика звучания нарастает к *ff* (*tutti* оркестра). Все это придает «теме пальм» напряженный, взволнованный характер, активизируя ее. На первой кульминации из «темы пальм» выводится новый самостоятельный мотив «ропота», «протesta», сопровождаемый гневным возгласом трубы:

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничай благосклонный не разуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!.

На второй же кульминации возникает мотив «трагической гибели пальм». Наконец, после гневного возгласа меди наступает постепенное затишье (заключение экспозиции главной темы), и «тема пальм» умолкает.

Второй раздел симфонической картины (*Andante sostenuto*—экспозиция побочной партии) воплощает образ каравана.

Этот раздел также написан в форме вариаций. Но если вариации в первом разделе передавали «думы и переживания пальм», то здесь они играют изобразительную роль, создавая впечатление постепенного приближения каравана. С первых же словно издали доносящихся звуков каравана слышится приглушенная маршевая ритмическая поступь (*pizzicato* виолончелей и контрабасов *pp*). Эта ритмическая фигура, как бы передающая равномерно колыхающийся шаг верблюдов, сохраняется в виде остигнатного баса на протяжении всей картины шествия каравана. Особый колорит вносит примененное здесь Спендиаровым звучание настоящих караванных бубенцов.

Вступает тема каравана, выдержанная в том же ритме. С каждым разом она звучит все более рельефно, обрастает полифоническими голосами. Сила звучания постепенно нарастает от *pppp* к *f*, от приглушенного изложения темы солирующим кларнетом к пышному, декоративному *tutti*. Как уже говорилось, создается почти зримое впечатление приближения каравана, развертывается по-восточному пестрая красочная картина массового шествия. В музыке словно слышится гул голосов, окрики погонщиков. Вместе с тем Спендиаров характеризует караван как недружелюбную, неблагодарную и эгоистичную силу.

Передавая «радость» пальм, оказавшихся, наконец, полезными людям, композитор обращается к особенно светлым, лирическим опоэтизованным краскам. Тема пальм проходит в радостном *H-dur'е*, полифонически сочетаясь с «темой каравана». Наступает умиротворенная тишина.

Внезапно стремительно проносится в звучании гобоя и скрипок, а затем фагота и виолончелей тема каравана и раздаются девять страшных ударов *tutti*, изображающих удары топора по пальмам:

На только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал...

Ворвалась жестокая, тупая и безжалостная сила.

С большим драматизмом передает Спендиаров «ужас», «смятение» пальм. Тема пальм предстает в совершенно новом звучании — горестном, обессиленном, растерянном. Ей сопутствует, постепенно вытесняя, мотив «трагической гибели». Грозный, гневный (*Allegro irato, f*, медные и струнные басы), он становится затем скорбным, траурным (скрип-

ки и деревянные, р). Это кульминационное проведение мотива «трагической гибели», выражающее и протест, и скорбь по уничтоженным «питомцам столетий».

Вновь наступает тишина, на этот раз зловещая, мрачная. Изумительного образного эффекта достигает композитор сочетанием tremolo засурдиненных струнных и отрывистых арпеджио арфы, неуклонным противодвижением мелодии и баса, сопоставлением гармоний по ступеням уменьшенного септаккорда, создавая впечатление шипения догорающих на костре пальм («...изрублены были тела их потом и медленно жгли их до утра огнем»).

Но вот зловещую тишину прорезает в звучании валторны тема каравана (*Andantino sostenuto*). Это сигнал к пробуждению каравана, к сбору в дальнейший путь.

Следует раздел симфонической картины — зеркальная реприза. Собирается и постепенно удаляется караван. В обратном порядке (в сравнении с экспозицией) следует вариационное проведение «темы каравана» (от шумного суетливого *f* к еле слышному *ppp*), постепенно совершенно исчезающей. Остается лишь одинокий выдержаный звук — соль у флейты и валторн, ассоциируемый, как и в начале, с пустынным пейзажем:

И ныне все дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом.

Скорбно, печально (*Con dolore e pregando*) в оркестре звучит мотив «трагической гибели пальм». В мрачном тембре низкого регистра кларнета и альта проходит искаженный мотив «ручья». Насыщенный увеличенными и уменьшенными интервалами, прерываемый резкими паузами, он звучит теперь горестно:

Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит...

Пальмы срублены. В виде реминисценции возникают лишь отдельные интонации «темы пальм».

Словно застывшее на одной ноте tremolo струнных в верхних регистрах и постепенное нисходящее движение выдержаных по целому такту гармоний (три тромбона и туба) создают ощущение пустынности, холодного безмолвия.

На этом заканчивается симфоническое повествование о трех пальмах.

Для понимания замысла симфонической картины «Три пальмы» большой интерес представляют воспоминания академика Б. В. Асафьева о первой его беседе со Спендиаровым, состоявшейся на репетиции в зале бывшего Дворянского Собрания в Петербурге в 1905 году. Особое значение имеет то, что Асафьев подчеркивает «философичность» сочинения. Это намечает верный путь к анализу «Трех пальм» как произведению, содержание которого не ограничено пейзажным началом, а имеет более глубокий смысл, социально-философскую идею, раскрытую в аллегорической форме.

В «Трех пальмах» проявилась склонность Спендиарова к воплощению обобщенных замыслов, лирико-драматических образов, к музыкальной аллегории, к действенному симфоническому развитию. Стремление композитора последовательно и полно передать развитие сюжета поэмы Лермонтова и в то же время выявить ее обобщенный драматический смысл обусловили и своеобразие композиционного решения симфонической картины: сочетание картинной изобразительности с интенсивным музыкально-драматическим развитием, сквозной, вариационной формы — с сонатной. Спендиаров показал себя замечательным мастером оркестра, глубоко и органично воспринявшим традиции русской симфонической музыки, главным образом, через творчество его любимых композиторов Римского-Корсакова и Чайковского.

«Три пальмы» — одно из самых крупных и лучших сочинений Спендиарова. «Это произведение программной музыки, по своему поэтическому тону, по яркой изобразительности и верности колорита,— как правильно замечает А. И. Шавердян,— примыкает к таким ориентально-программным произведениям кучкистов, как «Анчар», «Тамара»¹.

Впервые выполненное в Петербурге в 1905 году, оно вскоре прочно вошло в репертуар столичных и провинциальных оркестров как в России, так и за границей. Высоко оценили это сочинение выдающиеся музыкальные деятели — современники Спендиарова.

---

¹ А. Шавердян. А. А. Спендиаров. Москва, 1957, стр. 35.

Глазунов писал о «Трех пальмах», как о «ярком произведении, сразу обратившем на себя внимание и создавшем автору его огромную славу»¹; он отмечал, что Спендиаров в этом сочинении показал новые пути в ориентализме. «Это произведение по свежести напоминает Грига и в то же время — это Ваш замечательный Восток», — говорил Никиш². Сам Спендиаров считал «Три пальмы» самым удачным из своих симфонических сочинений. Уже говорилось, что в 1908 году оно было отмечено премией имени Глинки. «Три пальмы» имеют не только концертную, но и интересную сценическую историю.

В 1912 году известный русский балетмейстер М. М. Фокин предложил Спендиарову поставить балет «Семь дочерей короля джиннов» на основе музыки «Трех пальм». В архиве Спендиарова (в Музее литературы и искусства Академии наук Армянской ССР) хранятся интересные письма М. М. Фокина. Небезынтересно привести две-три выдержки из книги М. Фокина «Против течения» (Воспоминания балетмейстера. Статьи, письма. М-Л. Искусство, 1962).

«В 1913 году, когда я разошелся с С. П. Дягilevым, ко мне обратилась А. П. Павлова с просьбой поставить для ее антрепризы два балета. На вопрос, какие балеты я рекомендую, мною были указаны «Три пальмы» Спендиарова и балет «Золотой петушок» (стр. 315). «Я не встречался с нею (А. Павловой.— Г. Т.) до 1913 года, когда она предложила мне ставить балеты для ее труппы. Я поставил «Семь дочерей горного короля» на музыку Спендиарова» (стр. 396).

«Семь дочерей». Балет поставлен мною для Павловой в Берлине одновременно с Прелюдиями. Стихотворение «Три пальмы» Лермонтова, на которое Спендиаров написал музыку, было использовано мною для балета, то есть взята идея стихотворения и сочинен иной сюжет совместно с художником Анисфельдом, который писал декорации» (стр. 510).

Сохранились также письма знаменитой русской балерины Анны Павловой к Спендиарову.

¹ А. Глазунов. Воспоминания об А. А. Спендиарове, «Советская музыка», 1939, № 9—10, стр. 11..

² С. Василенко. Страницы воспоминаний, М-Л., 1948, стр. 123—128.

Александр Афанасьевич отнесся сочувственно к идеи создания балета на музыку «Трех пальм», принял участие в составлении сценария (предложенного М. Фокиным) и даже написал специально для балета музыку пролога.

Премьера балета (сценарий М. М. Фокина) состоялась в Берлине в новом оперном театре «Кроль» 3 и 4 января 1913 года¹. Постановка была осуществлена Фокиным², главную роль дочери короля джиннов (Горный ручей) исполнила гордость русского балета Анна Павлова. Костюмы и декорации были выполнены художником Б. И. Анисфельдом. Спендиаров был в это время в Берлине и лично присутствовал на балете.

«Вдохновенная музыка А. А. Спендиарова, феерическая постановка балета, прекрасное исполнение центральной роли известной русской балериной Анной Павловой привели немцев в восторг. На первом представлении присутствовал известный дирижер Никиш», — писала газета «Вестник юга»³.

Прошло много лет и лишь в 1945 году на сцене Ереванского театра оперы и балета была осуществлена постановка балета «Хандут», музыка которого была составлена Г. Будагяном на основе многих произведений Спендиарова, в том числе и его «Трех пальм». Либретто балета было написано А. Гулакяном и Л. Лавровским по мотивам лирической ветви эпоса «Давид Сасунский»⁴.

И вот в 1965 году в Ереване поставлен балет «Три пальмы» (либретто Е. Чанги).

Е. Чанга по существу впервые подошел к такому решению музыкально-сценического воплощения симфонической картины «Три пальмы», которое максимально приближалось к ее программному содержанию. Этого не

¹ См. сообщение об этих спектаклях в газетах: «Berliner Börse-Courier» 1 января 1913 года и «Nordl.-che Algemeine zeitung», Берлин, 8 января 1913 года.

² М. Фокин поставил также на музыку спендиаровской «Хайтармы» хореографический номер, исполненный балериной П. Мандес 14/27 января 1916 года в Мариинском театре на вечере в пользу беженцев. Костюм для этого номера был выполнен по рисунку А. Я. Голопина.

³ Газета «Вестник юга» (Ялта) от 30 января 1913 года.

⁴ Об этом балете было написано во II томе настоящего труда.

было ни в первой фокинской постановке, ни в балете «Хандут». Думается, прав Р. Степанян, утверждая, что «зрительная ассоциация музыки Спендиарова со стихотворением Лермонтова вполне закономерна: поэма настолько ярко изобразительна, что какое-либо иное ее истолкование непременно вступило бы с ней в противоречие»¹. Как справедливо подчеркивает Р. Степанян, Е. Чанга уловил не только образную конкретность содержания «Трех пальм» Спендиарова, но и ее обобщенную идею, столкновение силы, красоты жизни, воплощенных в образах пальм, родника, и разрушительного начала—Шейх, Одалиска.

В балете многое удалось. Достигнуто органичное слияние музыки и хореографии. Используя приемы, формы чаще всего классического танца, балетмейстер выводит их из самого характера музыки и иногда и из строения музыкальных форм.

* * *

В первых томах исследования «Армянский музыкальный театр» не раз обращалось внимание на значение особого вида национальных опер и балетов, связанных с юношеской, детской темой, написанных часто для юного зрителя, а иногда также и для взрослых. Этот вид музыкально-сценического творчества призван играть значительную роль в идейном, нравственном и эстетическом воспитании молодежи. Ранее говорилось о первых армянских детских операх, созданных еще в начале века на основе сюжетов детских сказок. Они шли в любительском исполнении школьников. Это были небольшие произведения, содержащие песни, ариэтты, хоры, танцы, маленькие ансамбли, написанные в простейших формах, разговорные диалоги. Для большей наглядности и доходчивости композиторы применяли в них маленькие мотивы и приемы звукоизобразительности. В этой связи упоминались оперы «Конец зла» А. Манукяна, «Стрекоза и муравей» М. Мирзояна, «Сказки бабушки Гульназ» А. Маяляна, а также

¹ Р. Степанян. Радости и разочарования. «Советская музыка», 1966, № 3, стр. 58.

появившиеся уже в 20-ые годы оперы «Братец Гарник» К. Закаряна, «Птенчик» М. Мазмания. Несколько позже был написан детский балет «Пионерия» К. Закаряна.

На совершенно новом уровне была создана уже в послевоенные годы детская опера «В лучах солнца». Написанная старейшим композитором Анушаваном Тер-Гевондяном, она рассказывала о чернокожем мальчике Бербере, попавшем в Советский Союз и обретшем здесь свою настоящую жизнь и свободу. Тяжелой, подневольной жизни, нищете и рабскому труду, на которые обречены дети в колониальных странах, противопоставлена счастливая радостная жизнь советских детей. Эта опера была написана в значительно более развернутых масштабах на совершенно ином уровне профессионального мастерства и уже с расчетом на исполнение в большом профессиональном театре. В 1950 году она была поставлена на сцене Ереванского государственного академического театра оперы и балета имени А. Спендиарова. Актуальная тема интернациональной солидарности детей и юношества, выразительная доходчивая музыка сыграли свою положительную роль в воспитании молодого зрителя.

Интересной теме была посвящена и другая опера, написанная Юрием Геворкяном — «Костер». В ней рассказывалось об увлекательных приключениях, которые произошли с пионерским отрядом, напавшим на след старинного заброшенного замка. Мелодичная бодрая музыка оперы основана на интонациях массовых пионерских и юношеских песен и танцев.

В рассматриваемый в данной книге период также были написаны детские балеты, свидетельствующие о том, что эта интересная и очень нужная самостоятельная область армянского музыкального театра продолжает плодотворно развиваться. На сцене Ереванского театра оперы и балета имени А. Спендиарова в 1962 году были поставлены два детских балета — «Майдодыр» (по широко известной, любимой многими поколениями детворы сказке Корнея Чуковского) Бориса Сакилари¹ и «Красная шапочка» (по сказке Перро) Г. Мелик-Мурадяна², а позже «Гикор» по

¹ Дирижер А. Катанян, балетмейстер А. Гарифян, художник С. Арутчян.

² Дирижер Я. Восканян, балетмейстер А. Гарифян, художник А. Шакарян.

О. Туманяну С. Джербашяна. А в Ленинградском академическом Малом оперном театре идет балет Надежды Симонян «Старик Хоттабыч», созданный по очень популярной сказке-повести Л. Лагина¹. Балеты эти свидетельствуют о «выходе» этого жанра на более широкую дорогу как в отношении общих масштабов, приемов музыкальной драматургии, так и всей «технологической оснащенности». Разные по характеру, индивидуальному почерку, уровню мастерства, эти произведения имеют и общие черты, в частности, обусловленные следованием авторов прокофьевской традиции как в отношении воплощения детской темы, реалистической жизненно-конкретной трактовки сказочности, акцентирования этических, воспитательных сторон сюжета, так и в отношении некоторых приемов балетной драматургии, в частности, остроты, лаконизма и образности музыкальных характеристик, «кадрового» чередования номеров, сочетания лирических, комедийных, живописно-изобразительных эпизодов, а также своеобразного использования лейтмотивов.

Завершая эту главу, хочется еще раз обратить внимание на серьезность подхода современных армянских композиторов к воплощению сказочных, мифологических тем и на очень разные, в том числе и совершенно новые аспекты, в которых идут искания решений этих тем: лирический, лирико-философский, сатирически-пародийный, героический, антивоенный, дидактический и т. д. В этой связи, как уже говорилось, происходят сложные взаимодействия сказочных, мифологических сюжетов с актуальным, глубоко жизненным содержанием. Большую роль играют при этом принципы аллегории, иносказания. Хочется отметить и непреходящее значение наследия О. Туманяна для армянского музыкального театра наших дней. Выше говорилось о различных формах переосмыслиния туманяновских сюжетов, в частности, об их сближении с актуальной проблематикой современности.

---

¹ О балете «Старик Хоттабыч» см. в главе «На ленинградских сценах».

ГЛАВА IV

ПЕВЕЦ ВОСТОКА

(Балеты Сергея Баласаняна)

Ценный и очень интересный вклад в развитие советского музыкального театра внес видный композитор и музыкально-общественный деятель Сергей Арсеньевич Баласанян. Биография С. Баласаняна сложилась так, что он находился в постоянном общении с жизнью и культурой многих стран Востока. Юные годы С. Баласаняна протекли в Ашхабаде (где он и родился в 1902 году), а затем в Тбилиси. Здесь, в Туркмении и Грузии, Баласанян получил первоначальное общее и музыкальное образование, первые, запечатлевшиеся на всю жизнь представления о жизни и художественной культуре Востока в его столь различных национальных проявлениях — Среднеазиатском и Закавказском. Творческая деятельность его началась в Армении, в частности, в Государственном армянском драматическом театре им. Г. Сундукияна. Молодой композитор написал музыку к ряду спектаклей этого театра, в том числе и таким значительным, как «Пепо» Г. Сундукияна, «Бронепоезд 14—69» В. Иванова, «Поэма о топоре» Н. Погодина и другие.

Уже с этих лет Баласанян с живым интересом изучает историю культуры, музыку Армении. Он слушает народных музыкантов, записывает образцы армянского музыкального фольклора, знакомится с произведениями армянских композиторов и в первую очередь Комитаса и Спендиарова. Творчество этих мастеров — основоположников армянской классической музыки, а также исключи-

тельно самобытное искусство Саят-Новы навсегда осталось в памяти Баласаняна как выдающиеся произведения армянской художественной культуры.

Более сорока лет жизни С. Баласаняна связаны с Москвой. Здесь он получил высшее музыкальное образование в Московской консерватории, окончив радио отделение теоретико-композиторского факультета, а также специальный композиторский практикум, руководимый Д. Б. Ка-балевским. Пребывание в Москве, занятия в Московской консерватории дали С. Баласаняну широкие и разносторонние знания, вооружили его отличной композиторской профессиональной техникой, приобщили его к богатому опыту русской и зарубежной классической музыки. Воспринятые с юных лет живые впечатления от музыки Востока, органично войдя в круг новых широких представлений о мировой культуре, сами стали глубже, богаче, осмысленнее.¹

Позже, когда С. Баласян достиг полной творческой зрелости, в его музыке органично слились и богатые традиции «русской музыки о Востоке» (термин Б. Асафьева), и живописная красочность, тонкость колорита импрессионистов, и, конечно же, свое собственное индивидуальное постижение и художественное отображение жизни, культуры, музыки народов Востока.

По окончании консерватории (в 1936 году) С. Баласян направляется на работу в Таджикистан. Это был очень важный период в становлении профессиональной музыкальной культуры республик Средней Азии. В Таджикистане, в частности, делались первые шаги по линии создания на основе многовековых традиций монодической музыки камерных, симфонических, музыкально-спектакльных произведений различных жанров и форм, шло усвоение навыков современного композиторского письма.

«С. Баласян был первым композитором-профессионалом, приехавшим в Таджикистан,— пишут Н. Шахназарова и Г. Головинский.— С огромным интересом и вдохновением берется композитор за изучение таджикской народной музыки. Он разъезжает по стране, добираясь до

¹ Всесторонней характеристике жизни и творчества С. А. Баласянина посвящена книга Н. Шахназаровой и Г. Головинского «С. Баласян», М. 1972.

самых отдаленных памирских кишлаков, слушает народных певцов, записывает песни, любуется народными танцами. Его ошеломляет виртуозная полиритмия народных исполнителей, захватывает ладовое и тембровое многообразие мелодий. Вероятно, глубокое и основательное знакомство с таджикским музыкальным фольклором сыграло значительную роль в формировании той чуткости к колориту, той непринужденности владения сложнейшими ритмами, которые отличают творческий почерк Баласаняна¹.

Творческие интересы Баласаняна сразу были направлены в трудную область театральной музыки, которая в те годы имела особенно важное значение для многих народов Средней Азии. Писал он и симфонические произведения, в основу которых брал темы, заимствованные из таджикского фольклора.

В 1937 году Баласанян написал музыку к драме известного таджикского писателя Мирзо Турсун-заде «Восстание Восе», а в 1938 году совместно с композитором С. Урбахом — музыку к большому театрализованному представлению «Лола» («Тюльпан»), включавшему множество народных песен и танцев (либретто С. Сайдмурадова).

В 1939 году на основе музыки к драме «Восстание Восе» С. Баласанян создал одноименную эпико-героическую оперу (либретто М. Турсун-заде и А. Дехоти). Сюжет оперы повествует о крестьянском восстании в 1885—1887 г., возглавляемом Восе. Крестьяне разбивают войска хана Бухары и овладевают рядом областей Таджикистана. По своему содержанию, жанру и композиционному строению опера «Восстание Восе» — народная музыкальная драма. Большое место занимают в ней массовые хоровые сцены. С большим подъемом, например, написана развернутая финальная народно-хоровая сцена. «В музыке оперы С. Баласанян, — пишет В. Фере, — использовал множество подлинных народных мелодий, послуживших ему материалом для создания арий, хоров, драматических сцен. Простая, ясная по языку, музыка эта радует высоким уровнем мастерства, талантливостью и темпераментом

¹ Н. Шахназарова, Г. Головинский. Сергей Баласанян и его балет «Лейли и Меджнун». Лейли и Меджнун, пояснения, М., 1964, стр. 4.

автора. Музыка оперы — красочная, колоритная, эмоциональная, в заключительной картине достигает большой силы драматической выразительности¹.

Работая над оперой, композитор объездил районы восстания Восе, беседовал с его современниками, записывал песни, сложенные народом о своем герое.

Постановка этой оперы в Сталинабаде в 1939 году² имела громадное значение для развития музыкально-театрального искусства Таджикистана. Позднее, уже в 1959 году, композитор вновь вернулся к этой своей опере и создал ее новую редакцию, отличающуюся большей развернутостью форм, более активным симфоническим развитием, а также более свободным использованием полифонических и оркестровых средств.

В 1941 году в Сталинабаде состоялась премьера второй оперы С. Баласаняна, написанной им совместно с Ш. Бобокалоновым — «Кузнец Кова»³. Либретто оперы было написано А. Лахути по мотивам поэмы «Шах-Намэ» Фирдоуси. Здесь на материале легенды о восстании, поднятом кузнецом Кова против жестокого царя Захока, развивалась та же тема народно-освободительной борьбы, что и в «Восстании Восе».

Эта опера, отличаясь ярким национальным колоритом, выразительным мелосом, была более зрелой в отношении композиционного мастерства и владения приемами музыкально-драматургического развития. Наряду с хоровыми сценами, сольными номерами она содержит и интересные развернутые ансамбли. Показательны в этом отношении, например, красочная сцена жеребьевки во 2-ом акте или прекрасный лирический дуэт в 3-ем акте, написанный в форме канона.

Непосредственное использование народных мелодий (в «Восстании Восе») уступает в опере «Кузнец Кова» методу их более опосредованного претворения, развития их интонационных «зерен», в частности, в полифонически развитых хорах.

¹ В. Фере. Сергей Баласян и его балет «Лейли и Меджнун». Журн. «Советская музыка», 1957, № 9, стр. 60.

² Дирижер Л. Кадерман, режиссер Р. Карак, художник В. Фуфыгин.

³ Дирижер Л. Худолей, режиссер Д. Камерницкий, художник В. Рындик.

В апреле 1941 года оперы «Восстание Восе», «Кузнец Кова» и спектакль «Лола» были с успехом показаны в Москве на сцене Большого театра Союза ССР во время Декады таджикского искусства.

Как уже говорилось, С. Баласанян серьезно и творчески заинтересовано изучал музыку Таджикистана, знакомился с многочисленными образцами фольклора, со всей художественной культурой этой страны. И результат оказался превосходным: его произведения, связанные с таджикской тематикой, отмечены тонким пониманием духа, характера ладо-интонационного и метро-ритмического склада музыки этой древней страны, возрожденной к новой жизни Великим Октябрем.

Глубоким смыслом проникнуто то, что С. Баласанян, армянин по происхождению, воспитанник русской композиторской школы, оказался одним из основателей музыкального профессионализма в Советском Таджикистане. В этом сказались подлинно интернациональные связи и настоящее творческое содружество народов Советского Союза.

Ряд новых музыкально-сценических сочинений создал С. Баласанян в годы Великой Отечественной войны. Их тема — борьба с фашизмом и высокий патриотизм советских людей. Это музыкальная драма «Песня гнева» (либретто Г. Эль-Регистана и В. Крепса) и музыкальная комедия «Розы», созданная совместно с композитором З. Шахиди (либретто Е. Акубжанова и Н. Зелеранского).

Третья опера С. Баласаняна создана уже в послевоенные годы и поставлена в Таджикистане в 1954 году¹. Это — опера «Бахтиар и Ниссо» (либретто С. Ценина по известному роману П. Лукницкого «Ниссо»), посвященная событиям, связанным со становлением Советской власти в Таджикистане. «Впервые на таджикской оперной сцене зазвучали голоса «героев нашего времени», в остром конфликте столкнулись две противоположные идеологии — яро-рабоцщие и свобода, жестокий гнет феодализма и лучезарные идеи социализма, фанатическое изуверство и благородный гуманизм», — писал В. Фере.² Автор указывал также на то, что по сравнению с предыдущими операми

¹ Дирижер Г. Рисман, режиссер П. Златогоров, балетмейстер Г. Валамат-заде, художник А. Тараксова.

² В. Фере. Цит. статья, стр. 61.

Баласаняна, в «Бахтиаре и Ниссо» появилось много нового, в частности, шире разработана декламационно-речитативная сторона, зазвучали развитые ансамбли.

Хотелось бы также отметить возросшую, по сравнению с предыдущими операми С. Баласаняна, драматургическую роль симфонического развития и лейтмотивов, которые претерпевают, в зависимости от сценического действия, различные изменения. Таковы лейтмотивы Нисса, Бахтиара, Шапира, Кандры, тема любви и другие. Музыкальный язык оперы близок духу, характеру, интонационному строю таджикской народной музыки. Очень показательна, например, в этом отношении песня Бахтиара за сценой из I-ой картины I акта.

Опера «Бахтиар и Ниссо» как бы завершает собою цикл опер С. Баласаняна, в основу которых положена свободительная борьба народа. Как и в предыдущих операх, в «Бахтиар и Ниссо» раскрывается характерная для советских художников авторская концепция истории, понимание народа как ее главного творца и движущей силы. Центральное действующее лицо оперы — народ, хотя здесь большее внимание уделено раскрытию психологических переживаний отдельных героев и прежде всего самой Ниссо.

Опера содержит впечатляющие народные сцены, например, остро драматическую сцену столкновения народа с кулаками в I-ом акте, сцену суда в 3-ем и проникнутую глубокой сдержанной скорбью, написанную с большим размахом, финальную сцену — реквием Бахтиара. В неразрывной связи с массовыми сценами развиваются и взаимоотношения главных героев.

Вместе с тем пресса отмечала и некоторые просчеты в драматургии оперы, главным образом в либретто.

Безусловно, к лучшим произведениям С. Баласаняна должны быть отнесены два его балета: «Лейли и Меджнун» и «Шакунтала».

Балет «Лейли и Меджнун» в I-ой редакции был написан в 1947 году и тогда же показан в Таджикском театре оперы и балета¹. Спектакль имел большой успех и был удостоен Государственной премии. Однако композитор

¹ Дирижер Л. Левин, балетмейстер Г. Валамат-заде, художник Е. Чемодуров.

продолжил свою работу над этим балетом¹ и уже в новой, третьей, обогащенной редакции это произведение увидело свет рампы в 1964 году в Москве на сцене Большого театра Союза ССР².

Либретто балета написано С. Цениным и К. Голейзовским по мотивам бессмертной восточной легенды о возлюбленной и трагической любви прекрасной девушки Лейли и юноши Кайса, прозванного Меджнуном — одержимым, безумным от любви. Многочисленные варианты этой легенды, как известно, распространены во многих странах Ближнего Востока, Закавказья и Средней Азии и послужили основой произведений таких великих поэтов Востока, как Низами, Физули, Навои.

«Народная легенда о трагической любви Лейли и Меджнуне чрезвычайно распространена в странах Востока,— пишет В. Фере. — Она бытует у таджиков и узбеков, азербайджанцев и туркмен, турок и персов, афганцев и индусов, арабских и других народов. Имена Лейли и Меджнуна, как символы нерушимой любви, стоящей выше всех сословных и иных предрассудков, готовой идти на любые жертвы, предпочитающей смерть разлуке,— столь же всемирно известны, как имена Ромео и Джульетты, Тристана и Изольды, Тахира и Зухры, Наля и Дамаянты³.

Другой балет С. Баласаняна — «Шакунтала», поставленный в 1963 году в Риге на сцене Государственного академического театра оперы и балета Латвийской ССР, создан на основе одноименной драмы великого писателя Индии Калидасы (либретто Б. Зданевича), рассказывающей печальную и драматическую историю любви девушки из народа — Шакунтала и юного царя Душианте.

1500 лет со дня рождения Калидасы в 1957 году отмечало все прогрессивное человечество. «Калидаса по праву занял место в той блестящей плеяде, где каждое имя воплощает целый период в развитии человеческого духа»,— писал Джавахарлал Неру в своей книге «Открытие Индии».

Премьера «Шакунтала» прошла с громадным успехом. Причина этого заключалась, конечно, в высоких

¹ 2-я редакция балета в 1964 г.

² Дирижер А. Жюрайтис, балетмейстер К. Голейзовский, художник Г. Епишян.

³ В. Фере. Цит. статья, стр. 62.

идейно-художественных достоинствах балета С. Баласаняна. Спектакль этот символизировал собою дружбу и творческое сотрудничество народов Советского Союза и Индии. В постановке этой принимали участие балетмейстер Е. Тангиева-Бирзинек, лауреаты Всеиндийского конкурса танцев Майя Рао и Шива Шинкар, дирижер Е. Хункен и художник Э. Вардаунис. В 1970 году за балет «Шакунтала» С. Баласанян был удостоен правительством Индии высшей награды — премии имени Джавахарлала Неру.

Балеты С. Баласаняна различны по сюжету, национальному колориту, локальным краскам (один — таджикский, другой — индийский). Вместе с тем их роднит самое главное: гуманистическая идея, принципы драматургии, авторское понимание эстетики и этики балетного искусства.

Великая сила возвышенной и прекрасной любви, преодолевающей любые испытания, — вот основная идея этих балетов; все же остальное подчинено ей, служит ее более полному раскрытию.

Соответственно и жанр балетов мыслится автором как романтическая музыкально-хореографическая поэма. В их сюжетах важнейшую роль играют судьбы героев, поэтизация любви, страданий и борьбы, возвышенные чувства, глубокие переживания. Отсюда такая лирическая наполненность, отсюда же, в частности, такое большое место в музыкально-сценическом действии балетов выразительнейших адачио-монологов, диалогов.

В формировании творческих принципов и мастерства Баласаняна, как автора балетов, решающую роль сыграли балеты Чайковского, Глазунова, Стравинского, а из советских композиторов — Хачатуриана и, главным образом, Прокофьева. «Особенно близки мне принципы балетного творчества Прокофьева, — подчеркивает С. Баласанян. — Оно по-настоящему прекрасно, возвыщенно, драматично и театрально в самом высоком смысле этого слова. Оно всегда несет в себе глубокое этическое начало. Прокофьевское мастерство выразительных и точных характеристик, умение сочетать быструю, почти кинематографическую смену событий со сквозным симфоническим развитием — замечательная школа для каждого, берущегося писать балетную музыку».

Но, утверждая тему любви как главную, Баласанян трактует ее не отвлеченно, а в жизненно-конкретных проявлениях. Судьбы героев неотрывны от жизни общества, от социальных противоречий эпохи. И здесь композитор предстает не только как тонкий психолог, но и как мастер бытописания, яркого и колоритного. В музыке, в танцах, в массовых сценах, пантомимах, симфонических эпизодах оживают картины жизни Древнего Востока (Индии и Таджикистана) с ее разительными контрастами: роскошный дворец царя Индии Душианте и скромная лесная обитель отщельников, богатые покой хана Бахтиара и многолюдный шумный базар, красочные народные празднества. Перед зрителем проходят крестьяне, охотники, ремесленники, воины, придворные, отщельники, невольницы и т. д.

Очень поэтичны музыкальные пейзажи безмолвной пустыни, древних караванных троп, сказочного леса (где впервые встречаются Шакунтала и Душиант).

Здесь проявляется неисчерпаемая фантазия, изобретательность С. Баласаняна — мастера оркестровых красок, композитора, умеющего чутким слухом уловить и передать в своей музыке «многозвучную жизнь» общества, гул толпы, тишину или грозу в природе. Подобных примеров великое множество в партитурах балетов «Лейли и Меджнун» и «Шакунтала».

Но главная, сквозная линия в музыкально-сценической драматургии балетов — это линия лирическая, лирико-философская, получающая свое раскрытие прежде всего во взаимодействии главных героев и как своеобразный «рефрен», связывающий воедино все богатство сюжетных, драматических положений и образных характеристик. Как уже говорилось, лирическими, лирико-драматическими центрами, «нервными узлами» в музыкальной драматургии балетов являются адажио. Вспомним хотя бы поэтичнейшие адажио Лейли и Меджнуна в I-ом акте (первая их встреча), во II-ом акте (в грезах Лейли встает образ Кейса), в III-ем (последняя встреча и смерть влюбленных), или полные глубокого чувства адажио Шакунтала и Душиант в I акте (зарождение любви), во II-ом акте (Душиант забывает Шакунтalu) и в III-ем (Душиант вновь находит Шакунтalu).

Тщательная филигранная отделка каждого фрагмента, музыкального номера напоминает искусство миниатюры замечательных восточных живописцев, где восхищает своей прелестью любая деталь рисунка, и это сочетается в произведениях С. Баласаняна с прекрасным ощущением целого, когда все соотнесено друг к другу и служит раскрытию большого и значительного замысла. И здесь возникает сравнение, например, с бесподобным ковровым искусством Востока. Постепенно разворачиваемый большой ковер изумляет каждой деталью, сочетанием и игрой красок, неповторимо причудливым орнаментом. Когда же весь ковер, законец, развернут и лежит во всей своей красе — смешаются пропорции, меняются масштабы, поражает гармония целого.

Следуя традициям прежде всего Чайковского, а также опыту крупнейших советских композиторов, С. Баласанян трактует балетную музыку как активно симфонизированную, драматургически целенаправленную. Отдельные музыкально-хореографические «номера», картины, сцены объединены сквозным симфоническим развитием в крупные формы, приближающиеся к формам сюит, рапсодий, рондо и т. п.

И здесь в композиции крупной формы, в развитии музыкально-сценической драматургии важнейшую роль играет принцип контраста. Вот несколько примеров этому.

I акт балета «Лейли и Меджнун». Большая красочная массовая сцена: площадь восточного города. Совершается утренний намаз, появляются торговцы, покупатели; невольницы, продаваемые как «живой товар», танцуют перед покупателями; сопутствующий телохранителями, рабами, священнослужителями въезжают могущественный Бахтиар-хан с дочерью Лейли и богатым, знатным Ибн-Саломом. Какое изобилие красок в музыке, сценическом действии, танцах! Но есть здесь истинный внутренний контраст: всей этой пестрой, шумной массовой сцене противостоит упомянувшееся выше вдохновенное лирическое адалио первой встречи Лейли и Кейса. Перед вспыхнувшим, всепоглощающим чувством любви словно исчезает все окружающее. Возникают два резко контрастирующих пласта — внешний и внутренний.

То же во втором акте. Свадебное торжество по поводу предстоящего бракосочетания Лейли с нелюбимым ею Ибн-

Саломом. Яростная пляска воинов сменяется танцем га-ремных танцовщиц, а танец «чалма» — пляской «келтак-базы». Все призвано развлечь Лейли, заставить ее забыть Кейса. А далее сцена появления Кейса, его просьба отдать ему в жены Лейли, гнев разъяренного Ибн-Салома; приказ Бахтиар-хана Кейсу удалиться; преследование последнего воинами Ибн-Салома; попытка Ибн-Салома силой овладеть Лейли. Лейли обнажает заветный кинжал, подаренный ей Кейсом. И как завершение всего акта — опять лирико-психологическое адахио (силы покидают Лейли. В своих мыслях Лейли видит Кейса, говорит ему о своей любви).

Контрастны друг другу различные картины III-го акта. I-ая — монолог, где лишь один несчастный Кейс в ночной тишине и безмолвии пустыни; и полные драматизма батальные сцены столкновения воинов Новфали и Ибн-Салома в другой картине.

Этот же принцип контраста, многоплановости музыкально-сценической драматургии лежит и в основе балета «Шакунтала».

Большую роль в сквозном музыкально-сценическом действии балетов играют очень выразительные лейтмотивы, лейттемы. Характеризуя отдельных героев, их внешний и внутренний облик, мысли и чувства, эти лейтмотивы проводят словно невидимые нити связи, ассоциации между различными сторонами содержания, действия, порождая раскрывают психологический подтекст. В зависимости от хода событий и развития драмы они претерпевают самые различные образно-интонационные изменения, модификации.

Среди многочисленных лейтмотивных образований особенно выделяются восторженная и одновременно печальная тема любви Лейли и Меджнуна:

Adagio
cl.
29

и светлая страстная тема любви Шакунталы и Душианте:
108

Интересно прослеживается, например, эволюция лейт-темы Лейлы в цитированной выше статье В. Фере. Говоря о «первом появлении темы» и ее «окружении», автор подчеркивает черты грации, изящества, спокойствия, проявляемые как в интонационном рисунке, в мягких опевающих подголосках, так и во всем оркестровом колорите («безмятежный тембр флейты, высокий регистр засурдиненных струнных и нежные звуки арфы и челесты, на фоне которых как бы «парит» тема Лейли»).

Sostenuto J=54

В момент встречи Лейли с Кейсом (встречи, прерванной ее отцом и Ибн-Саломом) «тема стала более порывистой —

ровные четверти превратились в звуки разной длительности, спокойная триоль — в восьмушку с точкой и две тридцать вторых; из высокого регистра она переместилась далеко вниз, жалобный тембр английского рожка подчеркивает тоску Лейли. Средние голоса — klarнеты в предельно низком регистре вместе с альтами tremolo и глубокий бас виолончелей и контрабасов, стущенные, остро звучащие гармонии — все способствует изменению колорита».

Далее приводится пример гордого вызывающего звучания темы (в увеличении), проводимой трубами, когда Лейли, верная своему чувству к Кейсу, находит душевые силы смело отвергнуть Ибн-Салома. Препятствия встают непреодолимой стеной на пути любви Лейли и Кейса. «Лейли как бы оцепенела в отчаянии. Тема ее, хотя и пианиссимо, звучит с большим напряжением и экспрессией (в унисон) у скрипок и альтов. Выражению боли и скорби придают особую силу резкие, жесткие, временами нарочито «не совпадающие с мелодией и вместе с тем как бы застывшие аккорды засурдиненных валторн». И, наконец, бесконечно нежное и вместе с тем печальное, трагическое звучание темы Лейли в последней картине.

В. Фере метко прослеживает черты близости, взаимопроникновения и даже известной интонационной схожести лейттем Лейли и Кейса, а Н. Шахназарова и Г. Головинский, основываясь на этой близости, пишут об общей теме любви, теме, широко используемой в музыке балета. Резко отличен от темы Лейли и Меджнуня лейтмотив Ибн-Салома с его острым ритмом, угловатым интонационным рисунком, тональной неопределенностью.

Вершиной музыки всего балета В.Фере справедливо считает заключительную сцену. «В музыке этой сцены,— пишет он,— нет ни надрыва, ни сентиментальности. Но зато сколько в ней подлинной поэтичности, просветленности, внутренней теплоты. Строгая и величавая тема развивается постепенно до огромной кульминации и затем спадает, затихает... Большая мудрость заключается в этой оптимистической концовке: любовь сильнее смерти!»

Также интересно проследить развитие лейтмотивов, лейттем и в балете «Шакунтала». Кроме упоминавшейся выше лейттемы любви, в музыкальной драматургии балета большую роль играют тема «обители», в которой использована подлинная индийская свадебная песня:

и полная мужественной силы, молодой энергии, порывистости тема царя Душианты, и мотивы гневного мудреца Дурваса и, главным образом, самой Шакунталы. Образ Шакунтала обрисован несколькими темами, получающими большое развитие. Передавая душевную драму Шакунтала, тончайшие нюансы ее переживаний, раскрывая ее образ в интонационном становлении, композитор с большим мастерством и психологической чуткостью применяет самые различные приемы ладового, гармонического, ритмического, тембрового «перекрашивания» тем. Приведем лишь два примера из тематизма Шакунтала. Одна тема — светлая, страстная, полная грации и изящества (первая встреча Шакунтала и Душианты):

Moderato poco sostenuto

poco espressivo

другая передает смятение, тягостные предчувствия ге-

роини (оркестровое вступление ко II акту), вызванные проклятием Дурваса.

[Moderato poco sostenuto]

При всем богатстве и многообразии музыкально-тематического материала в партитурах С. Баласаняна легко заметить глубокие внутритематические связи, большое интонационное единство и даже черты монотематизма, столь характерные для программных симфонических поэм, а в данном случае для хорео-симфонической поэмы. Несколько важнейших по своему образному значению интонаций, варьируясь, изменяясь, развиваясь пронизывают собою всю партитуру. Музыка балетов С. Баласаняна очень поэтична и по-настоящему вдохновенна. Ее отличает щедрость мелоса, красочность гармонического и оркестрового языка, богатство ритма, свобода многопластового полипмелодического развития.

«Партитура С. А. Баласаняна,— писал В. Виноградов о музыке балета «Шакунтала»,— пышна, роскошна, тонка, интимна, жанрово-выразительна, одним словом, очень разнообразна, но всегда обнаруживает тонкий вкус, мастерство, щедрую фантазию автора»¹.

¹ В. Виноградов. «Шакунтала», «Советская музыка», 1964, № 4.

В балетах «Лейли и Меджнун» и «Шакунтала» Баласанян как бы обобщил свою многолетнюю работу по изучению и творческому воссозданию музыки различных народов Востока. Умело и с большим художественным тактом использовал он различные жанры, ладо-интонационные, ритмические особенности, приемы орнаментики, типичные для музыки Индии, Таджикистана, некоторые подлинные народные мелодии, импровизационно-речитативные приемы, характерные для индийских раги, своеобразный тембральный колорит восточных музыкальных инструментов.

Здесь и типичные мотивные обороты, и своеобразные лады, и характерная ритмика. Проявляя «чуткий слух» к ладовому колориту, композитор широко использует народные лады — миксолидийский, фригийский, лидийский, дорийский; минорные лады с высокой VI и низкой II ступенями, с высокими IV и VII ступенями, мажорные лады с низкими II и VI ступенями, с низкой VII ступенью, цепной и дважды цепной лад, а иногда и приемы полиладового письма.

Очень органично претворяет С. Баласанян в своей музыке богатейшую в своем разнообразии ритмику музыки Таджикистана и Индии. Особенно часто встречаются у него многообразные виды трех-, шести- и семидольных размеров с различным внутренним членением, смешанные ритмы, полиритмия и разнообразные остинатные формы.

Отличными примерами этому могут служить хотя бы «Шествие», «Танец юношей», «Танец девушки» из балета «Лейли и Меджнун», «Выход царской свиты», «Танец мужчин» и «Танец охотников» из балета «Шакунтала».

В основу танца охотников положена «бенгальская народная песня, живая, задорно-шаловливая, перенесенная в партитуру лишь с незначительными мелодико-ритмическими изменениями. Композитор строит на этой мелодии динамичную, исполненную буйной, кипучей энергии массовую сцену, причем сопровождение выступает здесь ничуть не менее важным компонентом художественного целого».¹

Вспоминая о пребывании в Индии и свои впечатления об индийской музыке, С. Баласанян писал: «Мы сегодня

¹ Н. Шахназарова и Г. Голоминский. С. Баласанян. М. 1972. стр. 138.

восхищаемся звучанием национальных инструментов, нас завораживает оригинальнейшая метро-ритмика музыки Индии... Мы, слушая ragi, постигаем гений народа, создавшего великолепные памятники культуры и непреходящие духовные ценности»¹.

Партитуры балетов С. Баласаняна изобилуют утонченной орнаментирующей мелизматикой, восходящей к авджи, народным формам дутзов — лакаты, двухчастным песням и танцам — уфар и т. п. Интересные наблюдения над композиционными, ладо-интонационными, метроритмическими особенностями музыки Баласаняна содержатся в упоминавшейся ранее книге Н. Шахназаровой и Г. Головинского «С. Баласанян». В частности авторы справедливо отмечают и органичную связь музыкального языка композитора с народно-национальными истоками музыки Востока, и творчески активное их претворение и развитие. Кстати упоминаются и подлинные образцы таджикских и индийских народных мелодий, использованных в музыке балетов «Лейли и Меджнун» и «Шакунтала». В книге имеются и ценные замечания по поводу мелодики и тематизма в музыке Баласаняна. Особенно это касается примеров «прорастания» из единого интонационного зерна многообразных мелодико-тематических образований, а также самых различных видоизменений лейтмотивов.

Примечательны также наблюдения Н. Шахназаровой и Г. Головинского, свидетельствующие о том, что С. Баласанян «обнажает известную общность, действительно присущую некоторым жанрам народной музыки Индии и Армении». Как пример приводится использованная в балете «Шакунтала» мелодия индийской народной песни «Пардж», повествующей о трагической любви. «Отдельные интонационные обороты мелодии,— пишут авторы,— вызывают ассоциации с армянской народной музыкой, в частности, с ашугскими импровизациями...»².

Как уже говорилось, биография Баласаняна сложилась так, что он был в постоянном общении с жизнью и культурой многих стран Востока. Юные годы, проведен-

¹ «Советская музыка», М., 1972, № 6.

² Цит. книга, стр. 139.

ные в Туркмении, Грузии, творческая связь с Арменией и Таджикистаном, неоднократные поездки в Индию...

Кроме названных балетов он создал множество других произведений на восточную тематику: «Остров Индонезии», «Афганские картинки», «Афганская сюита», «Рапсодия на темы песен Рабиндраната Тагора», обработки народных песен Индии, Африки, вокальные циклы на слова камерунского поэта Эзолонга Эспанья Иондо и др.

Вдумчивый и тонкий музыкант, С. А. Баласанян не только изучил, но буквально сжился с музыкой этих народов.

Трудно переоценить тот вклад, который внес С. Баласанян в музыкальную культуру народов Востока. И это не раз отмечалось в печати.

Но через все творчество композитора проходит бережно лелеемая им тема Армении. Его перу принадлежат интереснейшие обработки песен Комитаса, Саят-Новы для голоса с оркестром, ряд романсов на тексты В. Теряна, А. Исаакяна, «Армянская рапсодия» и «Семь армянских песен» для симфонического оркестра, шесть пьес для скрипки, фортепиано (обработка песен из «Этнографического сборника «Комитас») и другие. Написанные с большим вкусом и мастерством, с тонким ощущением духа, характера, интонационной природы армянской музыки и поэзии, эти произведения С. Баласаняна по праву могут быть отнесены к числу лучших в армянской музыке.

В сороковые годы С. Баласанян приступил к работе над оперой о Советской Армении, о возвращении на родину армян-репатриантов (по либретто Шайбона). Далее следовали замыслы опер и балетов о Саят-Нове, Ара Прекрасном. Рассказывая о своих дальнейших творческих планах, композитор говорит: «Надеюсь осуществить мечту всей моей жизни — написать балет или оперу на армянскую тему».

Осенью 1973 г. на сцене Ереванского театра оперы и балета была осуществлена в новой интересной хореографической редакции постановка балета С. Баласаняна «Лейли и Меджнун». Спектакль прошел с громадным успехом.¹ Хочется пожелать, чтобы армянскому зрителю были пока-

¹ Балетмейстер А. Асатрян, дирижер Ю. Давтян, художник С. Арутчян.

заны и другие музыкально-сценические сочинения композитора и прежде всего его балет «Шакунтала».

Многие годы С. Баласянин живет в Москве, является профессором Московской консерватории, ведет большую работу в Союзе композиторов РСФСР. Но и здесь, неизменно, Армения, Восток остаются в центре его творческих интересов.

Главу о С. Баласянине хочется завершить словами не раз цитируемого видного советского композитора В. Фере:

«В музыке С. Баласянина есть блеск и роскошь оркестровых красок, разнообразие звучностей, сказочная фееричность в распределении света и теней. Композитор предстает здесь как умный и тонкий мастер, обладающий неистощимой изобретательностью».¹

---

¹ В. Фере. Цит. статья, стр. 70.

ГЛАВА V

ЛЕГЕНДА О ШАМИРАМ

(Григорий Егиазарян и его балет «Ара Прекрасный и Семирамида»)

Свое особое и очень значимое место в армянском советском музыкальном театре занимают балеты Григория Ильича Егиазаряна. Талантливый и чрезвычайно самобытный композитор, видный музыкально-общественный деятель, педагог, воспитавший множество молодых музыкантов и создавший свое направление в армянской музыке, Гр. Егиазарян является одним из ведущих композиторов старшего поколения. Его произведения— песни и камерно-инструментальные пьесы, театральная и кино-музыка, особенно симфонические и музыкально-сценические сочинения (симфоническая поэма «Армения», симфония «Раздан», скрипичный концерт, симфоническая картина «Восход солнца», балеты «Севан», «Озеро грез»)—по праву вошли в «золотой фонд» армянской музыки и пользуются любовью слушателей.

Жизненная судьба Гр. Егиазаряна сложилась драматично. Родился он в 1908 году в селе Блур Сурмалинского уезда (Западная Армения), в крестьянской семье. Быт, нравы простых людей, прекрасная природа воспитали в будущем музыканте уже в те юные годы не только любовь к жизни, восторженное преклонение перед нею, но и умение чутко воспринимать ее в красках, звуках. Здесь же он начал постигать богатейший мир армянской народной музыки, ставшей для него впоследствии неисчерпаемым источником вдохновения.

Но не только это. Уже в те юные годы Гр. Егиазарян столкнулся с самыми страшными сторонами жизни. Он оказался свидетелем, более того, непосредственной жертвой трагедии, постигшей народ в годы первой мировой войны. Спасаясь от преследования турецких войск, тысячи армянских семей покидали свои насиженные места и устремлялись в Восточную Армению. На пути беженцев ожидали болезни, голод, смерть, жестокая расправа захватчиков. В это жуткое время погибла вся семья Гр. Егиазаряна. Лишь он один выжил, навсегда сохранив тяжелые воспоминания об этих страшных годах.

Наступил резкий перелом в судьбе юноши. Ему удалось добраться до Восточной Армении, где в ожесточенных революционных боях рождалась новая жизнь. Гр. Егиазарян был зачислен музыкантом-трубачем в полковой оркестр знаменитой Одиннадцатой Красной Армии (той самой, во главе которой стояли С. Орджоникидзе и С. Киров). Перед юношей раскрылись совершенно иные стороны жизни, новые человеческие отношения, идеалы, полные революционной романтики.¹

Далее — годы учения в Москве, завершившиеся окончанием композиторского отделения Московской консерватории по классу выдающегося мастера Н. Я. Мясковского. Поистине разительные контрасты сопутствовали юному музыканту еще на пороге его жизни.

В Москве молодой композитор постигает основы подлинного композиторского мастерства.

В 1936 году Гр. Егиазарян возвращается в Армению. Здесь развертывается его разносторонняя деятельность — педагогическая, общественная, композиторская. Сейчас он — профессор Ереванской консерватории имени Комитаса, где ведет класс композиции, является членом Правления Союза композиторов СССР и Армянской ССР. За большие заслуги в развитии музыкальной культуры республики он удостоен звания народного артиста Армянской ССР. Так простой крестьянский мальчик из села Блур стал известным деятелем советской музыкальной культуры.

Основная тема всего творчества Гр. Егиазаряна — Армения, ее прошлое и настоящее, жизнь, труд, героическая борьба народа, величественная и прекрасная природа.

¹ Подробно о жизни Г. И. Егиазаряна см. в книге К. Худабашян, «Григорий Ильич Егиазарян», Ереван, 1966 (на арм. яз.).

Диапазон творчества Гр. Егиазаряна достаточно широк; это и эпико-героические повествования, и сочные жанровые, пейзажные зарисовки, и восторженная опоэтизированная лирика. Но, пожалуй, больше всего удаются ему яркие красочные, словно выхваченные из самой жизни картины народных празднеств, ществий, трудовых процессов, насыщенные воздухом пейзажи, своеобразный музыкальный *plain air*. Музыка Гр. Егиазаряна отличается большой красочностью, свежестью гармонических и оркестровых средств, богатством и разнообразием ладоинтонаций, ритма. Часто, слушая ее, возникают ассоциации с музыкой Дебюсси, Равеля. Если же говорить о традициях армянской классической музыки, получающих дальнейшее развитие в творчестве Гр. Егиазаряна, то здесь следует прежде всего назвать традиции Комитаса и А. Спендиарова, конечно претворенных очень по-своему и по-новому.

Для музыки Гр. Егиазаряна характерны большая об разная конкретность, «эримость» и своеобразная театральность, что, несомненно, сказалось на пристрастии композитора к музыкально-сценическому жанру, к музыке для драматического театра и кино. Им сделано музыкальное оформление спектаклей «Венецианский купец» Шекспира, «1905 год» Д. Джабарлы, «Геворк Марзпетунис» Мурашана, «Ара Прекрасный» Н. Заряна, «Дядя Багдасар» А. Пароняна; написаны музыкальные комедии «Льстец» по А. Пароняну и «Новый Диоген» по Г. Сундукияну.

Первый балет композитора —«Севан» (1956 г.) был написан на современную тему. Он рассказывал о жизни и борьбе советской молодежи, затрагивал вопросы нравственности, морали, дружбы, любви, долга. Балет содержал картины нового быта, труда, природы, выразительные характеристики действующих лиц.

Свежо звучащая, колоритная музыка балета подкупала своим лиризмом, поэтичностью, органичной связью с армянским народным творчеством. Многие номера балета и прежде всего прелестный групповой танец девушек, созданный на основе народной лирической песни «Нубар, Нубар», красочное «Ществие» (именно оно заставляет вспомнить по богатству колорита некоторые произведения Дебюсси, Равеля), а также выразительные лирические-адажио и драматически напряженная симфоническая картина («Прорыв плотины») вошли в число лучших произве-

дений армянской музыки. Хочется напомнить приводимые ранее слова прославленной советской балерины Галины Улановой: «Мы радовались тому, что этот спектакль — свидетельство неустанных поисков решения новой темы в балетном жанре, что перед нами один из этапов интереснейшей работы по созданию хореографического спектакля, терои которого наши современники с их чувствами, с радостями и печалями «сегодняшнего дня»¹.

Наряду с этим в печати отмечались и некоторые недостатки балета, касавшиеся в основном его либретто, но сказавшиеся в какой-то мере и на его музыкально-хореографической драматургии.

В 1968 году Ереванский театр оперы и балета показал балет Гр. Егиазаряна «Озеро грез» (либретто М. Мнациканяна)², в котором частично использованы некоторые сюжетные положения, а также и отдельные лучшие музыкальные номера из «Севана». Среди них и «Нубар, Нубар», и «Вечерний танец», и «Танец рыбаков» (сейчас названный просто мужской танец), и пастушеский танец. Впрочем либретто балета «Озеро грез» совершенно новое. Написаны и новые музыкальные эпизоды. Здесь прежде всего отметим полный динамики, энергии и напора молодежный «Танец труда». Резко синкопированный ритм, постоянная смена акцентов-упоров то на одной, то на другой доле такта насыщают этот танец какой-то особой силой и молодым задором. Очень современно звучащий, он интонационно восходит к исконно армянским древним плясам мужественности.

В балете «Озеро грез», как и в «Севане», повествуется о жизни сегодняшней молодежи в одном из колхозов Армении. Так же, как и в «Севане», в музыке нового балета много света, жизни, лиризма; своеобразное преломление нашли в ней мотивы, интонационные обороты армянской народной музыки.

Еще создавая свой первый балет «Севан», Гр. Егиазарян проявил стремление сблизить две сферы своего творчества — танцевальную и симфоническую; склонность к танце-

¹ Г. Уланова. Театр решает новую тему. «Советская культура», 1956, № 16.

² Дирижер А. Катаян, балетмейстер М. Мартиросян, художник Р. Налбандян.

вальным ритмам, пластике движения с отличным чувством оркестрового колорита и тяготением к развернутым симфонизированным формам. Так, наряду с отдельными замкнутыми танцевальными номерами в балете была развернутая симфоническая картина («Прорыв плотины»), а также использована музыка из его симфонической картины «Восход солнца». Кроме того в отдельных номерах проявлялось и стремление симфонизировать самый танец. И все же эти две сферы чаще существовали параллельно, чем органично спаянными.

В «Озере грез» тенденция насыщения музыки балета симфоническими эпизодами, картинами проявляется еще интенсивнее. Кроме уже упоминавшихся симфонических картин — «Восход солнца» и «Прорыв плотины» — здесь включена еще, довольно уместно, прекрасная музыка из симфонической поэмы «Армения» Гр. Егиазаряна. Это сочинение, созданное, как уже говорилось, в годы войны и по праву вошедшее в число лучших произведений армянской музыки, проникнуто удивительной поэтичностью, драматизмом и героикой. Очень органично войдя в музыку балета (в начале и в конце — в апофеозе), симфоническая поэма «Армения» как бы слилась с нею, усилила ее симфоничность, масштабность, придала завершенность ее форме.

Сам композитор назвал балет «Озеро грез» — романтической поэмой о нашей молодежи. Танцевальные номера балета занимают место своеобразных интерлюдий в общем симфоническом развитии музыки.

В 1970 году в дни празднования 50-летия Советской Армении балет «Озеро грез» был удостоен Государственной премии Армянской ССР.

Еще с юных лет Гр. Егиазаряна увлекали сюжеты легенд, сказаний, романов, связанных с историческим прошлым Армении и среди них особенно об Ара Прекрасном и Шамирам (Семирамидой).

«Сюжеты, связанные с армянским царем Ара Прекрасным и ассирийской царицей Семирамидой, меня привлекали давно большим драматизмом, яркой красочностью, и, я бы сказал, «театральностью» исторических событий, могучими страстями и сильнейшими контрастами положений», — говорит Гр. Егиазарян.

И действительно, в истории древнего мира трудно найти сюжет более значительный, яркий, насыщенный эпохальными событиями, конфликтами и остройшими контрастами:

Армения и Ассирия, вольнолюбие и захватничество, верность и измена, благородство и коварство, любовь, ревность, ненависть. Все это благодарнейший материал, словно рассчитанный для сцены, в частности, для музыкально-хореографического спектакля. Кстати, если говорить о музыкальном жанре, то известно немало опер, созданных на сюжеты о Семирамиде (вспомним хотя бы известную «Семирамиду» Россини). Очень распространена легенда об Ара Прекрасном и Семирамиде в армянской культуре, начиная еще с великого историка V века Мовсеса Хоренаци и до известного советского писателя Наири Заряна. Семирамиде и Ара Прекрасному посвящали свои произведения художники (например, Вардгес Суренянц, создавший в начале XX века свою известную картину на этот сюжет), композиторы (Александр Спендиаров также работал над оперой «Шамирам») и другие.

Как уже указывалось выше, Григорий Егиазарян написал в годы Великой Отечественной войны музыку к драматическому спектаклю по пьесе Наири Заряна «Ара Прекрасный и Семирамида», поставленному на сцене Ленинаканского драматического театра.

С тех пор Гр. Егиазарян не перестает работать над монументальным, красочно-живописным историческим балетом «Ара Прекрасный и Шамирам», призванным воссоздать с позиций советского художника сложную картину взаимоотношений древней Армении с ассирийской империей.

«Для меня важно было постичь всю глубину исторической и нравственной проблематики легенды об Ара Прекрасном и Шамирам, найти то главное, что запечатлела в ней память народная, снять все случайное, внешнее. Только после этого я смог найти подход к ней, как автор музыки,— говорит Гр. Егиазарян.— Я обратился к самому патриарху нашей исторической летописи Мовсесу Хоренаци и стремился в его писаниях найти ключ к идеино-художественной концепции своего балета».

Сперва композитор работал с известным балетмейстером Л. Лавровским, столь преждевременно скончавшимся в 1967 году, затем с М. Мартиросяном и Т. Искусдаряном. Последний вариант либретто, который и лег в основу спектакля, готовящегося к постановке в театре оперы и балета им. Спендиарова, написан В. Галстяном и А. Асатряном.

«Балет должен быть овеян ароматом народного танцевального искусства,— говорит Гр. Егиазарян. — Конечно, классика — это основа, ее нельзя забывать и отрицать. Но поиски в современном балете должны происходить в сфере национального пластического искусства».

Трехактный балет «Ара Прекрасный и Шамирам» завершен. Некоторые его отрывки прозвучали в концертном исполнении в Ереване, в частности, во время VII съезда композиторов Армении в 1973 г. В ближайшее время намечена его постановка в Ереванском театре оперы и балета. Детальное знакомство с историей создания балета, с его партитурой, либретто, с интересными мыслями и намерениями автора, затрагивающими всю совокупность творческих проблем вплоть до сценического, хореографического, декоративного решения, наконец, впечатление от концертного исполнения музыки балета дают возможность уже сейчас познакомить читателя с этим произведением и высказать о нем свои некоторые предварительные суждения.

Балет «Ара Прекрасный и Шамирам» интересен не только тем, что в нем затронута бессмертная тема, воссоздающая обстановку, конфликты, характеры и страсти древнейших времен, но и тем, что он написан композитором, чрезвычайно самобытно мыслящим, обладающим своим индивидуальным почерком, высоким мастерством, обладающим способностью, углубляясь в исторические дали, сохранять чувство современности, современный «угол зрения» не только в общей трактовке темы, но и во всей своей многокрасочной «палитре» выразительных средств.

Прежде всего несколько самых общих соображений. Балет «Ара Прекрасный и Шамирам» по своему композиционному строению и характеру во многом отличен от «Озера грез» и от «Севана». Оно вызвано, конечно, различием сюжетов, а также некоторыми новыми тенденциями в трактовке балета самим композитором. Это — последовательно проявляемая склонность к крупной форме, «крупному штриху», сквозному симфоническому развитию. Танец и симфонизм здесь уже сливаются в неком органическом синтезе.

В отличие от первых балетов, где композитор избегал каких-либо лейттем, лейттонаций, здесь он создает выпуклые, рельефные, обобщенные лейтхарактеристики, лейтмотивы, лейттембы, лейтгармонии, лейтритмы глав-

ных героев, которые играют определенную роль во всей драматургии балета. Это прежде всего характеристики Ара, Нвард, Шамирам и Саргона. Причем интересно, что с этими «персональными» характеристиками возникают и более широкие обобщающие, далеко идущие ассоциации. Кстати, в представлении композитора возникают, по его словам, и соответствующие этим героям цвета: Ара — золотой, цвет солнца; Нвард — голубой, цвет неба, чистоты; Шамирам — пурпурный — цвет страсти, крови; Саргон — черный — цвет зла, коварства, смерти.

Уже в симфоническом вступлении, следя друг за другом, возникают эти лейттемы. У медных инструментов (сперва трубы и валторны, а затем тромбоны и труба) мужественно, герончно звучит лейттема Ара. Она в то же время создает ощущение эпохи, давности и значительности событий, которым предстоит развернуться в балете. Вслед за темой Ара на фоне tremolo струнных и «царапающих» аккордов арфы у деревянных духовых появляется капризный, своеенравный рисунок лейттемы властной, коварной и обольщающей Шамирам. Далее проходит на маршевом фоне лейтмотив военачальника Шамирам — Саргона — воинственно-зловещий клич трубы.

И, наконец, появляется лирически одухотворенная, мягко опеваемая сопутствующими голосами, лейттема Нвард. В дальнейшем, по мере развития действия с музыкой Ара Прекрасного и Нвард, будут связываться представления о свете, жизни, человечности, верности, правде, патриотизме.

Largo

Музыка же Шамирам и Саргона будет вносить ощущение воинственности, властолюбия, неукрощенных страстей, коварства.

Эти две интонационные сферы в своих взаимоотношениях составляют основу интонационной драматургии музыки балета.

В прологе и первой картине в развернутых массовых сценах возникает образ эпохи, даётся экспозиция Ара и Нвард.

Издали приближается возвращающееся с победой войско, предводительствуемое Ара Прекрасным. Идут воины, несут трофеи, ведут пленных, слышится гул голосов, топот ног. Восторженно встречает победителей народ. Со средоточенное *Largo* (вступление) сменяется шумным *Allegro* (оживленным маршем).

A musical score page showing two staves of music. The top staff is for the strings (Violin I, Violin II, Viola, Cello) and the bottom staff is for the bassoon. The tempo is marked 'Allegro'. The strings play a rhythmic pattern of eighth and sixteenth notes. The bassoon has sustained notes throughout the measure. There are dynamic markings: 'Grande cose sord'--' in the first measure and 'Tremolo ff' in the second measure.

На остинатных ритмических фигурах у труб звучит победная музыка. Она становится все ближе; вступают все новые голоса, группы инструментов, возникают многопластовые звуковые наслаждения. Своеобразный архангельский колорит музыке здесь придают гармонические последовательности — цепь септаккордов с увеличенными трезвучиями, а затем сочетания квартовых аккордов, непрерывно сменяющаяся ритмика, суровые, мужественные «языческие» унисоны и т. п.

Музыка этих симфонизированных вариаций доходит до большой кульминации *fff tutti*. На фоне звучания ударных и струнных (также трактуемых по «ударному») торжественно вступает лейттема Ара.

Постепенно музыка победной сцены затухает, расслаивается.

Следующая картина переносит нас в древнеармянский языческий храм. Все приглушено, окутано дымкой таинственности, высокие своды храма, светильники. И в музыке сумеречные блики струнных, словно резонирующее эхо — приглушенные фразы валторн. Интонационное «пространство» раздвинуто по крайним регистрам. Возникают задумчивые фразы (ходы квинтами) кларнета и фагота. У флейты и английского рожка слышится выразительная молитвенная мелодия. Наконец, тихо вступает женский хор молящихся за победу армянского народа, затем включаются мужские голоса. Резко контрастируют «застылая» в небольшом диапазоне и равномерном движении мелодия хора и целеустремленное в своем движении «сверх» звучание оркестра. Возникают обостряющие общее эмоциональное напряжение противодвижения, сильные подъемы звучаний к *fff*.

Резкий срыв. На фоне литавр, отбивающих сложную в своем размере ритмическую фразу, хор жрецов поет в унисон суровую мелодию, напоминающую армянские древние песнопения. Его оттеняют мягкие краски, хор девушек, и, наконец, все сливается в едином восторженном гимне (в храме стало известно о победе Ара). Нвард (по преданию дочь богини Анаид и жена Ара Прекрасного) готовится к встрече мужа. Она окружена служанками, подругами, восхваляющими ее красоту и добродетели. Радостно, весело звучит хор девушек, близкий своим ладо-интонационным складом, всем характером, типичными

припевами «Лэ, лэ, яр» армянским крестьянским лирическим песням.

В следующих картинах резко противопоставлены друг другу «мир» ассирийский и армянский. Уже в оркестровом вступлении, а затем в большой развернутой сцене во дворце у Шамирам, зритель включается в иной по сравнению с I-ми картинами круг образов, в иную интонационную сферу: пышность, роскошь, чувственность, все то, что связывается в представлении с «висящими садами Семирамиды». Героине Ара здесь противостоит воинственность; целомудренной чистоте Нвард — неукротимые страсти Шамирам. И соответственно и в музыке вместо чистой диатоники — насыщенность хроматизмами, пентатонными созвучиями, целотонными звукорядами, утонченно-чувственными интонационными скольжениями, красочной роскошью тембровых напластований в оркестре. Да и весь «Восток» здесь в музыке более условный.

На громадных подносах вносят девушек — танцовщиц. На фоне повторяющихся фраз струнных басов словно извивается скользящая, хроматизированная мелодия (дерево и струнные).

Начинается общая пляска — мужественная, воинственная (тромбоны, потом трубы). Затем прелестная музыкально-хореографическая акварель — танец рабынь и вновь общая пляска.

В это время Адад-Нирар, воин-ассириец, служащий в войсках Ара, приносит Шамирам весть о победах армян.

Резкое переключение действия. Вновь страна Наири (древнее название Армении). Народ, Нвард встречают победоносное войско Ара Прекрасного. Разомкнутое сценой во дворце Шамирам вновь продолжается действие I-ой картины. Вариации Ара Прекрасного, встреча с Нвард и ликующее завершение всей картины.

Дворец царя Ниноса — мужа Шамирам. Воинственные танцы. Воины разыгрывают сцену боя со львами. В центре Саргон. Гул разгоряченных голосов, тяжелые ходы квартами в басах (Pesante). Звучат тамтам, тарелки, большой барабан. Характерная ассирийская тема (подсказанная в свое время композитору Мушегом Агаяном) постепенно разрастается, ускоряется в своем движении, динаминизируется сменяющимися резкими акцентами, присущим флейт (piccolo), захватывает все новые голоса.

Возникает широко орнаментированное, многопластовое, густотканное оркестровое полотно.

За всем этим наблюдает погруженная в свои мечты Шамирам — небольшая интерлюдия с ажурными арпеджио арф и знойной, изысканно хроматизированной мелодией английского рожка.

Интерлюдия непосредственно подводит к одной из центральных и лучших сцен балета — танцу Шамирам. Это своеобразный музыкально-хореографический портрет красивой, нежной и неистовой, коварной и властолюбивой женщины. Звучат завораживающие фразы у деревянных и медных инструментов, мелькает лейттема Шамирам. Музыка все время очень изменчива: завораживающие, обольщающие или лирически мечтательные эпизоды сменяются воинственными кличами, исступленными порывами оргии. Это какая-то экстатическая самоотдача танцу. Внимание всех присутствующих приковано к Шамирам, захвачено ее танцем. А в это время Саргон убивает Ниноса.

В знак траура по царю Ниносу — большая ритуальная сцена «срезания волос». Огни светильников, жрецы, грандиозные фигуры идолов. На мерном ритмическом фоне (виолончели, контрабасы и арфа) ползучими терциями появляются завораживающие фразы. Они пронизывают собою все голоса оркестра. Шамирам срезают волосы. Она танцует траурный ритуальный танец, который постепенно переходит в танец-мечту об Ара. Музыка насыщается лирически экспрессивными интонациями, появляется широкая импровизационная мелодия (с характерными пентатонными оборотами и целотонными тетрахордами). Шамирам передает Агад-Нирару письмо и свои волосы для передачи Ара. И вот уже на Шамирам одеяние царицы. Она вступает на трон.

Страна Наири. Дуэт Нвард и Ара. Хор девушек восхваляет Нвард. Струнные подхватывают и развивают мелодию хора. Атмосфера душевной чистоты, целомудрия, позитивности. Звучат интонации народных девичьих лирических песен. Всей сцене присуще высокое этическое начало.

Далее следует также написанная в армянском народном духе развитая сцена «праздник граната» во дворце Ара. Появляющийся Агад-Нирар вручает Ара послание Шамирам.

Ара в тяжелом раздумье (выразительная тема у скрипок и виолончелей), ему чудится Шамирам, которая под-

Балет «Лейли и Меджнун». Ереван.

Лейли — Э. Мнацакянин, Меджнун — А. Гаспарян, Иби-Салом — О. Диваниян.

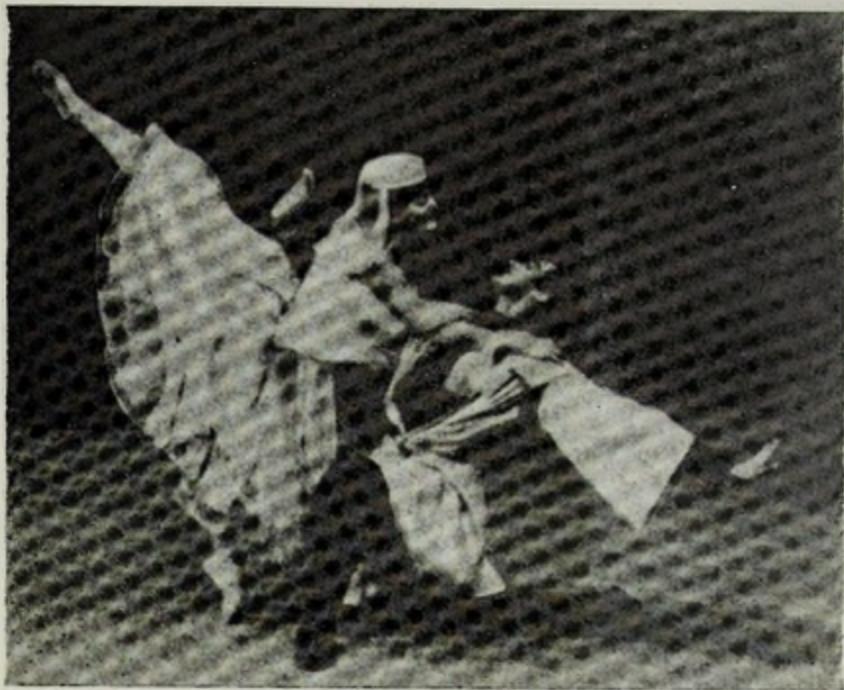
Балет «Шакунтала». Рига.
Шакунтала — В. Вилцинь, Душнайте — Г. Ритенберг.

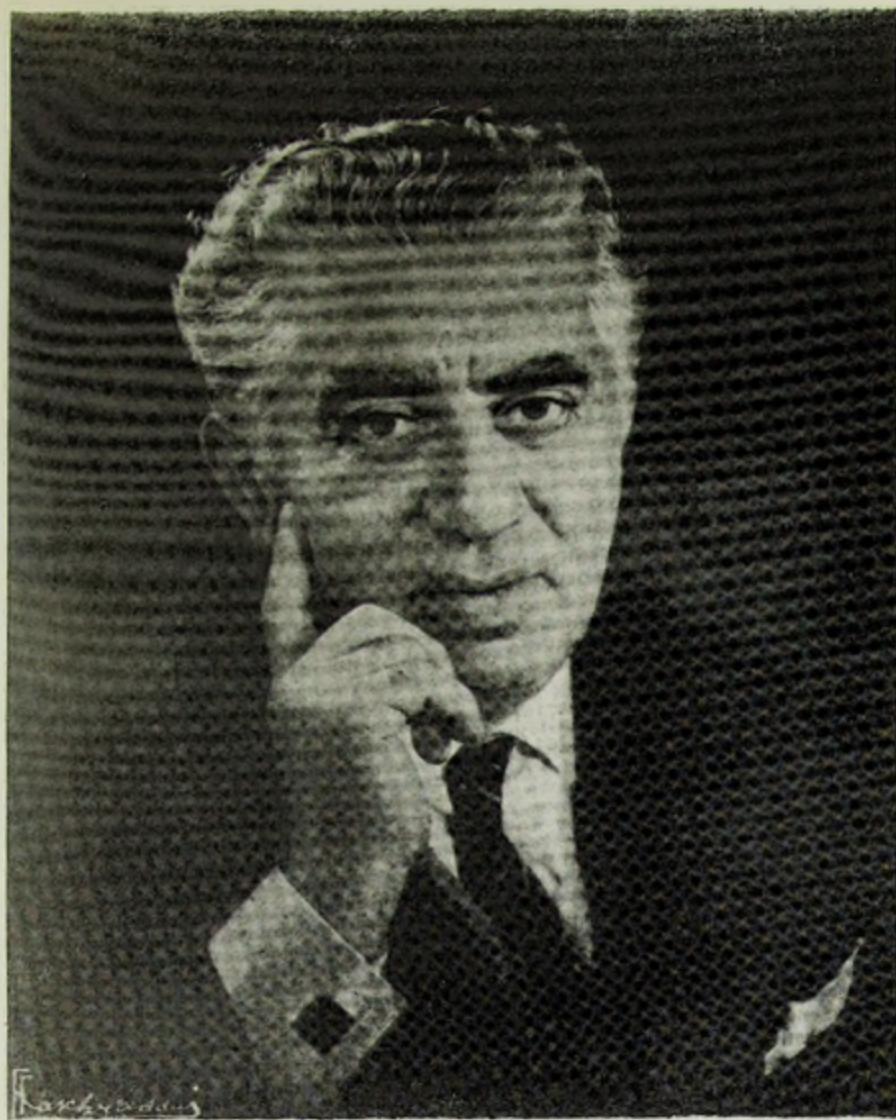
Опера «Саят-Нова». Ереван.

Балет «Гаянэ». Ереван.

Балет «Гаянэ». Лейпциг.

Арам Хачатуриан.

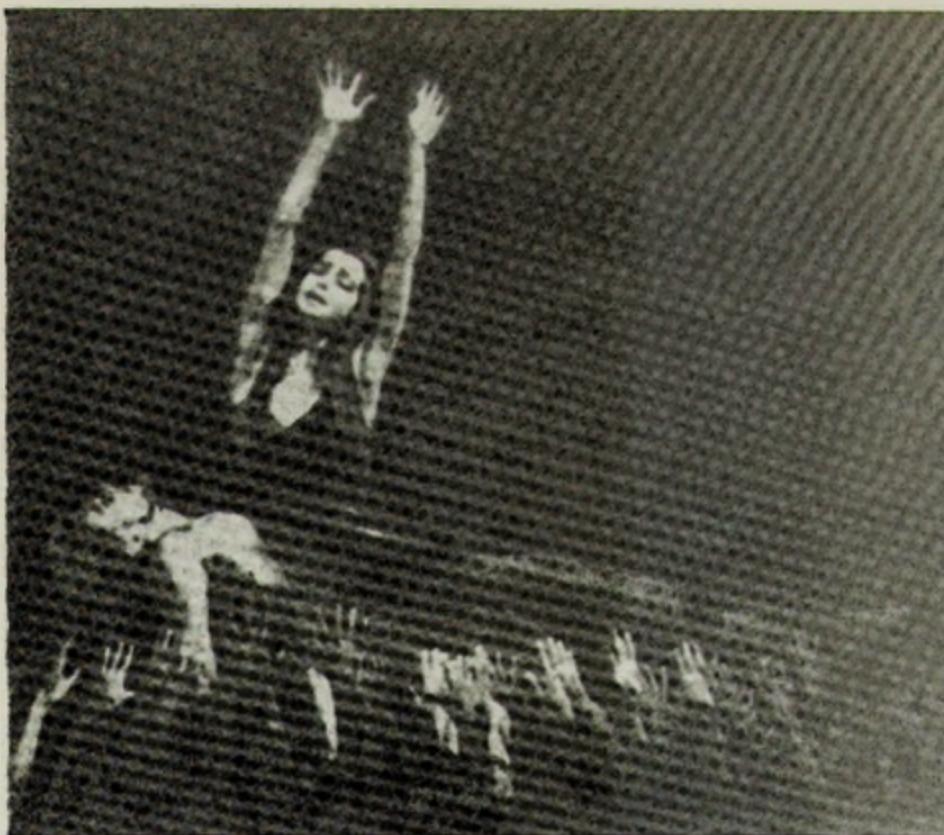

Балет «Спартак». Ереван.

Балет «Спартак».

Большой театр СССР. Красс — М. Лжепа.

Балет «Спартак». Большой театр СССР.
Финальная сцена. Спартак — В. Васильев, Фригия — Е. Макенкова

ходит к нему, извиваясь обнимает... Но когда он очнулся от этого видения — в его объятиях Нвард. Ара решительно отвергает послание Шамирам и отсылает со своим ответом к ней Адад-Нирара. Вся эта сцена — большое симфонизированное *pas de trois*, насыщенное напряженной экспрессией.

Третий акт — трагическая развязка конфликта и жизнеутверждающий финальный апофеоз.

Шамирам объявила войну Армении и приказала доставить ей в золотых сетях Ара Прекрасного. Нвард молится за успех похода Ара. Ее мольба выражена в полном глубокой печали и лиризма адажио, сопровождаемом хором девушек.

Разворачивается большая симфоническая картина битвы. В напряженном драматическом развитии сталкиваются интонации армян и ассирийцев, лейттемы Ара, Шамирам, Саргона. Это яркая многопластовая, изобилующая полифонически развитыми эпизодами, сильными контрастами, нарастаниями, кульминациями и спадами, батальная звуковая картина.

Саргон коварно, предательски подкравшись сзади, убивает Ара.

Завершающий апофеоз. Ара погиб, но остался бессмертным в памяти народа, обожествившем его, как символ верности, отваги, физической и духовной красоты.

ГЛАВА VI

ПОСВЯЩЕНИЕ ВЕЛИКОМУ АШУГУ

(Опера Александра Арутюняна «Саят-Нова»)

В июне 1969 года на сцене Ереванского государственного академического театра оперы и балета состоялась премьера новой оперы Александра Арутюняна «Саят-Нова».

Саят-Нова — гениальный армянский ашуг, поэт, певец, музыкант. Его вдохновенные стихи, песни пользуются поистине всенародной известностью и любовью во многих странах Ближнего Востока и особенно в Закавказье. Примечательно, что он писал и пел на армянском, грузинском и азербайджанском языках. Творческое наследие Саят-Новой завоевало признание во всем мире. Валерий Брюсов — один из лучших знатоков и ценителей армянской культуры — писал в своем предисловии к сборнику «Поззия Армении»: «Истинно прекрасное создали и лучшие из ашугов, среди которых первое место занимает Саят-Нова, поэт XVIII в., величественный, многообразный, по-тютчевски чуткий и, как Мицце, страстный; один из тех первоклассных поэтов, которые силой своего гения уже перестают быть достоянием отдельного народа, но становятся любимцами всего человечества»¹. В. Брюсов писал также, что Саят-Нова — «певец, вознесший поэзию ашуга на недосягаемую высоту».

Саят-Нова личность исключительно яркая, многогранная, цельная, характер глубокий и сложный. Он был пора-

¹ В. Брюсов. Поззия Армении в ее единстве на протяжении веков. Сб. «Поззия Армении», Москва, 1916.

зительно красив и своим внешним обликом вызывал в памяти вдохновенные изображения поэтов, музыкантов на древневосточных миниатюрах. Стойкая фигура, тонкие прекрасные черты лица, волнистые волосы, красивые выразительные глаза, то задумчивые, печальные, то горящие, страстные... Мягкость, нежность, поэтичность сочетались в Саят-Нове с мужеством, отвагой, чувством достоинства, непреклонностью в суждениях и действиях, а горячее сердце влюбленного ашуга — с мудростью поэта-мыслителя, правдолюбца, со смелостью и отвагой гражданина — первого сына родины.

Саят-Нова — лирик, философ, гражданин, страстный поборник дружбы и братства народов; его имя всегда связывается с представлением о гуманизме, борьбе за справедливость, любовь, свободу человеческой личности. В стихах и песнях Саят-Новы с огромной обобщающей силой запечатлен целый мир мыслей, чувств, чаяний трудового народа, его горести и радости, его протест против социального неравенства, его этические, нравственные идеалы. Вот пример художника, неразрывно связанного с народом, его мудростью и чувством прекрасного, с многовековой народной художественной традицией. В творчестве Саят-Новы народная поэзия и музыка возвысились до совершенства классических образцов. Песни, стихи Саят-Нова поражают глубиной мысли, возвышенностью чувств, совершенством художественной формы, богатством поэтического и музыкального языка.

Саят-Нова (1712—1795 гг., настоящее имя Арутюн Саядян) прожил яркую чрезвычайную интересную жизнь, насыщенную острыми драматическими событиями, полностью, до последнего дыхания отданную служению родному народу, истинному искусству. Народный поэт-певец пронес через всю свою жизнь возвышенную, чистую и преданную любовь. И ее он воспел с такой силой, нежной страстью, восторженностью и тоской, что она отзывалась в сердцах тысяч людей.

Личность, творческое наследие Саят-Новы не раз привлекали к себе внимание деятелей смежных видов искусств. К его жизненной биографии, к его песням и стихам обращались художники и скульпторы, работники театра и кино, черпая в его творчестве свое вдохновение. Известны многочисленные живописные и скульптурные портреты

Саят-Новы, изображенного в восточном костюме вместе с неизменной къяманчой. В тени деревьев в одном из скверов столицы Армении— Ереване стоит чудесный памятник-родник с рельефным скульптурным портретом ашуга (скульптор Ара Арутюнян).

Мелодии, созданные Саят-Новой, легли в основу крупных симфонических и музыкально-сценических сочинений армянских композиторов.

В 50-х годах интересное оперное либретто о Саят-Нове написал А. Адамян. Тогда же к мысли создать оперу о Саят-Нове обращался Арам Хачатуриян.

Свою творческую дань любви, уважения к памяти Саят-Новы и восхищения его произведениями отдал и композитор А. Арутюнян, создавший оперу о великом ашуге.

Народный артист СССР, талантливый композитор, видный музыкально-общественный деятель Александр Арутюнян внес значительный вклад в развитие армянской музыки нашего времени. Круг творческих интересов его широк и разнообразен. А. Арутюнян является автором многих произведений различных жанров и форм, в том числе «Кантаты о Родине», концертов для трубы с оркестром, голоса с оркестром, фортепианных пьес, хора-симфонического «Сказа об армянском народе», «Оды о Ленине», симфонии, симфониетты, «Праздничной увертюры», кино и театральной музыки и т. п. Основная тема всего творчества Арутюняна — Армения. В его произведениях— красочные картины природы, быт родной страны, композитор повествует о печальном, трагическом прошлом, о борьбе народа, горячо и страстно воспевает счастливую жизнь Советской Армении, духовную красоту нового человека. Именно это последнее составляет основной пафос творчества Арутюняна. Музыка его, при всем разнообразии оттенков, отмечена светлым восторженным лиризмом, поэтичностью, большим эмоциональным напряжением, чувством «радости бытия». Ярко-самобытная, мелодичная, выразительная, она органично связана с богатыми истоками армянского народного и ашугского искусства. Любовь Арутюняна к армянской народной музыке проявилась уже в детском возрасте. В 1927 году, когда ему было семь лет, его услышал выдающийся композитор классик армянской музыки Александр Афанасьевич Спендиаров. Мальчик исполнил свои детские сочинения. Спендиаров, оценив яркое творческое дарование мальчика,

отметил как ценнейшую особенность, которую следует всячески развивать,— близость начинающего музыканта к родной ему народной музыке. Встреча со Спендиаровым осталась навсегда в памяти А. Арутюняна, сохранившего до сих пор верность творческим заветам, принципам своего первого учителя.

Позднее, занимаясь в Ереванской государственной консерватории им. Комитаса в классе композиции у прекрасного педагога Вардеса Григорьевича Тальяна (сына известного ашуга Шерама), молодой композитор изучал различные музыкальные дисциплины, теорию композиции, все более углубляя свои познания в области армянской крестьянской, городской, ашугской музыки. В дальнейшем А. Арутюнян совершенствовался в Москве у профессора Г. И. Литинского.

В творчестве Арутюняна своеобразно претворились традиции национальной музыкальной классики и достижения новой, армянской советской композиторской школы.

Творчество Арутюняна многогранно. Некоторые его сочинения написаны в монументальных масштабах эпического искусства, другие представляют собою красочные жанровые зарисовки, третьи — стремительные, жизнерадостные скерцо. Но о чем бы ни писал композитор, на всем лежит печать искренней задушевности, лирической настройки. Конечно, прежде всего это ощущается в своеобразных лирических центрах, имеющихся в каждом его произведении. Вспомним хотя бы прекрасную колыбельную из «Кантаты о Родине», медленные разделы, побочные партии в концертах, симфонии и т. п.

Музыка А. Арутюняна оптимистична, ее образы отличаются сочностью, полнокровностью, эмоциональностью.

На страницах «Советской музыки» не раз освещалось творчество Арутюняна, давалась характеристика его различным произведениям. Еще в 1949 году в обстоятельной статье А. Шавердяна¹ содержались меткие и, в основном, верные ориентиры к пониманию и оценке творчества этого композитора. Появлялись статьи различных авторов и в последующие годы. Здесь же пойдет речь лишь об опере «Саят-Нова».

¹ А. Шавердин. А. Арутюнян и его «Кантата о Родине». «Советская музыка», 1949, № 4.

Прежде всего хочется подчеркнуть непосредственную связь оперы А. Арутюняна с предыдущими произведениями композитора. В ней легко проследить черты, идущие и от крупных хоро-симфонических сочинений композитора (в народно-хоровых сценах), и от его симфоний (в симфоническом развитии, системе лейттем), и от сольных вокальных произведений (становление вокального мелоса, напевность, кантилена). В опере вновь проявились многие привлекательные стороны творчества Арутюняна прошлых лет. И, вместе с тем, в ней можно заметить и новые черты. Музыка Арутюняна стала глубже, обобщеннее, развитие ее мыслится в более широких масштабах, а тематизм претерпевает более многообразные трансформации. Кроме того это первое музыкально-сценическое произведение автора, первая его опера. До этого А. Арутюнян всегда проявлял интерес к музыке программной, связанной с конкретным сюжетом, драматическим действием, к музыке для кино и театра.

Мысль создать оперу о Саят-Нове появилась у А. Арутюняна давно. Биография Саят-Новы, его песенное творчество представлялись композитору типическим выражением каких-то очень существенных сторон жизни Армении, национального характера, национальной художественной культуры, мыслей и чаяний народа.

«С чувством огромного волнения и трепетом, которые не оставляли меня до последнего момента, я приступил к созданию оперы о Саят-Нове. Я отлично представлял себе всю сложность и ответственность этой задачи, но ничего не мог поделать с собою,— образ Саят-Новы привлекал меня с непреодолимой силой. В создание оперы я вложил всего себя, многие годы раздумий, исканий, отчаяний и надежд... Стремясь найти интонационный язык, гармонию, приемы тематического развития наиболее соответствующие всему духу, характеру, стилю песен Саят-Новы, я перепробовал множество вариантов. Судить об опере будет народ, для которого образ Саят-Новы так же священен, как и для меня».

Либретто оперы написано Акопом Ханджяном. Оно отличается театральностью, хорошим ощущением сценарной драматургии, хотя порою однотипность сценических положений, некоторая перегрузка бытовыми деталями рождают местами известную статичность (например в I акте).

Действие оперы протекает в старом Тифлисе (в XVIII

веке), на майдане (восточном базаре), во дворце грузинского царя Ираклия II, в покоях царевны Анны, в Ахпатском монастыре. Перед зрителем проходят рыбаки, крестьяне, торговцы, ремесленники, придворные, ашуги, монахи, канатоходцы, вражеские воины — пестрый и разноцветный люд. Возникает ощущение времени, обстановки, «типических обстоятельств», в которых развивается действие, сталкиваются герои, раскрывается судьба Саят-Новы.

По замыслу композитора, опера представляет собою своеобразный триптих с условными подзаголовками: 1 акт — Саят-Нова — народ; 2-й акт — Саят-Нова — дворец; 3-й акт — Саят-Нова — Ахпат. И как рефрен, через всю оперу проходит тема прекрасной и чистой любви Саят-Новы к Анне. Именно эта сквозная сюжетная тема любви придает опере лирическую взволнованность, поэтичность, окрашивает музыку в восторженно-страстные и элегически-печальные тона.

Конечно, вряд ли можно требовать, чтобы в рамках трехактной лирико-драматической оперы было бы рассказано о всех перипетиях благородной и трагической жизни Саят-Новы, были бы раскрыты все стороны его яркой и многогранной личности. Опера имеет свои возможности, свои законы типизации. В опере «Саят-Нова» убедительно и правдиво воплощены некоторые существенные стороны жизненной судьбы Саят-Новы, его духовного мира: кровная связь с народом, протест против социального неравенства, горячий патриотизм, возвышенная любовь, верность своему чувству и призванию.

Взаимоотношения Саят-Новы и Анны, тема любви играют большую, сквозную роль в драматургии оперы. Они насыщают оперу глубокими душевными переживаниями, лирикой, романтической взволнованностью. Любовные монологи, дуэты Саят-Новы и Анны относятся к лучшим страницам оперы. Одни из них полны страстного излияния чувств, восторженных признаний, другие — мучительной тоски расставания, отчаяния.

Столкновение любви молодых людей с непреодолимым препятствием — социальным неравенством, насыщает оперу напряженным драматизмом, экспрессией, нарастающей к финалу, придает ей значение не только лирической, но и социальной драмы.

Саят-Нова в опере не только влюбленный ашуг, поэт-лирик, но и патриот, борец, человек не мыслящий себя вне

своего народа, посвятивший ему искусство, неразрывно связанный с судьбой родной страны. Никакие посулы или угрозы не способны заставить Саят-Нову изменить родной стране, своему призванию, своей любви. Таким предстает он и в I акте — в сцене состязания с прославленным персидским ашугом, и во II-ом акте — во дворце, и в финале оперы, когда перед лицом смерти он с гордостью и презрением бросает врагам: «Уйти?... Предать родину!.. Презренныe!.. Саят-Нова не изменник!..»

шади чынч
САЯТ-НОВА

Па - ри - был.
па - ри - был был был па - был был

ш.
ш. яр - на - ве был был был

ш. был был был был был был

ш. был был был был был был

Опера содержит ряд массовых хоровых сцен. Среди них хор рыбаков (в I-м акте), воплощающий силу, мужество и трудолюбие народа. Выразителен полифонический

хор народа (из того же акта), оповещающий о предстоящем выступлении Саят-Новы.

Композитор стремился найти для каждого образа свой круг интонаций. Наиболее широк он в характеристике образа Саят-Новы. Музыка, раскрывающая сложный мир переживаний ашуга, полна экспрессии, горячего чувства, эмоциональных «взлетов и падений». Ее интонационная основа — армянская народная и, главным образом, ашугская музыка.

Интонационный язык Анны мягок, нежен, лиричен, речь царя Ираклия II-го полна достоинства и выдержанности, грузинского князя — отмечена пылкостью, надменным высокомерием, няньки — задушевностью и сердечностью. В грузинских сценах (особенно во II акте) композитор чутко претворил некоторые мелодические обороты, ладо-интонации, характерные для музыки Грузии; в теме же иранского ашуга или в симфоническом эпизоде нашествия персов слышатся интонации персидских мугамов.

Музыкально-сценическая драматургия оперы «Саят-Нова» развивается на основе контрастов. Так, в I-м акте мягкие пастельные краски в изображении раннего утра пробуждающегося города сменяются сочной, пестрой картиной шумного майдана с песнями, плясками, народными загадками шута, выступлениями канатоходцев, состязанием ашугов. Пышной праздничной сцене во дворце Ираклия II-го (II акт) с грациозными танцами девушек противостоят глубокая и драматичная сцена в Ахпатском монастыре (III акт), куда уединился с сердечной мукой Саят-Нова. С большой силой передана здесь душевная драма Саят-Новы. В соответствии с драматическим содержанием в сценах Ахпатского монастыря сталкиваются в звучаниях сосредоточенно-отрешенный хор монахов (в его основу положено песнопение «Сурб, сурб»¹ из Патарака² А. Екмалия); глухие и тревожные удары церковного колокола; доносящаяся издали крестьянская трудовая песня «Оровел». В мыслях, в сердце Саят-Новы неотступно царит образ Анны, ему чудится ее голос, вновь появляются лейттемы Анны, любви, Саят-Новы.

Отчаяние («Устал я от мира этого») сменяется надеждой, радостью от встречи утреннего рассвета («Слава бо-

¹ «Снят, свят».

² Месса.

гу, начался новый день). Но вот сперва издалека, а затем все ближе и громче звучит воинственная агрессивная музыка нашествия персов (четыре трубы, вальторны в унисон и зловещее глиссандо тромбонов).

С тревогой, гневом, болью за судьбу родины, народа, Саят-Нова восклицает: «Проклятие! Опять кровь, огонь! Молитвы не спасут... Только оружие!»

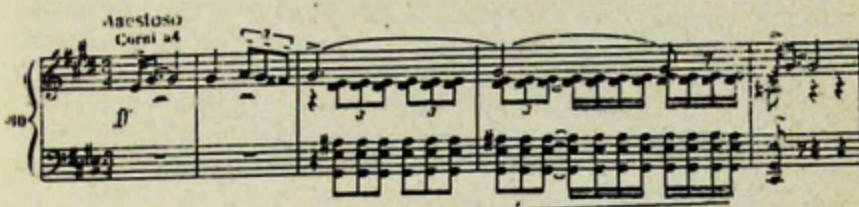
Острота основного конфликта, драматизм сценических положений сочетаются в опере с большой экспрессией в выражении чувств героев, с общей лирико-романтической настройкой.

Музыка оперы мелодична, налевна. Построенная на основе законченных номеров (песня, aria, ариозо, ансамбли и т. д.), она вместе с тем проникнута сквозным музыкально-драматургическим развитием, в котором, как увидим дальше, большую роль будут играть лейтемы, лейтмотивы. Знакомясь с партитурой оперы «Саят-Нова», оценивая по достоинству ее самобытность, присущие ей особенности авторского стиля, почерка, нельзя не заметить одновременно и ее преемственную связь с традициями национальной оперы, в основном А. Тиграняна (главным образом «Давид-бек») и А. Спендиарова («Алмас»).

С момента возникновения замысла оперы перед композитором, естественно, как одна из важных творческих проблем вставала проблема музыкального языка, отношения к песенному наследию Саят-Новы. Может, обойтись без его мелодий? Но Саят-Нову трудно представить без его исенародно любимых песен, в которых запечатлены мысли, голос сердца, муки и мечты поэта-певца. А если использовать их, то как, не искажив песен ашуга чуждыми стилистическими приемами, перевести их в новую художественную систему с иными жанровыми, драматургическими закономерностями, иными формами? Как найти соответствующие средства современного оперного искусства с его богатыми выразительными возможностями? Какими приемами вовлечь мелодии, интонации песен Саят-Новы в сквозное симфоническое развитие? Наконец, как соотнести метод песен Саят-Новы — замечательного ашуга XVIII в. со своим собственным музыкальным языком композитора XX века — нашего современника. Все эти вопросы сложные (тем более, что песенное наследие Саят-Новы уже давно стало достоянием народа, любимо им) и отнет на них

может дать лишь творческий поиск, талант, вдохновение композитора, помноженное на мастерство.

Думается, что А. Арутюнян поступил совершенно правильно, не побоявшись этих трудностей, и включил в музыку оперы мелодии ряда лучших песен Саят-Новы, насытив ими партитуру оперы. На основе их интонаций, попевок строятся развернутые музыкальные номера, их мы слышим в репликах хора, в подголосках, в симфонических эпизодах. Некоторые же песни Саят-Новы приобрели в опере значение лейттем. Это, прежде всего, мудрая и печальная песня «Дун эн глхэн» («Твой светел ум»). Отличающаяся большой экспрессией, импровизационно-распевным характером мелодии, своеобразием ладо-интонационного строения (лад с двумя увеличенными секундами).

Как известно, к песне «Дун эн глхэн» армянские композиторы обращались не раз. Вспомним хотя бы А. Спендиарова, положившего эту мелодию в основу одного из разделов своих симфонических «Эриванских этюдов», и А. Хачатуриана, использовавшего интонации этой мелодии в балете «Гаянэ» (картина «Рассвет»).

Тема эта возникает уже в увертюре оперы (сперва у пальтихи, а затем в дуэте скрипок) и сразу же с первых звуков оркестра вводит слушателя в атмосферу выразительного мелоса Саят-Новы, связывая с мыслями и настроениями ашула.

В дальнейшем тема появляется в важнейших местах оперы, в моменты драматических, эмоциональных кульминаций, там, где наиболее полно раскрывается образ Саят-Новы.

В зависимости от развития действия она звучит то восторженно-страстно, то тревожно-скорбно, то протестующе-гневно. Звучит она и в отсутствие Саят-Новы, когда народ говорит о нем, или же когда к нему мысленно обращается Анна.

Большую роль играют в опере методы (также имеющие значение лейттем) и других песен Саят-Новы — «Кяманис» («Кяманчар»), «Кани вур джани» («Пока я мыл тебе»), на которой, в частности, построен полный отчаяния его монолог во II акте, когда он сталкивается с неизбежностью разлуки с возлюбленной («Что делать мне?.. Плакать?.. Рыдать?.. Нет!..»).

В использовании мелодий Саят-Новы А. Арутюнян проявил большой художественный талант и вкус, сумел сделать их элементом своей музыкальной речи.

Приемы «вовлечения» мелодий Саят-Новы в музыку оперы очень различны, вплоть до свободного симфонизированного развития отдельных их мотивных элементов, интонаций. Иногда же композитор «ходит в тень», как бы оставляя слушателя наедине с Саят-Новой и его песнями. На такую творческую скромность «пойдет» не каждый автор, а тем более обладающий столь богатым собственным мелодическим даром, как Арутюнян. Здесь невольно вспоминаются комитасовско-спендиаровские традиции, традиции русских классиков с их любовным и уважительным отношением к народному мелосу.

Сохраняя своеобразие авторского индивидуального почерка, свои гармонии, свои приемы полифонического письма, А. Арутюнян вместе с тем сближает их с ладо-интонационными особенностями музыки Саят-Новы, с интонациями его поэтической речи, с его приемами строения строф, рифм и т. п., а по существу со всем армянским гусано-ашугским стилем. Это оказывается во многом и, в частности, в народно-ладовой основе гармонии Арутюняна, в мелодической природе гармонических связей.

«Что касается гармонии, вернее гармонического языка, применительно к мелосу Саят-Новы,— пишет А. Арутюнян,— то они самые различные: тут и принцип ладовой гармонии, и принцип энгармонизма, бесконечно меняющихся гармоний, основой которых является остинатный бас, но не в басовых регистрах, а в средних, что также характерно для инstrumentальных сопровождений песен Саят-Новы, а еще остинато в верхних регистрах».

Часто применяет композитор столь характерные для ашугского искусства свободно импровизационные построения музыкальных фраз, интонационные повторы, варьирования, ладовую переменность, типичные кадансы и т. п.

На этой основе возникает и речитативно-декламационное начало в опере.

Основоположники армянской классической музыки Ко-митас и Спендиаров не раз подчеркивали, что наибольшие возможности обработки и развития народных мелодий в крупных формах профессиональной музыки дает полифония. Позднее это утверждал и классик армянской советской музыки Арам Хачатуян. А. Арутюнян также использует приемы полифонического письма, широкой мелодизации музыкальных линий, взаимоопевания голосов, одновременного сочетания, столкновения различных музыкальных тем и т. д. Характерен в этом отношении полифонический хор народа, ансамбли, упомянутый выше финал III акта. Ясная, свободная от какой-либо «перегрузки» образная инструментовка оперы содержит в соответствии с сюжетом и замыслом места, где умело подбирая и сочетая тембры симфонического оркестра, композитор добивался эффекта звучания, напоминающего звучание народных инструментов, в частности, бессменную спутницу Саят-Новы — кьянчу.

«Мелодический дар Арутюняна неисчерпаем,— пишет С. Аксюк.— Он сам как бы становится ашугом, только ашугом высокой и современной профессиональной школы. Поэтому и песни самого Саят-Новы, представленные в опере, и реминисценции из фольклора Закавказья органично слиты с оригинальной музыкой автора и неотделимы от нее»¹.

Создавая оперу о прекрасной и печальной любви Саят-Новы, композитор сознательно избегал чрезмерно сгущенных красок, крайних обострений звучаний, словно боясь исказить благородную красоту и возвышенность образа замечательного ашуга, замутнить кристально-чистый источник его поэзии и музыки.

Ереванский театр оперы и балета имени А. Спендиарова вложил много сил и творческой заинтересованности в постановку этой оперы.

Постановщик и режиссер Р. Джербашян (консультант нар. арт. СССР Вартан Аджемян) нашел целостный стиль спектакля, интересные смысловые детали, выразительные мизансцены, убедительные характеристики героев. Хо-

¹ С. Аксюк. Поэма любви и мужества. Газ. «Советская культура» 29 ноября 1969.

чется лишь пожелать в дальнейшей работе над спектаклем преодолеть известную статичность и однотипность мизансцен в I акте и добиться большей суровости, сдержанности, внутреннего напряжения в сценическом поведении хора в финале оперы (пока что здесь много «бутафорской» суеты).

Большая работа проделана дирижером А. Катаняном, хормейстером Р. Айвазяном, балетмейстером З. Мурадяном.

Отличное впечатление оставило художественное оформление спектакля: лаконичные, легкие, выразительные декорации создал Р. Налбандян. Особенно хочется отметить декорации II акта—дворец царя Ираклия; III акта—Ахпатский монастырь. Великолепны, отмечены превосходным вкусом костюмы (Е. Донцова). Каждый из них индивидуален. В своих же сочетаниях они создают удивительно живописные сопоставления красок. Быть может, только несколько надоедает слишком часто спускаемый занавес—заставка с изображением города. Здесь следовало бы найти нечто более обобщенное, связанное с самим Саят-Новой и его поэзией.

Главную роль Саят-Новы исполнили заслуженные артисты республики В. Миракян и А. Айрян. Первый — порывистый, страстный; второй — более сдержанный, лиричный. С большим артистическим мастерством партию Анны исполнила народная артистка СССР Татевик Сазандарян, создав полный обаяния и пластической выразительности образ. Успешно выступила в этой роли также народная артистка Армянской ССР Г. Галачян, подчеркнувшая драматическую сторону образа, и молодая певица, заслуженная артистка республики Ольга Габаева, подкупившая зрителя женственностью, поэтичностью.

Саят-Нова — человек громадного обаяния, чрезвычайно разносторонний, многогранный. И не случайно каждый художник или писатель, скульптор или деятель кино, театра, стремившийся рассказать средствами своего искусства о жизни и творчестве замечательного ашуга, неминуемо отбирал и подчеркивал те стороны, которые были наиболее близки ему. А. Арутюняну оказались близкими вдохновенный лиризм, поэтичность, страсть и душевная боль поэта. И хотя, как указывалось выше, в опере есть и гражданственное начало, и народ, и социальный конфликт, но все это раскрыто, прежде всего, через призму романтического почувствования, лирики переживаний и раздумий.

Создать оперу о Саят-Нове — задача чрезвычайно сложная и ответственная. Вероятно, возможны и здесь, как и в других случаях, различные решения, различные акценты. Можно представить себе, например, оперу, где взаимоотношение Саят-Новы и народа были бы показаны более разносторонне. Можно допустить более опосредованное претворение в авторском музикальном языке мелоса Саят-Новы и т. п. Но это была бы уже другая опера! Здесь же речь идет о «Саят-Нове» Александра Арутюняна — самостоятельной художественной концепции, убеждающей и впечатляющей по-своему.

«Среди самых ярких моих музыкальных впечатлений последних лет я не могу не назвать оперу Александра Арутюняна «Саят-Нова», — говорил Д. Кабалевский. — Успех «Саят-Новы» — это успех всего нашего оперного творчества...». Кабалевский отмечал, что Арутюнян подошел к рассказу о Саят-Нове с позиций художника нашего времени, что использованные композитором песни Саят-Новы «обрели в опере новую жизнь» и ни разу не звучат как «вставные номера», нигде не выпадают «из стиля и характера, из симфонического движения всей музыки оперы, несущей на себе яркие приметы индивидуальности Арутюняна. И, вместе с тем, образ Саят-Новы нигде не растворяется в общей атмосфере оперы, в ее музыкальной ткани». Завершает свои отзывы Кабалевский словами: «Музыка оперы «Саят-Нова» написана А. Арутюняном мастерски. Она отлично звучит, всегда содержательна в своей образности и в высшей степени благородна».

В 1972 году опера «Саят-Нова» была поставлена на сцене Азербайджанского государственного театра оперы и балета им. М. Ф. Ахундова.

Опера «Саят-Нова» была удостоена Государственной премии Армянской ССР.

ГЛАВА VII

МИРОВОЕ ПРИЗНАНИЕ

(Из сценической жизни балетов А. Хачатуриана)

60-ые и первая половина 70-ых годов были ознаменованы значительным расширением географических границ и масштабов сценической жизни произведений армянского оперного и балетного искусства. Одним из самых ярких и показательных примеров этому является сценическая жизнь балетов А. Хачатуриана «Гаянэ» и «Спартак». Прочно вошедшие в репертуар множества театров в Советском Союзе и за рубежом балеты А. Хачатуриана не только завоевали мировое признание, но и вошли в классику музыкально-хореографического искусства XX века. Возникли новые сценические редакции, многие из которых осуществлялись при участии композитора, появлялись самые различные идеально-художественные толкования этих произведений, различные сюжетные трактовки и т. п.

Поэтому в дополнение к сделанному ранее во II томе этого исследования подробному музыкально-драматургическому и стилистическому анализу балетов А. Хачатуриана целесообразно и интересно сейчас, по прошествии пятнадцати лет, вновь вернуться к этим произведениям, но уже в ином плане, характеризуя некоторые наиболее интересные и значительные их постановки, в частности, удостоенную Ленинской премии постановку «Спартак», осуществленную Ю. Григоровичем в Большом театре Союза ССР.

Балеты «Гаянэ» и «Спартак»—выдающиеся творения советского музыкально-хореографического искусства, отличающиеся глубиной идеально-образного содержания, яр-

костью художественного воплощения, огромным талантом и высоким мастерством автора. В этих произведениях нашли яркое выражение две ведущие идеино-тематические линии советского балета: одна — историко-революционная, героическая («Спартак»); другая — связанная с современностью, жизнью советского общества («Гаянэ»). Как отмечалось нами ранее, в этих балетах проявились многие характерные особенности, тенденции развития, эстетические принципы советского музыкально-хореографического искусства. В свою очередь они оказали большое воздействие на развитие балетного творчества и других композиторов.

«Гаянэ» и «Спартак» с огромной силой отразили в себе важнейшие и столь различные стороны творчества Хачатуриана — лирику и эпос, героику и трагедию. Но вместе с тем и то общее, что присуще каждому его сочинению: неиссякаемый оптимизм, жизнеутверждающее начало, огромный темперамент, острое чувство современности, большую человечность, умение создавать музыку, отвечающую мудрому глинкинскому принципу «равнодоступности».

Балет «Спартак» неразрывно связан с развитием героической линии в советском искусстве. Это произведение высокой и благородной идеи, неукротимого духа борьбы за свободу против насилия, тирании, рабства. Здесь уместно напомнить слова композитора, в которых подчеркивалась мысль, что, создавая балет «Спартак», он имел в виду «связь времен», не только прошлое, но и настоящее, не только борьбу рабов, гладиаторов против деспотии древнеримской империи, но и все разрастающуюся в XX веке борьбу народов различных континентов за освобождение от гнета колониализма, имperialизма, от всех видов насилия и деспотии в наше время.

«Мне кажется,— писал А. Хачатуян,— что тема Спартака и восстания рабов в древнем Риме имеет в наше время огромное значение и большое общественное звучание. Сейчас, когда все народы борются за свою независимость, когда колониализм окончательно рушится, нужно чтобы народы знали и вспоминали имена тех, кто еще на заре человеческой истории смело поднимались против поработителей за свою свободу и независимость»¹.

¹ А. Хачатуян. Балет «Спартак». Сборник статей «Спартак», М., 1958, стр. 7.

Отюда — музыке балета абсолютно чуждо какое-либо стилизаторство; она звучит как живой голос современности, хотя и несет в себе приметы былой эпохи. В ней мы узнаем неповторимо своеобразный индивидуальный почерк Арама Хачатуряна — передового советского армянского композитора.

Музыка балета «Спартак» поражает своими грандиозными масштабами, действенной, многоплановой и целенаправленной драматургией, развернутостью форм, богатством выразительных средств. Это подлинная хорео-симфония со сквозным симфоническим развитием, разветвленной системой лейтмотивов и лейттем. Анализируя партитуру балета, нельзя не обратить внимание на яркие драматургические конфликты, антитезы, на объединение отдельных номеров, сцен, картин в монументальные композиции типа грандиозной сюиты «Пир у Красса», драматизированного рондо — сцены «В казарме», «Аппиева дорога» — и на само построение балета в целом как на своеобразно трактованную сонатную концепцию с резким противопоставлением и противоборством тем («спартий») с экспозицией, разработкой, кульминациями, репризой, эпилогом. Громадную драматургическую роль играют в нем полифония, оркестровка, ритм — сильнейший фактор формообразования и импульс динамического развития.

Создавая свой «Спартак», А. Хачатурян мыслил его не только как симфонию звуков, но и как симфонию танца; он уже представлял свою партитуру в зримых пластических, театральных образах. Понимая и принимая специфический и по-своему условный язык хореографического искусства, композитор предъявляет к нему повышенные требования, считая, что прогресс в нем возможен лишь при условии преемственной связи с классикой и обязательного постоянного обновления и расширения образного содержания, средств выразительности, лексики. Хачатурян мечтал о таком сценическом воплощении своего балета, которое наиболее соответствовало бы его композиторскому замыслу и его пониманию героического жанра в балете. Ведь по существу, если говорить откровенно, героики такого масштаба балетное искусство до хачатуряновского «Спартака» не знало. Создав широкомасштабную музыку «большого дыхания», композитор предъявляет такие же требования к мастерству и фантазии балетмейстера, к его хореографическому языку, почерку. Хачатурян не прием-

лет хореографические штампы, выхолощенные, абстрактные, «пригодные на все случаи жизни» приемы, движения, «танцовывание» каждой детали, дробность танцевальной, глянцевой композиции, скучность и стереотипность средств.

«Меня удручают бедность хореографической лексики, удручают короткометражная фантазия многих балетмейстеров», говорил Хачатуян. Как мелодия, тема, каждый интонационный оборот, включаясь в поток интенсивного симфонического развития, становится в симфонии элементом крупной формы, обогащаются и драматизируются, так и отдельный танцевальный или пантомимический номер в балете Хачатуян мыслит в контексте целого, как составную часть его в сквозном драматургическом становлении. Поэтому, кстати, трудно согласиться с существующей в некоторых наших театрах практикой произвольных купюр, перестановок и т. п.

Выше отмечались многогранность, многосторонность и вместе с тем единство идеино-образного содержания балета «Спартак», его жанровая многосоставность, органичное сочетание в нем театральности и симфонизма. Достигнуть гармонии всех этих компонентов при постановке «Спартака» — задача чрезвычайно трудная, сложная, требующая от театрального коллектива высокого мастерства и гражданского чувства, подлинного таланта и широкой культуры. В различных сценических воплощениях балета (разными театрами разными постановщиками) подчеркнуты те или иные стороны, те или иные черты его. Возникли различные сценические концепции, варианты, редакции. Музыкально-театральное произведение всегда воспринимается прежде всего и полнее всего, конечно, в сценической жизни.

Начало сценической жизни балета «Спартак» положено его первой постановкой, состоявшейся в 1957 году в Ленинграде на сцене Государственного академического театра оперы и балета имени Кирова (дирижер П. Э. Фельдт, балетмейстер — Л. В. Якобсон, художник — В. М. Ходасевич). Как уже отмечалось, эта постановка привлекла внимание своей яркой театральностью, зрелищностью, грандиозными масштабами, монументальностью. С выдумкой поставлены массовые сцены, передающие колорит эпохи: «Триумф Рима» — где перед зрителями проходят нескончаемым потоком легионеры Красса, пленные, шум-

ная пестрая толпа, а в многокрасочную картину победоносного возвращения Красса рельефно вписан выразительный центральный эпизод — к колеснице триумфатора прикованы пленные Спартак, Фригия и Гармодий. Характерны сцена «Цирк» с его азартом, жестокостью, ужасом смерти, с нарастающим потоком танцев-битв гладиаторов и красочно-декоративная, вакхическая, исполненная томности и эроса картина «Пир у Красса», а также эпизоды восстания в казарме гладиаторов и особенно стремительный бег с факелами вырвавшихся на свободу рабов.

Потрясает сцена, в которой перед Гармодием, предавшим спартаковцев, раскрывается вдали леденящая сердце картина своеобразной Голгофы — кресты с распятыми сподвижниками Спартака.

Выразительные мизансцены раскрывают взаимоотношения героев: полная поэзии и высокого этического начала сцена прощания Фригии и Спартака (*«Палатка Спартака»*) и столь отличная от нее по настроению, завораживающе-чувственная сцена обольщения Эгиной Гармодия.

С большой впечатляющей силой поставлен финал балета — сцена смерти Спартака, скорби Фригии и народа.

Замечательной находкой балетмейстера и художника явились «оживающие горельефы» (смерть раба, пир у Красса, битва воинов Спартака и Красса). Этот интереснейший прием был впоследствии перенят в некоторых последующих постановках. Одним из самых сильных мест спектакля явилась картина «Цирк», поставленная сильно, динамично, с большой экспрессией.

Большое впечатление оставили декорации и костюмы, отлично передающие «облик эпохи». В поисках новых выразительных средств, соответствующих содержанию и характеру балета об античной эпохе, балетмейстер обратился к пластике движений, жестов, танцев, запечатленных в античной вазовой живописи, напоминающих скульптуры Праксителя. Напомним в этой связи слова известной советской балерины Т. Вячесловой: «Кажется, если на мгновение остановить танец, созданный Л. Якобсоном, то из движения рождается классическая скульптура»¹.

Ярко зрелищному, декоративному стилю спектакля, названного постановщиками «Картины из жизни Рима»,

¹ Сборник «Балетмейстер Л. В. Якобсон», Л., 1957, стр. 39.

составляло и все художественное оформление, и ма-
терия исполнения партий главных героев.

Спартак в исполнении Аскольда Макарова впечатлял
скульптурной живописностью, атлетической выразитель-
ностью, монументальностью. Спартак у Б.Брегвадзе был бо-
лее порывистым, стремительным, взволнованным и страст-
ным.

С блеском выступали в роли обольстительной коварной
куртизанки Эгины А. Шелест и Л. Тимофеева. Выра-
зительно исполняли партии Гармодия С. Кузнецов,
И. Уксусников и Красса — Р. Гербек и Б. Шавров.

Правда, в свое время пресса отмечала и ряд недостат-
ков в этой первой постановке «Спартака». Это относилось
к некоторым произвольным изменениям в сюжетной ли-
пии балета, что привело местами к нарушению логики
музыкальной драматургии, к перемещению смысловых ак-
центов, к неоправданным купюрам. Снятыми оказались
столы важные для героической линии балета и очень ин-
тересные по музыке «Аппиева дорога», сцена спасения
Спартаком во время пожара ребенка рабыни, танцы с
«смечами» и «на щитах». Все это невольно ослабляло герои-
ческую тему балета. И наоборот, излишне подчеркнутыми
оказались сцены, рисующие развращенный аристократи-
ческий Рим. Отмечая уместное применение танца без
пуантов, пластики оживляющих античных фресок и скульп-
тур, критика вместе с тем писала о чрезмерном использо-
вании лантомии в ущерб танцевальному началу. Тем не
менее этот спектакль пользовался и пользуется неизменным
большим успехом у зрителя. Он явился значительным и
интересным событием в советском музыкально-хореогра-
фическом искусстве, вызвал оживленные споры и, как
уже говорилось, дал начало полнокровной сценической
жизни этому талантливому произведению.

Общественность и пресса высоко оценили балет «Спар-
так» как одно из самых выдающихся новаторских творе-
ний музыкально-хореографического искусства XX века.
В 1959 году за создание музыки балета «Спартак» А. Хача-
турян был удостоен Ленинской премии.-

«Музыка балета несомненно интересна и волнующа.
Она написана талантливо и на ней, как на всем, что пи-
шет А. Хачатурян, лежит печать яркой творческой инди-
видуальности.... Это большое и радостное событие в нашей

музыкальной жизни¹, — писал Д. Шостакович в 1957 году, вскоре после первой постановки.

Вслед за Ленинградом «Спартак» был поставлен на многих сценах Советского Союза и за рубежом, а симфонические сюиты, составленные из музыки балета, облетели весь мир.

В связи с премьерой в Будапештском театре лауреат премии Кошути композитор Эмиль Петрович сказал: «Я разделяю свой восторг вместе с публикой. Меня покорила музыка. Особенно было приятно, что именно венгерский хореограф смог так талантливо воссоздать на сцене темпераментный балетный спектакль в стиле Хачатуриана².

После премьеры «Спартака» в Ташкенте дирижер, руководивший спектаклем, М. Ашрафи отметил: «Я считаю эту вещь одной из лучших в мировом классическом репертуаре. Революционный пафос, темпераментная искрометная музыка балета, истинно народный методизм отличают «Спартака»³.

Балет «Спартак» идет в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Баку, Ташкенте, Харькове, Новосибирске, Львове, Одессе, Риге, Вильнюсе, Кузнецке, Саратове и других городах Советского Союза, а также в городах Германии, Польши, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Англии и других странах. В исторической перспективе сценической жизни балета и научного познания его партитуры многое прояснилось, отпали встречающиеся поверхностные неизученные оценки, появились новые критерии, балет завоевал мировое признание. Большинство театров, обращаясь к «Спартаку», стремились подчеркнуть геронко-ободительную линию балета, действенное начало его драматургии, искали новые средства для раскрытия его образов.

Не все постановки, конечно, равнозначны в художественном отношении. В некоторых из них проявилось увлечение внешней зрелищной стороной, другие страдают излишней условностью, третьи — досадными купюрами. Но же они определяли ведущую линию сценической жизни балета, а другое — стремление найти адекватное сцени-

¹ Д. Шостакович. Арам Хачатуян. Сборник «Дружба». М., 1957, стр. 601.

² Цит. из газ. «Коммунист», Ереван, 15 мая 1968 г.

³ «Вечерний Ташкент», 17 октября 1967 г.

ческое воплощение великолепной музыки Хачатуриана. И каждая из постановок вносила что-то свое в общую задачу музыкально-хореографического «прочтения» и воплощения замысла композитора.

В очень разных по характеру и стилю постановках были открыты некоторые новые стороны замечательной партитуры Арама Хачатуриана. Все интенсивнее и ярче становилось звучание геронко-освободительной темы, связанной с восстанием рабов-гладиаторов, а вместе с тем, все полнее раскрывался образ самого Спартака как героя-полководца и как человека с глубокими думами, чувствами и переживаниями. Напомним, что В. И. Ленин назвал Спартака «одним из самых выдающихся героев одного из самых крупных восстаний рабов около двух тысяч лет тому назад¹. Прошедшие годы принесли много интересного в достижении более полной и точной интерпретации музыки балета.

Среди множества балетмейстеров, поставивших балет «Спартак», В. Бронский, Ю. Григорович, О. Дадашкилиашвили, И. Моисеев, А. Трегубов, А. Шикейро, М. Юсупов, В. Якобсон и другие.

Естественно, трудно в рамках небольшой главы остановиться на всех постановках «Спартака», сказать о всех тех, кто вложил в спектакли свой талант, мастерство, свои творческие искания. А подлинных открытий, находок, в частности, по линии углубленной передачи содержания хачатуриановского балета, его драматургии, характеров его героев, было немало.

Среди наиболее интересных и талантливых постановок нам хочется обратить внимание на работу Е. Чанги, осуществленную в Риге и Ереване.²

Помпезной монументальности, обилию вялых эффектов некоторых постановок Чанга противопоставил спектакли стремительно и напряженно развивающегося действия, лаконичной и четкой формы. «Дух борьбы, вольнолюбия, которым дышит каждый эпизод произведения — вот что стало главным для балетмейстера Е. Чанги,— пишет Е. Луцкая,— это действительно «Спартак», а не рассказ о том, как жили и «разлагались» римские патри-

¹ В. И. Ленин. Сочинение, т. 29, изд. 4-е, 1950, стр. 444.

² Директор А. Карапетян, художник А. Мирзоян.

ции... На протяжении спектакля образ народа является средоточием действия... Такой Спартак — герой, бунтарь, человек — пришел в спектакль из музыки Арама Хачатуряна»¹.

«Спартак» несколько раз ставился на сцене Большого театра Союза ССР. Впервые в 1958 году (балетмейстер Игорь Моисеев, дирижер Ю. Файер, художник А. Константиновский), а затем в 1962 году (балетмейстер Л. Якобсон, режиссер-консультант Э. Каплан, дирижер А. Жюрайтис, художники В. Рындин и В. Клементьев).

Выдающимся событием в сценической истории «Спартака» явилась его третья постановка в Большом театре Союза ССР в Москве в 1968 году. Спектакль был поставлен балетмейстером Ю. Григоровичем, дирижером Г. Рождественским и художником С. Вирсаладзе. В 1970 году этот спектакль был отмечен Ленинской премией.

Сообразие новой московской постановки, прежде всего, в ее большой музыкальности, драматургической действенности, в том, что вся она исходит из трактовки хачатурянской партитуры, как героической музыкально-хореографической симфонии, симфонии-балета, где прежде всего царит дух самой музыки, великолепно и по-новому раскрыты дирижером Г. Рождественским. Синтез музыки и хореографии, танца и сонатно-симфонической драматургии, внутренняя логика тематических связей, лейтмотивного развития — все это блестяще раскрыто в звучании оркестра и проецируется на все другие компоненты спектакля и, конечно, на его хореографию.

Выявляя основную идею балета, Ю. Григорович не подчеркивает внешних атрибутов исторического, бытового декорума, стремясь дать более обобщенное и действенное раскрытие замысла. В отличие от некоторых других постановок в основе хореографии этого «Спартака» лежит танец. Но танец не в его прикладном бытовом, а образно-обобщенном, драматургически действенном значении. Как метко отмечает В. Ванслов, Ю. Григорович ставит не танцы на пиру, а пиршество в танце, не пляски в пастушеском стане, а пастушеский стан в пляске, не танцы во время восстания, а восстание в танце. Победное

¹ Е. Луцкая. Герой, бунтарь, человек, журнал «Советская музыка», 1962, № 6, стр. 86.

(Курсив — Г. Тигранова.)

же шествие римских легионеров, которым открывается спектакль, «поставлено и воспринимается как обобщенный образ не столько шествия, сколько нашествия. Красс и легионеры предстают в нем не только воинами, торжествующими победу, но и захватчиками-милитаристами, подижающими и топчущими завоеванные земли, порабощающими угнетенные народы».¹ Широкие ассоциативные связи² вызывает современное осмысление авторами исторических событий древнего Рима. Все это соответствует музыке Хачатуряна. Отказавшись от традиционной крикливой суетолоки толпы и вставных номеров, Ю. Григорович поставил сцену «Рынок рабов» как «трагедию попранной человечности». Громадное впечатление оставляет скульптурно рельефная, словно высеченная из камня картина — «Аппиева дорога». Опершись на шест стоит над дорогой пастух, а ниже лежат другие. Внезапно все оживает и начинается стремительный полный жизни и энергии пляс. Выразительна сцена смерти Спартака. Сражаясь с легионерами Красса, он оказывается вздернутым на копья и словно распятый повисает в воздухе. Пластическим рисунком и красками сцена «Мертвый Спартак на руках своих соратников» напоминает картины мастеров Возрождения. Интересно, смело и по-новому дано хореографическое решение индивидуальных образов героев, кстати здесь свидетельных до своеобразного квартета — Спартак, Красс, Фригия, Эгина. По аналогии с современными формами симфонической музыки Ю. Григорович назвал свою постановку «Спартак» «спектаклем для четырех солистов с кордебалетом».

Интересно и смело хореографическое решение индивидуальных образов героев. Главные роли в новой постановке исполняли замечательные артисты балета.

Фригия — нежная, хрупкая, как чутко отметила Н. Кончаловская³, «почти бесплотная, как мученица на древних фресках» у Н. Бессмертновой и «очаровательная в своей

¹ В. Ванслов. О спектакле «Спартак», М., 1968. (Курсив — Г. Тираннова).

² Надо сказать, что ассоциативные связи с современностью возникли и в других постановках «Спартака», начиная с его премьеры в Ленинграде.

³ Н. Кончаловская. Дорога к бессмертию. «Литературная газета», 1968, 17 апреля.

женственной покорности» у Е. Максимовой. Эгина — холода, коварная, обольщающая своей чувственной красотой (Н. Тимофеева и С. Адырхаева). Но прежде всего это относится к исполнителям мужских ролей — противостоящих друг другу, непримиримых в своей борьбе не на жизнь, а на смерть — Спартака и Красса. Красс в прекрасном исполнении М. Лиепа и Б. Акимова — само воплощение воинственности, жестокости, властолюбия, иступленного самодовольства. Нельзя не запомнить его хищно агрессивные прыжки. Вместе с тем он «молод, красив... безудержный разгул страсти сочетается в нем с жестокой и холодной рассудочностью» (В. Ванслов). Спартак же — смелый, мужественный, решительный вождь, восставших гладиаторов, умный полководец и вместе с тем человек, наделенный глубокими мыслями, высокими лирическими чувствами. Таким предстает он в исполнении В. Васильева и М. Лавровского (хотя каждый вносит в эту трактовку свои индивидуальные оттенки). Соответственно многообразна хореография Спартака. То это устремленные ввысь, словно в порыве к свободе, полетные прыжки, то движения, полные нежности, ласки, лиризма (в сценах с Фригией), то, наконец, сдержанно-сосредоточенная пластика, передающая тревожные и тягостные раздумия.

Выдающаяся советская балерина О. Лепешинская, говоря о высоких достоинствах этого, по ее словам «необыкновенного балета» и о том, что балетмейстер Ю. Григорович проник в самый дух, характер музыкального замысла Хачатуриана, прежде всего останавливается на образе Спартака: «Талантливый балетмейстер Юрий Григорович, создавая спектакль о Спартаке, не побоялся показать своего героя человеком, страдающим и любящим. И вместе с тем Спартак предстает, как полководец, герой, чья исключительность ставит его во главе народа, борющегося за свободу. Спартак возникает в двух качествах — и как фигура конкретно-историческая, и как обобщенный образ народного вожака, возглавляющего освободительную борьбу. Балетмейстер раскрыл не только целеустремленную, мужественную силу Спартака, но и его величие, чистоту и, вместе с тем, наивную доверчивость¹. О. Лепешинская

¹ О. Лепешинская. Необыкновенный балет. Журн. «Огонек». 1968, № 24, стр. 16.

действительно увидела и подчеркнула нечто очень существенное, заложенное в музыке Хачатуриана и раскрытое балетмейстером Ю. Григоровичем и артистами Васильевым и Лавровским — «характер Спартака в нем (в балете.— Г. Т.) — живой, лишенный плакатной банальности, монументальной статуарности». Как отмечалось выше, в музыке балета, наряду с героическими, пламенными интонациями, много лирически вдохновенных, трагедийных. Именно это передал Ю. Григорович, тепя свой пластически законченный, выразительный образ Спартака. В этой постановке весь балет строится на постоянном чередовании и взаимодействии массовых сцен и монологов героев¹. Это позволяет все время переключать внимание на различные планы, а иногда и усиливать напряженность драматического действия.

«Хореография этого спектакля наполнена мыслью. Здесь нет ничего формального. Весь «Спартак» — это точная архитектоника, равновесие пропорций при многозначности каждого образа. В «Спартаке» нет быта, нет точных примет времени. Мы хотели, чтобы на фоне римских камней, хранящих память веков, возникли события восстания рабов; чтобы высветились страсти и судьбы, близкие каждому поколению. Отсюда — эпичность балета и его крупные планы, которые как бы воочию говорят нам, что историю создавали живые люди»². Эти слова принадлежат замечательному художнику С. Вирсаладзе, создавшему художественное оформление спектакля. Впрочем слово «оформление» совсем сюда не подходит, ибо декорации — лаконичные, суровые и величественные (основанные на сочетании черного, серого и белого), выразительные пятна красного и желтого — цветов крови и золота, костюмы, то рельефно выделяющиеся, то сливающиеся с общим фоном,—играют активную роль во всей драматургии спектакля. От них веет античной трагедией, они усиливают эмоциональное воздействие спектакля. И здесь—

¹ Балетмейстер услышал в партитуре Хачатуриана не только «действие», но и интонационное выражение характеров героев, «движение мысли и души». Отсюда и введение монологов. Впрочем, не слишком ли их много?

² Цитируется по репортажу Н. Черновой «Спартак со всех точек зрения», прилож. к газ. «Известия»— «Неделя», 1968, № 18.

«связь времен», ощущение современности. Невольно вспоминается, что атрибуты фашистских полчищ Муссолини и Гитлера («лихорадочные фасции с топориками», «легионный орел») были заимствованы из анналов древнего Рима.

«Крупный штрих», логика больших форм и интенсивного симфонического развития отличают и исполнительную трактовку дирижера Г. Рождественского. Здесь на одном звуковом полюсе мощный накал туттийных нарастаний, фортиссимо, стремительность *Allegro* и *Presto*, а на другом—проникновенность задумчивых лирических *Largo*, *Adagio*; выразительны даже паузы. Замечательный музыкант-дирижер сумел почувствовать и донести до слушателя ту «сонатную драматургию», о которой говорилось раньше. В этой связи закономерно смысловое объединение лейттем, лейтмотивов в своеобразные партии: темы Фригии, Спартака, гладиаторов с одной стороны, Рима, Красса, Эгин — с другой.

Чем больше раздумываешь над последней московской постановкой «Спартака», чем глубже осмысливаешь свои впечатления, тем больше воздаешь должное этому умному, талантливому, глубоко человечному спектаклю. В нем дано новое «прочтение» партитуры Хачатуряна, раскрыт ряд таких сторон, которые ранее не были замечены постановщиками.

И все же кое-что в этом ярком, проблемном спектакле представляется спорным. Трудно согласиться и здесь с купюрами, с некоторыми перестановками. Вряд ли оправдано снятие такой важной во многих отношениях картины, как «Цирк» (нельзя не вспомнить интересные, ярко театральные, драматургически действенные решения этой картины в постановках Л. Якобсона, И. Моисеева, Е. Чанги и др.). Ведь эта картина неотъемлема от всей композиции балета, от его идеи и стиля; она — важное звено в развитии драматургического конфликта, в ней с большой театральной наглядностью и драматической силой выявлен «лик эпохи», нравы Рима, его конфликт с порабощенными народами. И это, казалось, вполне соответствовало общей концепции постановки Ю. Григоровича. Особое значение в картине «Цирк» имеет финальный кульмиационный эпизод — Спартак, одержав победу во многих боях с гладиаторами, щадит поверженного раба и, наперекор требованию Красса прикончить его, втыкает меч в землю,

бросая вызов Риму своим мужеством и состраданием к побежденному. Вот один из важных моментов в утверждении гуманистической темы балета, в раскрытии человеческого образа Спартака. Вместо этого — короткий поединок двух рабов-гладиаторов. «В зал вталкивают двух гладиаторов. Жизнь получит тот, кто победит, и гладиаторы с завязанными глазами должны биться насмерть. С победителя срывают маску. Это Спартак. Монолог Спартака. Он убийца такого же невольника, как он сам. Что заставят его делать дальше? А что может сделать он? Чего он хочет?»¹

Это мельче, чем у Хачатуриана и Волкова. В основной авторской редакции балета эта сцена насыщена пафосом обличения и трагизма, истинной гражданственностью и человечностью. Здесь же она получает более личный характер, черты излишнего в данном эпизоде психологизма.

Правда, в музыкально-критической литературе встречались возражения против картины «Цирк», будто бы носящей лишь декоративно зрелищный характер и лишенной необходимого драматургически действенного начала.

Но практика сценического воплощения многими театрами балета «Спартак» и, в частности, картины «Цирк» убедила в другом, что в партитуре Хачатуриана заключено не просто цирковое декоративное зрелище, а нечто значительно большее. С огромной впечатляющей силой композитор сумел не только нарисовать картину «буйного Рима», «кровавого зрелища боев гладиаторов», не только создать ощущение царящей здесь атмосферы азарта, бездущия, жестокости, но и выразить страдания рабов, гнев и муки умирающих гладиаторов, людскую трагедию. И не случайно, как трагический подтекст в музыке появляется гневно скорбная секвенция *Dies irae*. В целом правы и О. Левашова, когда пишет, что «характеристичность и живописность в балете Хачатуриана сочетаются с приемами активного симфонического развития»², и С. Катонова, увидевшая в картине «Цирк» «...сплошное нарастание от первых, сумрачно тревожных танцев-игр к финальному массовому бою фракийцев и самнитов, где под конец впервые

¹ Из краткого содержания данной редакции сюжета. Сборник «Спартак», изд. Гос. акад. Большого театра Союза ССР, М., 1968.

² О. Левашова. Балет. «История русской советской музыки», т. IV., ч. 2-я, 1963, стр. 42.

появляется в ослепительном блеске звучная героническая тема Спартака¹.

Стоило ли отказываться от образа Гармодия, столь рельефно обрисованного в музыке А. Хачатуриана и имеющего немаловажное значение в многоплановой драматургии балета. Ведь через него осуждается предательство, измена и усиливается по принципу контраста утверждение мужества, верности революции и свободе, воплощенных в образе Спартака. Кроме того, отсутствие Гармодия в чем-то обеднило и образ Эгины, лишив ее конкретного объекта обольщения.

Трудно согласиться и с вольностью, с которой балетмейстер порой трактует отдельные лейтмотивы, лейттемы, меняя иногда даже их смысловое значение.

В целом же спектакль, поставленный Ю. Григоровичем, Г. Рождественским и С. Вирсаладзе в Большом театре, яркое событие в современной музыкально-театральной жизни. В нем бьется живая творческая мысль, он обладает убеждающей художественной концепцией, своим почерком. Он плодотворен еще и тем, что будит мысль, поднимает вопрос о художественных критериях и тем самым не закрывает творческий спор вокруг «Спартака». Думается, что в новых постановках мы увидим и новые художественные прочтения партитуры Хачатурияна.

«Спартак» Хачатурияна, несомненно, оказал и еще будет оказывать воздействие на развитие современного музыкально-хореографического искусства. В связи с постановкой «Спартака» в Будапеште известный балетмейстер Имре Экк отметил: «Это был большой праздник. Я думаю, что этот спектакль окажется этапным в развитии венгерского балета. Блестящая, великолепная, темпераментная музыка Хачатуриана, удивительно ярко передающая национальный характер, оказалась близка венгерским исполнителям». ² Описывая успех «Спартака» в Праге, П. Экштейн подчеркивал, что Хачатуриян внес «значительный вклад в современную танцевальную драму»³.

¹ С. Катонова. О музыкальной драматургии советского балета. Сб. «Музыка советского балета», М., 1962, стр. 124.

² «Премьера балета «Спартак», газ. «Коммунист», Ереван, 1968, 22 мая.

³ P. Eckstein. Bedeutendes Erschaffungen.—«Musik und Gesellschaft», 1957, № 12, стр. 37—38.

Особенно заметно влиянию Хачатуриана на музыкально-хореографическое искусство советского Востока и прежде всего Армении. Достаточно в этом отношении назвать хотя бы балеты «Вечный идол» Э. Оганесяна и «Прометей» Э. Аристакесяна. Интересные, оригинальные по музыке, они вместе с тем в чем-то продолжают и развиваются линию хачатуриановского «Спартака».

Сценическая жизнь «Спартака», несомненно, будет шириться, развиваться. И хочется думать, что в будущих исканиях будут учтены сильные и слабые стороны театральных постановок, созданных до сих пор.

В наше время обостренных международных классовых боев «Спартак» — спектакль о непримиримой революционной борьбе против насилия, колониализма и деспотии, за свободу порабощенных народов, за счастье и достоинство человека — приобретает особое художественное и политическое значение. При всех различных постановочных стилях и почерках балет «Спартак» всегда воспринимается как высокая народная геронческая трагедия, как произведение, способное служить благородной цели, утверждению великих идей революции, свободы и гуманизма.

* * *

Совершенно в иных связях и в иной плоскости предстает балет «Гаянэ». В отличие от пафоса историко-революционной темы «Спартака», монументальных масштабов стиля «Al fresco», композиционного строения, приближающегося к сонатно-симфоническому циклу, «Гаянэ» привлекает своей поэтичностью, сочностью народных жанровых сцен, красочностью пейзажных зарисовок, вдохновенным лиризмом главной героини — Гаянэ. В отличие от балета-симфонии «Спартака» «Гаянэ» можно назвать балетом-поэмой, музыкально-хореографической рапсодией на народные темы. В партитуре «Гаянэ» А. Хачатуриян проявил отличный вкус, исключительную бережность в подходе к народным песенным и танцевальным образцам, замечательное мастерство в их художественной обработке, переосмысливши и симфонизировавши. В «Гаянэ» музыка Хачатурияна сверкает всеми красками радуги и во многом вызывает ассоциации с солнечной палитрой Мартироса Сарьяна.

Воспевая духовную красоту советской женщины, ее верность Родине, воспевая новую жизнь, свободный труд, братскую дружбу народов Советского Союза, авторы балета вместе с тем клеймят позором врагов нашего социалистического Отечества.

Сценическая жизнь «Гаянэ» сложилась не менее интересно, чем у «Сpartака». Первая постановка, осуществленная (1942) Ленинградским академическим театром оперы и балета им. Кирова в годы войны (театр тогда находился в эвакуации в Перми), отличалась подчеркнуто патриотическим, гражданским пафосом, подкупающей искренностью и лиризмом. Тема стойкости и подвига женщины, солидарности советских людей, их преданности Родине зазвучала с большой силой. Отрицательные же образы, в условиях военного времени, приобретали конкретный облик вражеских диверсантов, заброшенных в нашу страну. Именно они вместе с Гико и подожгли колхозный урожай.

Постановочный коллектив, работавший с большим подъемом, возглавлялся дирижером П. Фельд, балетмейстером Н. Анисимовой, художником Н. Альтман.

С большой выдумкой были поставлены народные сцены, многочисленные массовые и сольные танцы, ансамбли. Балетмейстеру удалось найти органичный синтез движений классического балетного танца и пластики армянского народного хореографического искусства. Через весь балет, как образный рефрен, проходила партия Гаянэ в прекрасном исполнении Н. Дудинской и Т. Вячесловой. В многообразных интонационно-пластических перевоплощениях (в соответствии с развитием драматического сюжета) возникал волнующий, полный женственности и поззи образ Гаянэ. Особенно запомнились ее танцы в 1-ом акте, знаменитая колыбельная и светлые, радостные танцы в последнем акте. А с каким озорством, живостью, изяществом была исполнена партия Нуна (А. Шелест и Ф. Балабина), сколько сдержанной страсти было в партии Айши (Н. Анисимова). Им под стать мужские образы Армена (К. Сергеев, С. Каплан), Карэна (А. Зубковский), Гико (Б. Шавров).

Под несмолкаемые аплодисменты шел финальный акт балета — целая россыпь танцев различных народов — русского, армянского, грузинского, украинского, курдского, — своеобразный апофеоз нерушимой дружбы братских народов Советского Союза. В условиях военного времени этот

идейный мотив балета приобретал особый политический смысл.. Небывалую популярность завоевал «Танец с саблями».

Балет «Гаянэ» сразу же снискал горячие симпатии аудитории, получил высокую оценку прессы и был удостоен в 1943 г. Государственной премии.

«Музыка «Гаянэ» покоряет слушателя необыкновенной насыщенностью, жизнью, светом, радостью. Она рождена любовью к своей Родине, и ее замечательным людям, к ее богатой красочной природе,— писал Д. Кабалевский.— В музыке «Гаянэ» много мелодической красоты, гармонической свежести, метро-ритмической изобретательности. Ее оркестровое звучание великолепно»¹.

Но уже в первой постановке балета «Гаянэ» обнаружилось известное несоответствие между достоинствами великолепной музыки Хачатуриана и недостатками либретто. Актуальное по теме и драматическому конфликту, прогрессивное по идейной направленности, оно страдало известной упрощенностью в развитии действия и схематизмом в обрисовке некоторых образов (в частности Казакова).

Отсюда, очевидно, и возникло стремление различных театров в своих постановках находить не только новые сценические, музыкально-хореографические решения, новые варианты данного либретто, но и предлагать зрителю совершенно иные сценарии с очень различными сюжетами. Впрочем и сам композитор, считая первую редакцию балета основной, тем не менее специально подчеркнул, что не отказывает театрам в праве на продолжение поисков новых сценических, хореографических решений. В предисловии к изданию клавира в новой редакции (М. 1962), в корне отличающейся от первой, композитор написал: «Как автор я еще не окончательно убежден, какой из сюжетов лучше и вернее. Мне кажется, этот вопрос решит время». И дальше: «Эта публикация, наряду с существующим изданием первой редакции, предоставит театрам и балетмейстерам возможность выбора в будущих постановках».

Сам включаясь в творческие поиски и эксперименты балетмейстеров, А. Хачатуян в соответствии с требова-

¹ Д. Кабалевский. «Емельян Пугачев» и «Гаянэ». Сб. «Советская музыка», 1943, № 1, стр. 53—54.

ниями новых сценариев и постановочных решений создавал и новые музыкальные номера.

Балет «Гаянэ» поставлен большим количеством театров как в Советском Союзе, так и за рубежом и прочно вошел в их репертуар. С огромным успехом он идет на сценах Москвы (Большой театр Союза ССР, театр оперы и балета им. В. Немировича-Данченко и К. Станиславского), Ленинграда (театр оперы и балета им. Кирова и Малый оперный театр), Еревана, Киева, Свердловска, Тбилиси, Баку, Одессы и других городов. Исключительной популярностью пользуются во всем мире три симфонические сюиты, созданные композитором на основе музыки «Гаянэ».

Большинство театров в своих постановках исходило из основной редакции, внося в нее лишь те или иные коррективы, нюансы, меняя локальную окраску, выделяя и подчеркивая тот или иной идеальный мотив, ту или иную сюжетно-тематическую линию. Главным было стремление сохранить в неприкосновенности музыку Хачатуриана и найти пути ее наиболее полного раскрытия средствами хореографии и сценического действия. Это, безусловно, ведущая линия в сценической жизни балета. Ей, в частности, следовали и Ленинградский театр оперы и балета им. Кирова в своих последующих постановках и Ереванский театр оперы и балета им. Спендиарова в первой постановке (1947).¹

Сохрания (полностью или частично) основную редакцию музыки балета, они создавали новые сценарии (обращались к новым сюжетам), делали купюры, перестановки, зачастую меняя весь характер и жанровую определенность балета. Такова, например, постановка в Ереване в 1970 г. (новое либретто Г. Боряна и М. Мартиросяна), осуществленные в условно-символических тонах. Или спектакль, показанный Ленинградским Малым оперным театром (также на основе нового сюжета), где наряду с рядом интересных хореографических находок, использовались элементы условно акробатических движений, воспринимавшихся в образной системе балета инородным телом. В театре оперы

---

¹ Дирижер Р. Степанян, балетмейстер Н. Анисимова, художник П. Аранян, исполнители: Л. Всյнова-Шакавян и Р. Тааризян («Гаянэ»), Г. Георгян и С. Саркисян («Армен») и др.

и Балета им. В. Немировича-Данченко и К. Станиславского идет одноактный вариант балета «Гаянэ» на новое либретто и на основе наиболее ярких музыкальных номеров (своеобразный вид балетной чентонны). В Париже на музыку «Гаянэ» был поставлен балет «Кавказский пленник».

Возникла и З-я линия сценической жизни балета «Гаянэ», связанная не только с коренными изменениями сюжета сценария, но и с созданием композитором новой музыки (лишь с частичным использованием некоторых номеров, лейтмотивов из первого варианта партитуры балета). По этому пути, например, пошел Большой театр в своей постановке балета «Гаянэ» в 1957 году. Специально для этой постановки было написано новое либретто Б. Плетневым. Повествуя о жизни охотников в горах Армении, оно воспевает любовь и дружбу, верность и мужество, клеймит позором измену, эгоизм, отступничество от долга.

А. Хачатуриян не только совершенно перепланировал партитуру балета, но и создал много новой музыки. Прежде всего это ряд драматизированных танцевальных эпизодов, созданных на основе симфонически развитых популярных песен самого композитора. Так, начало I-го акта — картина озаренного солнцем армянского пейзажа, а также аналогичный эпизод в последней картине построены на известной хачатурианской «Песне о Ереване». Эта песня один из лучших образцов вокальной лирики композитора — проникновенный гимн свободной Армении и ее прекрасной столице.

В сольном танце Мариам (1 акт) использованы интонации «Армянской застольной» Хачатуриана, а в ее танце в finale 2-й картины II-го акта — «Песня девушки».

В новой партитуре большое развитие получила система лейтмотивов. Укажем на темпераментный маршевый мотив молодых охотников. Он появляется во вступлении и в дальнейшем сильно драматизируется. В первом танцевальном дуэте Армена и Георгия звучит лейтмотив дружбы. В зависимости от сюжетного развития он претерпевает большие изменения, особенно в сцене ссоры, в эпизодах финала, связанных с преступлением Георгия (здесь он звучит трагично). Мотиву дружбы противостоит другой — преступления, напоминающий мотив Гико в первой редакции балета. Центральную роль в партитуре играет лейттема Гаянэ, основанная на интонациях Айши (из первой

ГЛАВА VIII

В ШИРОКОМ ДИАПАЗОНЕ

(Балеты Э. Оганесяна)

Успехи армянского балета последних десяти-пятнадцати лет связаны в значительной мере с творческимиисканиями и открытиями Эдгара Оганесяна — композитора талантливого, умного, ищущего свой путь в искусстве.

Эдгар Сергеевич Оганесян (род. в 1930 г.) — один из наиболее интересных армянских композиторов — очень смело и инициативно вступил на творческую арену в пятидесятые годы и сразу же привлек к себе пристальное внимание музыкальной общественности.

Воспитанник Ереванской государственной консерватории имени Комитаса, которую он окончил в 1954 году по классу композиции Гр. Егиазаряна, Э. Оганесян затем занимался в аспирантуре Московской консерватории им. П. И. Чайковского у А. И. Хачатуряна. Благодаря яркой одаренности, серьезному и целенаправленному труду, творческая зрелость пришла к молодому композитору както очень органично и быстро. Уже в ранних его произведениях чувствуется интерес к значительным художественным замыслам, тяготение к ясной, четкой композиционной форме, внутренней логике развития музыкальной мысли. Особенно интересными и плодотворными уже тогда представлялись стремления композитора найти свой путь в познании и творческом претворении богатства армянской художественной культуры и, конечно, прежде всего музыкальной.

Среди ранних произведений молодого автора — ряд камерных, симфонических произведений, в частности, поэ-

ма-кантата «Миру мир» (1950), поэма «Два берега» для хора без сопровождения (1951).

В процессе складывания творческой личности Эдгара Оганесяна, несомненно, особенно значительную роль сыграли его два крупных инструментальных сочинения: фортепианный квинтет (1955) и симфония (1957) — произведения, говорящие о глубине мысли, силе интеллекта композитора и вместе с тем о большой эмоциональности его музыки. В этих сочинениях Э. Оганесян проявился дар эпического повествования и глубокий сосредоточенный лиризм, мужественная героика и напряженный драматизм. Говоря об индивидуальности автора, М. Рухян правильно подчеркивает, что она проявляется «...в философской направленности, эпической повествовательности, лиризме и интеллектуализации чувств, в современной манере высказывания при ярком национальном колорите музыки»¹. Эти слова сказаны в связи с Первой симфонией Эдгара Оганесяна, но они могут быть отнесены к большинству сочинений композитора.

Очень интересно и своеобразно шли искания композитора в области национальной конкретности и почвенности музыкального языка. Они велись в различных направлениях: и к армянской крестьянской песне, и к искусству ашугов, и к Комитасу, и к Араму Хачатуряну (композиторам, оказавшим, пожалуй, наиболее сильное воздействие на творчество Эдгара Оганесяна) и к древнейшим пластам армянского мелоса — эпическим песнопениям, шараканам, тагам², и к наиболее содержательным и устойчивым интонациям современной армянской музыки.

И эта национальная основа сочетается в музыке Э. Оганесяна с органически воспринятыми традициями классической музыки, с творческим опытом крупнейших современных композиторов, особенно И. Стравинского, С. Прокофьева, Б. Бартока, Л. Шостаковича и других. Обобщенность художественного мышления сочетается у Э. Оганесяна со склонностью к конкретной «эримости», выпуск-

¹ М. Рухян. Первая симфония Эдгара Оганесяна. Сб. «Советская симфония за 50 лет», Л., 1967, стр. 247.

² После оперы «Давид Сасунский» и 1-й симфонии Аро Степаняна этот пласт армянской музыки, пожалуй, впервые «заскрыта» с такой силой именно у Эдгара Оганесяна.

лой рельефности образов.¹ Как одно из проявлений этого — большой интерес композитора к музыке для театра и кино (так, например, им создана музыка к спектаклю «Намус» по Ширванзаде и кинофильму «Из-за чести»).

«Опера и балет всегда с юных лет привлекали меня ярко театральным, впечатляющим раскрытием сильных жизненных конфликтов, большим накалом человеческих страсти, синтезом различных видов искусства,— говорит Эдгар Оганесян. — И уже давно я мечтал создать музыкально-сценические произведения. Оперу я так и не написал до сих пор (а если бы написал, то, очевидно, она была бы на историческую тему с большими социальными конфликтами). Почему мне так и не удалось обратиться к опере? Возможно потому, что не попадалось подходящего либретто, к тому же не во всем чувствовал себя готовым для нее. Но вернее всего потому, что лучше чувствовал себя в сфере балета. Мне ближе художественная поэтизация, типизация через музыку, связанную с пластикой, движением, танцем, ритмом, со сферой симфонизма. Здесь я чувствую себя свободнее, увереннее».

И действительно, танцевальная музыка, в большинстве случаев восходящая к армянским народным пляскам—мужественным, героическим, ритуальным, женственно-лирическим, скорбно-траурным, занимает большое место в творчестве Э. Оганесяна, причем не только в музыке для театров и кино, где она порой выступает в своей непосредственной, прикладной функции, но и в более обобщенных и опосредованных формах симфонических и камерно-инструментальных произведений. Такова, например, 2-ая часть Первой симфонии, пронизанная стихией танца. В основе главной темы лежит известная ванская народная пляска.

¹ Не случайны, например, ассоциации, возникающие при слушании симфонии Э. Оганесяна с эпосом «Давид Сасунский». См. цит. выше статью М. Рухян. Кстати, здесь стоит привести и другие меткие сравнения, имеющиеся в этой статье: «Построение из двух больших разделов сообщает симфонии монументальность, особую фундаментальность. Конструкцию ее хочется сравнить с типично армянским стилем архитектуры: крепкая основа, насыщенность и, вместе с тем, строгость линий и некоторая приземистость, которая, однако, придает особую величавость в силу» (стр. 248).

Танцевальная музыка — то мужественно-героическая, то тревожная и драматичная, то насыщенная юмором и весельем, стремительно развивается в напряженном симфоническом потоке.

Третья же часть, построенная на мелодии тага «Авик», одного из замечательных образцов древнеармянской монодической музыки, пластичностью своего мелоса невольно вызывает ассоциации с развернутым балетным лирическим адажио.

Те же ассоциации возникают и при слушании 2-й и 3-й частей фортепианного квинтета.

За последние 15 лет Эдгаром Оганесяном написано четыре балета. Все они разные по теме, сюжету, характеру, стилю и вместе с тем в чем-то и единые.

Уже в первом балете «Мармар» (либретто О. Гукасяна, И. Арбатова и В. Варковицкого) определились некоторые характерные черты балетного творчества Э. Оганесяна.

Премьера балета состоялась в начале 1957 года на сцене Ереванского государственного театра оперы и балета им. А. Спендиарова (дирижер Р. Степанян, балетмейстеры И. Арбатов и З. Мурадян, художник К. Минасян).

Перед зрителем предстают картины древней феодальной Армении, раскрываются нравы, обычаи, судьбы людей, социальные конфликты. В резких образных антитезах противостоят друг другу народ — крестьяне, пастухи, борющиеся за свои права, с одной стороны, и жестокие воинственные феодалы — князь, его приближенные, и воины — с другой.

В балете воспевается трудолюбие, духовная красота и возвышенность чувств простых людей, сила любви и верности, мужество и отвага, побеждающие насилие, зло, смерть.

Соответственно и в музыке все время противоборствуют две стихии. Одна из них — простые естественные то задушевно-искренние, лиричные, то мужественно-волевые интонации, возникшие на народной основе. Ими наполнена партитура балета. Их мы слышим в бытовых сценах, отражающих жизнь народа, в лирических или гневных эпизодах. Особенно показательны в этом отношении народные танцы в четвертом акте. Э. Оганесян сумел почувствовать и передать самобытную почвенность армянских народных плясок, их мужественную силу, энергию,

своеобразие их изменчивого ритма, присущие им приемы ритмо-интонационного развития.

И здесь вновь хочется вспомнить образное описание армянских плясок, сделанное Максимом Горьким во время его пребывания в Армении в 1928 году. «Они идут плечо с плечом, держа за спинами руки друг друга,— пишет он,— они — единое тело, движимое единой изумительной ритмически действующей силой. Это тело свертывается в круг, в спираль, развертывается в прямую линию, строит разнообразные кривые; идеальность ритма, легкость и плавность построения фигур все более укрепляют чарующую иллюзию единства, слитости. Отдельных танцовров трудно различить, видишь их улыбки, блеск глаз, кажется, что вот их стало больше, а в следующую минуту — меньше; индивидуальные черты каждого отдельного лица почти неуловимы, и все время с вами говорит, улыбается вам как будто одно лицо,— лицо фантастического существа, внутренняя жизнь которого невыразимо богата. Возбуждающие поет дудка, но ее высокий голос уже не кажется пронзительным; громко, но мягко отбивает такт барабан, и за этой музыкой видишь другую — музыку изумительно красивых движений гибкого человеческого тела, его свободную игру в разноцветной волне ярких одежд. Минутами, когда стремительность движений многоглавого тела, возрастаая, превращалась в золотой и радужный вихрь, я ждал, что цепь танцовров разорвется на отдельные звенья, но и в этом вихре они сохранили единодушную плавность движений, увеличивая, углубляя впечатление силы и единства. Никогда я не видел и не мог представить себе картину такой совершенной слитности, спаянности многих в едином действии... Вероятно, танец сасунских армян — победный танец воинов».

Говоря же об армянских женских танцах, А. М. Горький указывает на присущие им грацию, изящество, большую образность и элементы театрализации. «Не менее оригинально и так же обаятельно красиво танцевали женщины,— вспоминает он,— одетые тоже по-восточному ярко и цветисто. Танцуя, они показывали, как причесывают волосы, красят лицо, кормят птицу, прядут,— и снова все мы были очарованы изумительной ритмичностью их движений, красотой жестов. Женщины танцевали каждая отдельно от другой, и жесты каждой были индивидуальны, тем труднее было сохранить их ритмичность, единство во

времени, а они сохранялись идеально. Затем они исполнили комический танец хромых,— танцевали так, точно у каждой из них перебито бедро, и; хотя смешные движения их были на границе уродливого, они поражали гармоничностью и грацией¹.

Особую силу народным танцам в балете «Мармар» придают ритмические басовые остинато. Они вызывают ассоциации с могучими, подхлестывающими остинатами, выдержанными дамами в армянских народных танцах. Кроме того само «противодействие» стремительного пульсирующего движения, ритма и как бы сдерживающей этот поток лавы остинатной «брони», особенно динамицируют музыку, насыщают ее огромной силой, заставляя вспомнить аналогичные приемы в балетной музыке И. Стравинского (особенно в «Весне священной») или С. Прокофьева (особенно в «Алла и Лолий»). В народных сценах уже этого своего первого балета Эдгар Оганесян проявил стремление подняться над простыми жанровыми зарисовками к более обобщенным, драматургически действенным образам. Эта тенденция будет все усиливаться в последующих балетах композитора.

Музыке народных сцен противостоит музыка грубой силы, набега, насилия или, наоборот, чувственно-вакхическая (например, сцена вакханалии во дворце князя Банура).

В этих противопоставлениях можно заметить в чем-то отдаленную связь с хачатуряновским «Спартаком».

Большое место в балете «Мармар» занимает фантастика, органически связанная с народными сказаниями, легендами и имеющая аллегорический смысл. Среди эпизодов, связанных с линией фантастики,— сцены в царстве Вишапов, в подземном царстве, пляска ведьм, танцы драгоценных камней и т. д. В мире фантазии также сталкиваются силы света и тьмы, добра и зла: страшному трехглавому вишапу, окруженному всяческой нечистью, противопоставляются «добрые силы» природы, выступающие за Мармар и Арамэ.

И на фоне народных, фантастических сцен, в перазрывной связи с ними, как ведущий голос в полифоническом целом, развивается через весь балет одна из самых главных

¹ М. Горький. Сочинения, т. 17. По Союзу Советов. М., 1952, стр. 137—138.

идейно художественных, сюжетных, драматургических линий — линия любви юноши пастуха Арамэ к крестьянской девушке Мармар. Творчеству Эдгара Оганесяна чужды сентиментальность, мелодраматическая чувствительность, — любовь молодых людей раскрывается в балете как чувство глубокое, прекрасное, связанное с высокими этическими, нравственными принципами верности, стойкости, бескомпромиссности.

Тема любви, лирическое начало занимают большое место в балете. Лирические эпизоды, сцены, раскрывающие возвышенную любовь Мармар и Арамэ, относятся к лучшим страницам в музыке балета. По настоящему вдохновенно адажио Мармар и Арамэ. В целое симфоническое лирическое анданте вырастает весь третий акт. Развернутая пластичная мелодия, проникнутая благородством и красотой, становится как бы лейттемой, вернее, лейтэпизодом любви.

Возникнув еще в первом акте, эта полифонически развитая музыка появляется и во втором, и в третьем актах, и в финале балета, где звучит как ликующий гимн жизни, свободе, любви, этической красоте человека.

Сочетание, переплетение, взаимодействие различных «линий», связанных с образами народа, любви, фантастики обусловили своеобразную полидраматургию балета.

Правда, в первом балете Э. Оганесяна еще не все было равноценным в художественном отношении. Встречались места менее удачные, порою музыка приобретала несколько умозрительный характер, а в либретто можно было заметить иногда растянутость и излишние повторы. Но в целом балет Эдгара Оганесяна привлекал прежде всего талантливой музыкой, отмеченной ярким национальным колоритом, склонностью автора к большому симфоническому развитию.

Как одно из лучших произведений армянского музыкально-хореографического искусства тех лет балет «Мармар» был удостоен в 1958 году диплома первой степени на Всесоюзном смотре музыкальных театров.

Неожиданным было появление второго балета Эдгара Оганесяна «Голубой ноктюрн» (либретто В. Шахназаряна). Он переносил в совершенно другую эпоху. Иными был и его жанр, отмеченный чертами публицистической заостренности, время действия — современность, тема — призвание и судьба художника.

Основная мысль балета — художник, лишенный кровных связей с жизнью, неминуемо приходит к потере себя как творческой личности, к утрате главного — общественной, нравственной ценности своего искусства. Лишь в неразрывной и многосторонней связи с жизнью, в способности познания, отображения, типизации, поэтизации ее — лежит основа истинного искусства. Своеобразно композиционное строение балета. Оно ассоциируется с симфонией, вернее с симфониеттой и содержит моменты экспозиции, небольшой разработки, частной репризы в конце 1-го акта, интермеццо, андante и генеральной репризы в конце балета. Музыка балета «Голубой ноктюрн» острыя, причудливая в своих контрастах, порою насмешливая и злая. Интонационно она, естественно, совершенно отлична от музыки «Мармар». В ней слышатся интонации современного западного эстрадного танца с его судорожной ритмикой, монотонность автоматических движений.

Эта музыка призвана передать мир «квази искусства», где выхолощены и мысль, и чувство, и поэзия, и где царят «смода», абстракция, бездумная эксцентрика, утрированный секс; и не только передать все это, но и осудить, высмеять. Отсюда среди используемых приемов шарж, пародия, гротеск.

Другая концепция искусства, связанная с пониманием его высокого общественного, этического назначения, вытекающая из представления о нем как о правдивом, художественно образном выражении человеческих судеб, мыслей, чувств, раскрыта в музыке, отмеченной лирической одухотворенностью, мелодической ясностью. Здесь прежде всего хочется отметить лирическую музыку, связанную с постижением художником одного из высших и прекрасных проявлений жизни — любви.

В балете много интересного, необычного, впечатляющего, интригующего, но вместе с тем и спорного. Да и сама чрезвычайно сложная задача воплощения средствами музыкально-хореографического искусства одной из центральных эстетических проблем современного искусства оказалась решенной несколько снижено, упрощено, не достигая подлинно художественных философских обобщений.

Прошло несколько лет и после «Голубого ноктюрна» — вновь обращение к древности, к Армении языческих времен, к вечной теме любви, как наивысшему выражению

духовной красоты человеческой личности, красоты и воз-
вешенности людских отношений. Речь идет о новом ба-
лете «Вечный идол» (либретто М. Мнацаканяна), завер-
шенном в 1967 году и тогда же поставленном на сцене Ере-
ванского театра оперы и балета им. Спендиарова¹.

Многим показалось, что «Вечный идол» знаменовал собою
возврат композитора к тому, что было им найдено в «Мар-
маре», тем более, что в партитуре нового балета оказался
использованным некоторый музыкальный материал перво-
го балета Эдгара Оганесяна (например, замечательная
лейттема любви).

На самом деле «Вечный идол», хотя и рождает некото-
рые аналогии с «Мармар» (эпоха, отдельные сюжетные ли-
нии, конфликтные положения и т. д.), — произведение с
новой идеально-художественной, драматургической концеп-
цией, новым более высоким уровнем мастерства.

Много чутких наблюдений, мыслей о балете «Вечный
идол» содержит интересная статья Г. Геодакяна «Большое
событие». В частности автор подчеркивает значение в
нем образов первобытной монши, и рассматривает их в
русле того направления, которое пошло от «Весны свя-
щенной» И. Стравинского, «Скифской сюиты» С. Про-
кофьева, некоторых произведений Б. Бартока.

«В музыке балета Оганесяна,— пишет он,— немало
от этих образов первобытной монши, «варварства». Харак-
терно в этом отношении уже вступление к балету — соло
ударных, громкие трепеты, внезапно прерываемые уст-
рашающими ударами тамтамов, словно призывают к вни-
манию. А затем властно вторгается острый синкопи-
рованный ритм, типичный для древних армянских народ-
ных плясов. Момент архаичности подчеркнут и в угловатом
движении мелодии у литавр по квартам и септимам.
Но основное все же ритм. В какой-то степени единый и
в то же время непрестанно меняющийся, мастерски варьи-
руемый, он в сочетании с резко нарастающей звучностью
придает музыке заряд огромной стихийной энергии, кото-
рая как бы взрывает привычную уютную атмосферу зри-
тельный зала. Она из другого мира, из другой жизни.
Сна будто требует совсем иного — воздуха, простора, ди-

¹ Балетмейстер М. Мнацаканян, художник А. Чакмакчян, ди-
рижер А. Катавян.

кой прелести суровой первобытной природы... И в дальнейшем ударные инструменты являются в партитуре «гегемоном», а литавры приобретают даже значение лейт-тембра».¹

Действительно многие страницы этого интересного произведения словно переносят нас в какой-то мир первобытной стихийной силы, языческого, «варварского» начала, древности, «арханки». Возникает ощущение «замкнутого круга» предопределенности, подавляющей власти жрецов, князей, языческих ритуалов, обычаяев, приобретающих силу «непреложных законов».

И все это действительно мы слышим в мощной лавине звучания ударных, в устрашающем гуле тамтама, грозном рокоте литавр, барабанов.

Здесь царство ритма. Он становится воплощением грубой силы, нашествия, воинственности, необузданных инстинктов, энергии, плотского, чувственного начала.

Этот ритм то гипнотизирует, завораживает нескончаемыми повторами своих остинатных форм, то словно подминает, подчиняет себе, достигая в мощных нарастаниях громадной давящей силы, то, наконец, увлекает в своем стремительном движении.

Ритм здесь — и сильнейший импульс развития, и активный фактор формообразования. Показательна в этом отношении, например, картина, где из нескольких ритмоформул возникает целая симфония ритмов, со сложным противополаганием различных форм, типов ритмического движения, многопластовой полиритмии и т. п.

Очень интересна музыка балета и в ладоинтонационном отношении. Тут также использованы ладовые «примитивы», «архаизмы», различные типы трихордов, тетрахордов и т. д.

На этой ладовой основе возникают и очень своеобразные, свежо и терпко звучащие гармонии, гомофонно-полифонические, линеарные комплексы.

Интересно, что, обратясь к далекому прошлому, Эдгар Оганесян не уходит от современности, не смакует экзотику, арханку, избегает какой-либо стилизации. Ощущение современного звучания все время сопутствует

¹ Г. Геодакян. Большое событие. «Советская музыка», 1967, № 9, стр. 22.

слушателю. Непреходящее значение имеет и основной конфликт, социальная и нравственная проблематика балета. Безусловно, приведенные выше сопоставления партитуры балета «Вечный идол» с партитурой «Весны священной» И. Стравинского вполне правомочны.

Но в отличие от «Весны священной» советских художников интересует при обращении к схожим темам не позитивное противопоставление язычества, «варварских» времен ХХ веку, с явным сожалением по поводу «утраченной» в веках первозданной силы, а желание противопоставить, как в древности, так и в наше время варварство и гуманизм; показать преемственный процесс борьбы в истории человечества реакционного и прогрессивного, возышающего и унижающего, мертвяще и утверждающего жизни¹.

И вот в балете «Вечный идол» встает другой мир, связанный с утверждением извечной темы любви. Хорошо пишет об этом М. Рухян: «... любовь, зарождающаяся во времена язычества,— новая форма человеческих взаимоотношений. Любовь светлая и верная, вступающая в конфликт с мрачными поверьями, с неразвитостью чувств, с дикостью проявления человеческих инстинктов. Перед создателями спектакля встала сложная задача — передать пробуждение сознания человеческой личности, его разума и, как следствие этого,— обогащение его духовного мира»².

Да! Именно в этом утверждении человечности, пробуждении сознания и чувств, в обличении дикости и варварства—гуманистическая идея, этический смысл балета.-

Основной драматургический конфликт раскрывается в столкновении различных музыкально-интонационных сфер. Одна — та, о которой шла речь ранее, другая — связана с воплощением образов Астина и Бюрат, с их прекрасной, мужественной и драматичной любовью. Астин и Бюрат не только полюбили друг друга, но и сумели отстоять свое глубокое и верное чувство в борьбе со всем, что стояло на их пути. Любовная линия в балете активна, драматична и абсолютно лишена какой-либо созерца-

¹ В качестве примеров можно назвать хактату «Александр Невский» Прокофьева, Седьмую симфонию Шостаковича и многое другое.

² М. Рухян. Балет, определивший рубеж. Журн. «Театр», 1968, № 5.

тельной чувствительности, сентиментальности. И музыка Эдгара Оганесяна здесь приобретает иные черты — это музыка глубокой, сильной и тревожной страсти. Она привлекает своим глубоким и искренним лиризмом, широким «разливом» мелоса, обилием взаимоопевающих подголосков, сопутствующих полифонических линий. Грозные тамтамы, тромбоны, «органическое» дерево, оглушающие *tutti*, *fff* умолкают, стихают и уступают место страстно «поющим» струнным, «глубоким» валторнам, выразительным регистрам солирующих гобоев, кларнетов. Вместо «ударного», конструктивно-ритмического, моторного начала на первый план выступает мелодия, отмеченная большим дыханием, богатством интонационных «оттенков», сложностью ладового строения. Здесь в сфере музыки высоких чувств, естественно, и в помине нет так преднамеренно привлекаемых ладоинтонационных «примитивов», о которых шла речь выше.

Музыка здесь живет и дышит. Она вольно расплета и предстает в формах, вызывающих ассоциации с вокальными формами песни — ариозо, дуэта и т. д.

Следует еще раз подчеркнуть, что рассмотренные выше две интонационные сферы (соответствующие двум сталкивающимся «мирам») существуют не изолированно, «сами по себе», а все время взаимодействуют. Их противоборство — один из важных импульсов симфонизма балета.

В сравнении с первым балетом Э. Оганесяна («Мармар») музыкальная драматургия «Вечного идола» отличается большей цельностью, более последовательным сквозным симфоническим развитием, более крупными формами. В частности, здесь можно обратить внимание на характерный пример использования крупной и обобщенной формы классической инstrumentальной музыки, на финальную двухтемную пассакалью.

Взаимодействие двух миров предстает и в танцах, в хореографической стороне спектакля (балетмейстер А. Мнацакян). С одной стороны — это воссоздание древнеармянской (и даже египетской, ассирийской) пластики движений, танцев. По словам М. Рухкин, «об этом думал балетмейстер, когда подолгу рассматривал в музеях рисунки, статуэтки, маски, одежду древних Урарту и Египта»¹. Здесь, особенно у Гор-Ишхана и его свиты, доминируют

¹ М. Рухкин. Цит. статья, стр. 64.

«сухой шаг, прерывающийся, отрывистый, «неамортизованный» прыжок», а также «фронтальное» наступление на зрителя, хищные, воинственные движения набега. С другой стороны (все связанное с Астинэ и Бюратом)— пластика, возникающая в своеобразном синтезе армянского народа и классического танца.

Художественное оформление, костюмы (худ. А. Чакмакчян) также усиливают ощущение давности.

При всей своей самобытности балет «Вечный идол» (как и ранее «Мармар») в каких-то очень существенных моментах вызывает ассоциации и со «Спартаком» А. Хачатуряна. Это сказывается и в самом противопоставлении двух «миров», и в своеобразной перекличке времен, и в некоторых особенностях всей стилистики. Проявляется это и в самой хореографии.

Осенью 1969 года в Армении, во многих городах Советского Союза и за рубежом широко отмечалось 100-летие со дня рождения великого армянского композитора, создателя национальной классической музыки — Комитаса. В эти дни на сцене Ереванского театра оперы и балета был показан новый балет Эдгара Оганесяна, посвященный памяти Комитаса — «Антуни» (либр. М. Мартirosyan)¹.

В условной, аллегорической форме перед зрителем проходят картины труда, празднеств армянского народа, его тяжелого исторического прошлого, суровых испытаний и борьбы. А на этом фоне и в неразрывной связи с ним раскрывается обобщенный образ Антуни, бездомного скитающегося, ассоциирующийся с образом гениального композитора Комитаса, с его судьбой, неотделимой от судеб народных. Мы видим его в мрачных стенах кельи, охваченным неотступной мыслью раскрыть тайну древних армянских хаз. Мы видим его и в самой гуще жизни народной, среди крестьян, восторженно слушающим песню пахаря, зачарованно следящим за тем, как девушки прядут пряжу, выводят причудливые узоры ковров. Потрясенный трагедией родной страны, подвергнувшейся жестокому насилию, Антуни восстает против неба, срывает с себя сутану, вступает вместе с народом в борьбу против врагов. Вдох-

¹ Дирижер Я. Восканян, балетмейстер М. Мартirosyan, художник М. Аветисян, хормейстер Г. Сандалджян.

новенные песни Антуни воодушевляют народ. Народ бессмертен. Возрожденный, он обретает свою свободу и счастье.

Очень хорошо сказано в работе С. Саркисян: «Автор балета избегает метода дикриптивного изложения жизни и творчества Комитаса. Его интересует тот высокий трагизм, который навеки скрестил судьбу Комитаса с судьбой армянского народа, что и определило исключительное место его в истории армянской культуры. Иначе говоря, в балете раскрывается не собственно судьба Комитаса, а смысл его судьбы»¹.

Через весь балет проходит и полный поззии женский образ Хумар, «собирательный образ музы», идеала, вдохновения, который сопутствует Антуни во всех его «скитаниях по жизни»².

В музыкально-хореографическом спектакле «Антуни» определенные достоинства имеют и сценарий, и постановка, хотя и не во всем убеждающие, и художественное оформление, выдержанное в условных, лаконических тонах.

Но, безусловно, главным «героем» балета является прекрасная талантливая музыка Эдгара Оганесяна. «Я переполнен чувством гордости за нашу армянскую музыку, — писал Арам Хачатурян. — Балет Оганесяна — яркое тому свидетельство. «Антуни» — великолепное произведение. Все выглядит очень свежо, очень талантливо. Музыка Э. Оганесяна выразительна и необыкновенно изобретательна. Композитор сумел растворить Комитаса в себе и себя — в Комитасе»³.

Как и в других произведениях Э. Оганесяна, музыка балета «Антуни» привлекает своей яркой национальной характерностью, глубокой и органичной связью с многообразными пластами армянской народной музыки. Только здесь эти связи стали глубже, более опосредованными. К тому же, сюжет балета, связанный с образом Комитаса и армянского народа, обусловил обращение Э. Оганесяна к комитасовским песням, танцам, записям, обработкам.

¹ С. Саркисян. Вопросы армянской музыки 60-х и начала 70-х годов (канд. диссертация). Ереван. 1974.

² Ю. Аракелян. «Антуни», газ. «Коммунист», Ереван, 22 ноября 1969 г.

³ Там же.

Среди творчески использованных образцов в балете мы слышим «Антуни», «Кали ерг», «Оровель», «Ко хан», «Гарун», «Андзрев екав», «Сипани качер», «Шушки», «Унаби», «Шорор-Эрзерумский», «Бин гел» и другие.

При этом музыка балета менее всего этнографична. Композитор смело и вместе с тем с большим тактом и вкусом переосмысливает весь этот использованный богатый интонационный материал, подчиняет своему творческому замыслу, подвергает интенсивному симфоническому развитию, создает на этой интонационно-тематической основе крупные, драматургически осмыслившиеся музыкальные формы. Удивительно чутким постижением народной интонационной стихии, могучей, словно первозданной силой ритма или, наоборот, тонким узорчатым плетением лирических песен, свежестью ладо-гармонических средств, применяемых в обработке и развитии народного мелоса, музыка Э. Оганесяна порой напоминает партитуры И. Стравинского, Б. Бартока, С. Прокофьева, А. Хачатуряна.

Одним из лучших примеров этому может служить выразительная пассакалия, основанная на двух темах. Одна из них — комитасовская, «Крунк», другая — оригинальная, авторская. Проходя в финале балета, пассакалия приобретает синтезирующее, обобщающее значение, воплощая образ судьбы народа и художника. В огромном симфоническом нарастании, в сложном полифоническом развитии тема пассакалии проходит через ряд вариаций, достигая к концу своей кульминации.

Largo

The musical score consists of two staves. The top staff is for the orchestra, featuring multiple staves with different clefs (G-clef, C-clef) and various dynamic markings like forte (f), piano (p), and sforzando (sf). The bottom staff is for the piano, also with multiple staves and similar dynamic markings. The page number '31' is located at the top left of the score area.

В пассакалии особенно ярко проявилась одна из особенностей творчества Э. Оганесяна последних лет (в свою очередь связанная с некоторыми общими тенденциями, характерными для современного музыкального творчества). Это стремление достичь органичного сочетания в своем индивидуальном стиле некоторых принципов, композиционных приемов, жанров, форм (в частности, развитой полифонии), восходящих к Баху, Генделью (своебразное необахианство), с живыми истоками народного творчества и новейшими приемами и средствами современного композиторского письма.

В этом смысле пассакалия из «Антуни» ассоциируется в какой-то мере с пассакалиями Шостаковича.

По своему жанру и композиционному строению балет «Антуни» многосоставен. Напряженный драматизм, трагедийность, лиризм находятся во внутреннем взаимодействии. Песенно-танцевальное начало сочетается в нем с хоровыми и даже хоральными формами (в партитуру балета включена и партия хора), с активным симфоническим развитием. В музыке балета, особенно во втором акте, встречаются формы, приближающиеся к своеобразно трактованным формам монументальных хоро-симфонических концепций типа Реквиема, симфонизированных сюит (например, 5-ая картина). Здесь интересно и смело использован прием образных, жанровых контрастов, чередования различных частей. *Lactitosa*, связанная с образом возвышенной скорби, глубокой человеческой печали. Льется пропущенная мелодия, вызывающая отдаленные ассоциации с прекрасной народной песней. И совершенно другие образы — *Dies irae*, Пляска смерти, создающие представление о трагических событиях 1915 года, когда в Турции погибло около двух миллионов армян. Варваризмы «Вечного идола» оборачиваются здесь реальным варварством XX века. Словно сметая все на своем пути проносится жуткий, дикий, нечеловеческий пляс. Его иступленная ритмика, завывающие глиссандо тромbones, воинственные кличи труб, свист флейт, дробь барабанов сливаются с интонациями боли, ужаса, гнева и протesta. Возникает обобщенный образ разгула, насилия, изуверства и жестокости, торжества смерти, а затем народного бедствия и возмущения. Включить «Пляску смерти» в образную систему Реквиема — смелая и дерзновенная мысль композитора. И она целиком оправдана сюжетно-драматургич-

ческим замыслом. В музыку возвышенных чувств, обобщенных мыслей, в музыку, где доминирует вдохновенный мелос, вторгается жуткая пляска, сокрушающая стихия ритма. Возникает острейший контраст, драматургический эффект громадной силы.

Грозное «*Tuba tigum*» — словно в ужасе и гневе к небу взывают мертвые и камни, сменяется насыщенным большим драматизмом «*Dies irae*», далее — упоминаявшаяся ранее пассакалия и, наконец, гимнический «*Gloria*» на теме комитасовской песни «Экав гарун» (Пришла весна).

И здесь опять следует подчеркнуть, что в обращении Э. Оганесяна к жанрам и формам классицизма нет и иоты стилизации. Композитору важнее не внешние признаки, а внутренний принцип классицизма, его склонность к обобщенному музыкальному мышлению. И стиль «века просвещения» композитор связывает с современностью, подчиняет своему замыслу. Здесь опять возникают самые различные ассоциации и, в частности, с классицистскими тенденциями в творчестве Шостаковича.

Вся эта многожанровая природа музыки балета «Антуни» вытекает из самого идеально-художественного замысла произведения, из сочетания в нем различных драматургических планов (полидраматургия). Сквозное развитие лейттем, наличие тематических реминисценций способствуют общей драматургической цельности музыки балета.

Используя традиционные формы классического балета с его стройной архитектоникой и композицией, соотношением танца и пантомимы с его законченными номерами, Э. Оганесян переосмысливает и развивает их достижениями балетного искусства XX века и прежде всего наиболее близких ему балетов Стравинского, Прокофьева, Хачатуряна, а также танцевальной музыки Дебюсси и Равеля.

В частности большую действенную роль приобрели в его балетах (за исключением «Голубого nocturne») кордебалет, массовые танцы, драматически насыщенные монологи, диалоги, симфонизированные картины и т. п. В «Антуни» же расширение выразительности балета связывается с включением также форм, идущих от смежных жанров — хор, месса, самостоятельные симфонические формы. Но особенно важно в «Антуни» подчеркнуть обращение композитора к жанрам, формам, выразительным средствам, восходящим к армянской народной музыке и творчеству Комитаса.

Если в балетах «Мармар» и «Вечный идол» связь музыкального языка Э. Оганесяна с национальной музыкальной культурой Армении проходила через сложные опосредования и композитор за редкими исключениями не обращался к конкретным народно-музыкальным образцам, то в «Антуни» он сознательно и преднамеренно использует, как это уже подчеркивалось, ряд подлинных народных и комитасовских мелодий.

Конечно, они активно переосмысливаются, перени托нируются, вовлекаются в новую образную, жанровую, композиционную систему, подчиняются раскрытию нового художественного замысла. И все же они есть и узнаются во всех, подчас сложных изменениях, модификациях.

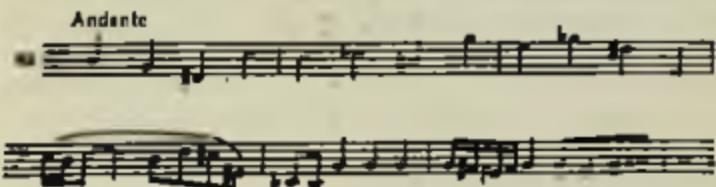
Проблема использования и переосмысления образцов народной музыки или произведений классиков—одна из сложнейших в творческом процессе. Здесь очень легко стать на путь иждивенческого, пассивного отношения к народным образцам или, наоборот, бесцеремонного исказжения их. Решают здесь, конечно, талант, вкус, мастерство композитора, глубокое знание фольклора, его уважительное и любовное отношение к народной музыке как истинному голосу души и сердца народа. И не случайно, что крупнейшие композиторы прошлого и настоящего (например Глинка, Мусоргский, Римский-Корсаков, Чайковский, Прокофьев, а в армянской музыке Комитас, Спендиаров, Хачатуриян) постоянно подчеркивали мысль о необходимости бережного, чуткого отношения к народному творчеству, как к самостоятельной эстетической ценности непреходящего значения.

Вспомним, например, высказывание Арама Хачатуриана: «Вдохновение, черпаемое в народе, неиссякаемо. Самым большим университетом для художника является народ. Принцип бережного и чуткого отношения к народной мелодии, при котором композитор, оставляя тему в неприкословенности, стремится обогатить ее гармонией и полифонией, расширить и усилить ее выразительность колористическими средствами оркестра и хора и т. п., может быть весьма плодотворным».¹ Об этом же сравни-

¹ А. Хачатуриан. Как я понимаю народность в музыке. Советская музыка, 1952, № 5. В этой статье Хачатуриян ставит проблему народности значительно шире и отнюдь не ограничивает ее лишь вопросом использования фольклора. Мы же здесь сознательно цитируем лишь высказывание связанное с этой стороной вопроса.

тельно недавно писал и Т. Мансурян — талантливый молодой композитор — в своей, правда во многом спорной статье, где он выражал тревогу по поводу зачастую небрежного и слишком «свободного» оперирования композиторами народными темами.

Возвращаясь к «Антуни» Э. Оганесяна, следует возложить должное художественному вкусу, такту и мастерству, с которым композитор органично связывает народные, комитасовские песни, танцы с современными прогрессивными приемами композиторского письма, со своим ярко-индивидуальным творческим почерком. Это проявляется и в свежести гармонических средств, осложненных смелыми вертикалями, полифоническими, полиладовыми соотношениями, и в модальной природе гармонии. В отдельных случаях композитор свободно применяет различные приемы серийной техники двенадцатитоновой системы. Такова, например, уже первая тема, начинающая балет..

И примечательно, что она звучит не абстрактно, умозрительно, а выразительно, национально-характерно. Такое применение некоторых приемов серийности (отнюдь не системы в целом) к музыке народов Закавказья перекликается сисканиями в этом отношении А. Бабаджаняна («Шесть картин» для фортепиано), К. Караева (Третья симфония) и других.

Эдгар Оганесян как-то незаметно, не нарушая природы, характера, особенностей первоисточника, переводит его в иную стилевую и жанровую категорию, подчиняет его новому художественному замыслу, новой логике драматургического развития. Почти незаметно и очень тактично переводит он песенные мелодии в музыку, где доминирует танцевальное, пластическое движение.

Выше приводился перечень народных, комитасовских песен и танцев, использованных Э. Оганесяном в его балете. Особое обобщающее значение во всем балете и его

музыкальном тематизме имеют песни «Крунк» и «Антунис», символизирующие судьбу народа и художника-скитальца.

Итак, четыре балета, созданные с перерывом примерно в 3—4 года и отражающие общую эволюцию стиля и мастерства композитора. Четыре различные художественные концепции. И вместе с тем все они раскрывают, в чем-то существенном, общее понимание музыкально-хореографического искусства, его эстетики, выразительных особенностей.

Знакомясь с балетами Э. Оганесяна прежде всего убеждаешься, что для него, как и для большинства советских композиторов, балет мыслится законченным музыкально-драматургическим целостным произведением, служащим раскрытию идеально-значимого замысла, большой гуманистической идеи. И в этом, как и во многом другом, композитор, несомненно, идя своим путем, вместе с тем следует традициям Чайковского, Прокофьева, Хачатуриана.

Каждый свой балет Эдгар Оганесян строит по законам крупной симфонизированной формы, объединяя отдельные номера, картины, сцены в едином процессе музыкально-драматургического развития с ясной экспозицией, связкой действия, развитием конфликта, сильными кульминациями и развязкой, идейным выводом, с контрастами и противоборством борющихся начал.

Развитие балетного творчества народного артиста Армянской ССР Э. Оганесяна от «Мармар» до «Антунис» отразило углубление всей художественной концепции, драматургии, музыкального языка, стиля и мастерства музыкально-хореографического творчества композитора.

Конечно же в столь обширном (если особенно иметь в виду сравнительно небольшой отрезок времени) балетном творчестве Э. Оганесяна не все равноценно. Пресса, в целом очень хорошо встретившая и высоко оценившая балеты Э. Оганесяна, вместе с тем отмечала и отдельные творческие недостатки, драматургические (сценарные, а отчасти и музыкальные) просчеты в «Мармар», известную упрощенность в решении конфликта в «Голубом nocturne», встречающуюся местами перенасыщенность звучности в «Вечном идоле», не всегда и не во всем оправданную условность и символику в пастановке «Антунис».

Но не эти отдельные просчеты определяют основную оценку балетов Э. Оганесяна, а их высокие идеально-художественные достоинства, о которых речь шла выше.

ГЛАВА IX

«САТИРА В ОПЕРЕ»

(«Господин Минтоев в Париже» Артемия Айвазяна)

Комическое как эстетическая категория — понятие ёмкое и широкое. Оно охватывает различные области, начиная от незлобивой шутки, иронии, буффонады и до острого сарказма, едкого гротеска, гневно разящей сатиры. Любимое народом искусство комедии играет большую роль не только как средство развлечения, но и как могучее средство социального и нравственного улучшения жизни, обличения зла, насилия, мещанства, пошлости, эгоизма и других пороков общества. Комедия дает возможность, по словам К. Маркса, «смеясь, прощаться с проштым»¹.

Армянский музыкальный театр, как уже говорилось, с самого начала своего возникновения, неоднократно обращался к комедии. Здесь можно вспомнить оперетты, комические оперы Чухаджяна — эти своеобразные музыкальные комедии нравов (укажем, например, на популярную «Леблебиджи хор, хор, ага»), остроумные, полные сочного юмора музыкальные сцены «Жертвы деликатности» Комитаса (по Акопу Пароняну). В 30-ые годы были созданы очень различные по характеру и сюжету две комические оперы. Одна из них — «Тапарникос» Артемия Айвазяна, написанная на основе комедии известного армянского комедиографа XIX века Акопа Пароняна «Восточный дантрист», в которой разоблачаются и высмеиваются развращенные нравы, эгоизм, преклонение перед всем иностранным, мещанская ограниченность буржуазного об-

¹ К. Маркс. Собр. соч. 2 изд. т. 1, стр. 418.

щества Константинополя XIX века. Как по сюжету, связанному с жизнью константинопольских армян, так и по некоторым стилистическим признакам (особенно по использованию западно-армянского городского мелоса), опера «Тапарникос» продолжала, в известном смысле, линию чухаджяновских оперетт.

Другую оперу написал Аро Степанин. Это — «Храбрый Назар» («Кадж Назар») — социально-сатирическая опера-памфлет по мотивам народной сказки. В этой опере в аллегорической, иносказательной форме давалась обличающая сатира на самодержавие, с его самоуправством и завоевательскими стремлениями.

С тех пор за многие годы не было создано ни одной армянской комической оперы, ни одного комедийного балета (появлялись лишь оперетты и музыкальные комедии А. Айвазяна, В. Тиграняна, С. Джербашяна, В. Котяна и других). В конце 50-ых годов Андрей Бабаев принялся работать над комической оперой «Багдасар ахпар» по А. Ширванзаде. Преждевременная смерть композитора не дала ему возможности полностью завершить оперу.

В шестидесятые годы комедийное сатирическое начало представлено в освещенной ранее опере «Сказка для взрослых» Э. Арутюняна и в опере «Господин Минтоев в Париже» Артемия Айвазяна.

Имя Артемия Сергеевича Айвазяна не раз встречалось в истории армянского музыкального театра. Известный композитор, талантливый исполнитель-виолончелист, представитель старшего поколения армянских советских музыкантов, А. Айвазян прошел большой жизненный и творческий путь. Он родился в 1902 году в Баку, где и получил общее и среднее музыкальное образование. Далее — Тбилисская консерватория, класс виолончели профессора К. Миньяра. Большое значение в формировании А. Айвазяна как композитора имели его занятия и общение с А. Спендиаровым в Ереване. В 1932 году А. Айвазян оканчивает Московскую консерваторию (класс проф. Козолупова), участвует во Всесоюзном конкурсе исполнителей, где удостаивается премии. Возвратившись в Армению, А. Айвазян работает в Ленинакане, Ереване, создает завоевавший известность Государственный эстрадный оркестр Армении, которым руководит в течение многих лет. Последние годы А. Айвазян был полностью занят творческой композиторской работой.

А. Айвазян является автором множества широко известных произведений камерной, эстрадной и киномузыки, оперетт и музыкальных комедий, двух опер и ряда симфонических сочинений (концертов, сюит и т. п.). Музыка А. Айвазяна очень мелодична, напевна, доступна; ее гармонический и оркестровый язык — ясный, чистый, в ней доминируют жанровые, бытовые зарисовки, преимущественно светлые, лирические образы, острые скерцозность. В музыкальном языке А. Айвазяна можно проследить связи с армянской народной (крестьянской, но чаще городской) песней, танцами, с традициями Т. Чухаджяна (в музыкальных комедиях, операх) и особенно А. Спендиарова. Близко композитору и творчество русских и западноевропейских композиторов (Шуберта, Грига, Чайковского, Рахманинова, Иоганна Штрауса, Оффенбаха, Кальмана). Многое связывает его с советской музыкой, преимущественно массовой и эстрадной (в частности И. Дунаевского).

И вместе с тем композитор обладает своим индивидуальным лицом, почерком. Произведения Артемия Айвазяна пользуются большой популярностью, не раз премировались на республиканских и всесоюзных конкурсах, а сам он удостоен звания народного артиста Армянской ССР.

Среди музыкально-сценических произведений А. Айвазяна — оперы «Тапарникос» и «Господин Минтоев в Париже» и ряд музыкальных комедий — «Восточный дантист», «Ашуг Мурад», «Счастливый день», «Любовь под звездами» и другие.

Особенно большую известность завоевали оперетты А. Айвазяна. Написанные с отличным знанием специфики жанра, особенностей музыкальной драматургии, веселые, остроумные, сочетающие комедийность положений с мягким лиризмом, наконец, «до краев» насыщенные очень мелодичной, выразительной и доступной музыкой, они с успехом шли и идут не только в Армении, но за ее пределами: в Киеве («Восточный дантист»), Харькове («Поздно да мало»), Баку («Счастливый день», «Любовь под звездами»), Тбилиси («Ашуг Мурад», «Любовь под звездами»), Москве (радиопостановка «Восточного дантиста», режиссер Е. Р. Симонов, в главной роли — Канделаки), а также Австрии, США («Восточный дантист»).

О некоторых из этих произведений уже шла речь в 1 томе данного исследования.

Опера «Господин Минтоев в Париже», написанная в

1963 г., тогда же была поставлена на сцене Ереванского театра оперы и балета им. Спендиарова¹. Органически связанная со всем предыдущим музыкально-театральным творчеством композитора, эта опера вместе с тем внесла и некоторые новые моменты. Это прежде всего политическая заостренность комедийного жанра. «Господин Минтоеа в Париже» представляет собою политическую сатиру на буржуазных эмигрантов, бежавших во время Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны за границу и оказавшихся в Париже. Как уже говорилось, либретто оперы написано на основе комедии «Кум Моргана» выдающегося армянского драматурга А. Ширванзаде, создавшего реалистическое произведение большой социально-обличающей силы.

Вслед за Ширванзаде А. Айвазян стремился создать сатирические обличающие зарисовки жизни и быта белоэмигрантов в Париже, показать их озлобленность против Советской власти, их духовную опустошенность и развращенность. Они мечтают любыми средствами реставрировать царский режим в России и возвратить себе утерянные капиталы. Здесь царит преклонение перед богатством, угодничество и дутое высокомерие, озлобленность и надежды, которым никогда не суждено сбыться. Обреченные историей, выброшенные за борт революцией, они представляют, как «осколки разбитого вдребезги старого мира. Их озлобленный осколок рождает и омерзение, и саркастический смех.

В центре оперы семья армянского нефтепромышленника, бакинского миллионера Минтоева, царский генерал Шуленко, князь Мазбуров и другие. Композитор пользуется приемом жанровых музыкально-ассоциативных характеристик. Таково, например, использование гимна Российской империи—«Боже, царя храни», ставшего для белоэмигрантов своеобразной эмблемой контрреволюции, выражением преданности монархии. На попевках этого гимна построены многие высказывания Минтоева, князя, генерала и других (например, их ансамбль в 1 акте и финал 1 акта — призыв к войне против большевиков). Верноподданническая многозначительная «торжественность» приобретает здесь комедийно-пошловатую окраску.

¹ Дирижер А. Катанян, режиссер Г. Капланян, художник С. Андрапян.

Для характеристики быта и нравов этого общества, проводящего большую часть времени в ресторанах и кабаках (где совершаются спекуляции, организуются заговоры, проматываются состояния, заливается шампанским тоска по «былому величию», «былой красивой жизни»), композитор обращается к широко распространенным в этой среде надрывным цыганским песням и пляскам, «жестоким» романсам, танцам алашей, причудливо сочетающимся с модными салонными танцами: танго, вальс бостон, чарльстон, а также таракяма.

Тогда, когда речь идет об армянских эмигрантах-буржуа, в музыке появляются те или иные признаки западно-армянской городской музыки, несколько напоминающей оперетты Чухаджяна (ранее мы не раз обращали внимание на близость музыкально-сценических произведений А. Айвазяна, например, оперы «Гапарникос» или оперетты «Восточный дантист», чухаджяновской традиции.).

Таких признаков в опере «Господин Минтоев в Париже» много. Это и характерные мелодические обороты с интервалом увеличенной секунды, и подчеркнутая квадратность, симметричность построения предложений, периодов и, в отдельных местах, «каскадная» оживленность ритма и т. д.

Прием характеристики через «жанр» (термин Альшванга) распространяется и на отдельные персонажи. Так, например, легкомысленный, циничный прожигатель жизни, сын Минтоева Жорж, характеризуется порхающими, подтанцовывающими, салонно-мазурочными ритмо-интонациями, приобретающими значение своеобразного лейтмотива. Иначе обрисованы положительные герои: преданный родине, тоскующий о далекой Армении Армен и чуткая натура — Лидия. Их музыка более опоэтизирована, лирична, возвышена. Здесь можно услышать интонации живого чувства, искреннего высказывания. А в речитативе арии Армена (из I акта) даже интонационные обороты, идущие от народных баяти, ашугских импровизаций.

Опера содержит массовые хоровые и танцевальные сцены, выразительные арии, ансамбли; музыкально-сценическое действие развивается динамично. Речитативы, написанные в манере комических опер России, основаны вместе с тем на интонациях бытовой разговорной речи. Но, по-видимому, им недостает индивидуальных оттенков, соответствующих характеру отдельных действующих лиц.

Хотя опера «Господин Минтоев в Париже» по силе обличающей сатиры и меткости характеристик не может сравниться со своим литературным первоисточником (гениальной комедии Ширванзаде), все же представляет интерес, как опыт создания комической оперы в плане политической сатиры, опыт тем более ценный, что подобных опер в армянском музыкальном театре чрезвычайно мало (здесь можно назвать лишь «Кадж Назар» А. Степаняна и «Сказку для взрослых» Э. Арутюняна, решенных, кстати, в аллегорическом, сказочном плане),

---

ГЛАВА X

НА ЛЕНИНГРАДСКИХ СЦЕНАХ

Во второй половине шестидесятых годов на сценах Ленинградского академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова и Академического Малого оперного театра были показаны два интересных по содержанию и художественному воплощению балета Надежды Симонян, композитора, биография которого прочно связана с замечательным городом на Неве.

Надежда (Шогакат) Симоновна Симонян родилась в 1926 году в Ростове-на-Дону, где и протекали ее юные годы. С детства она очень любила музыку, пробовала сочинять. Ее родные—мать, сестры, да и она сама—любили петь армянские песни, особенно Комитаса.

Далее следуют занятия в Ростовской музыкальной школе на фортепианном факультете, первые творческие опыты в области композиции, поступление в музыкальное училище при Ленинградской консерватории и, наконец, сама консерватория, которую она окончила по двум специальностям—фортепиано и композиции (в 1950 г.). По роялю Н. Симонян занималась у проф. П. А. Серебрякова, а по композиции у М. О. Штейнберга, М. Ф. Гнесина, О. С. Чишко и В. В. Пушкина, по классу которого окончила аспирантуру в 1953 году.

Начался путь интенсивной самостоятельной творческой деятельности. Н. Симонян пишет много в самых различных жанрах и формах—преимущественно симфоническую, а также музыку для театров и кино. Ее произведения

пользуются успехом и известны как в Советском Союзе, так и за рубежом¹.

Живя вдали от Армении, Н. Симонян всегда чувствовала «кровную связь с землей своих предков»; она интересуется «историей армянского народа, его богатейшей культурой, тем мощным взлетом, который осуществлен народом Советской Армении». Восторженно рассказывает о своем посещении Армении в 1932 и 1959 годах, подчеркивая те грандиозные изменения, которые произошли в жизни республики за это время. «С волнением говорит она об изумительной красоте природы Армении, о бликах солнца на вершинах гор, о прекрасно-величавом озере Севан, о поэтической тишине сельского кладбища в Дарачичаге»².

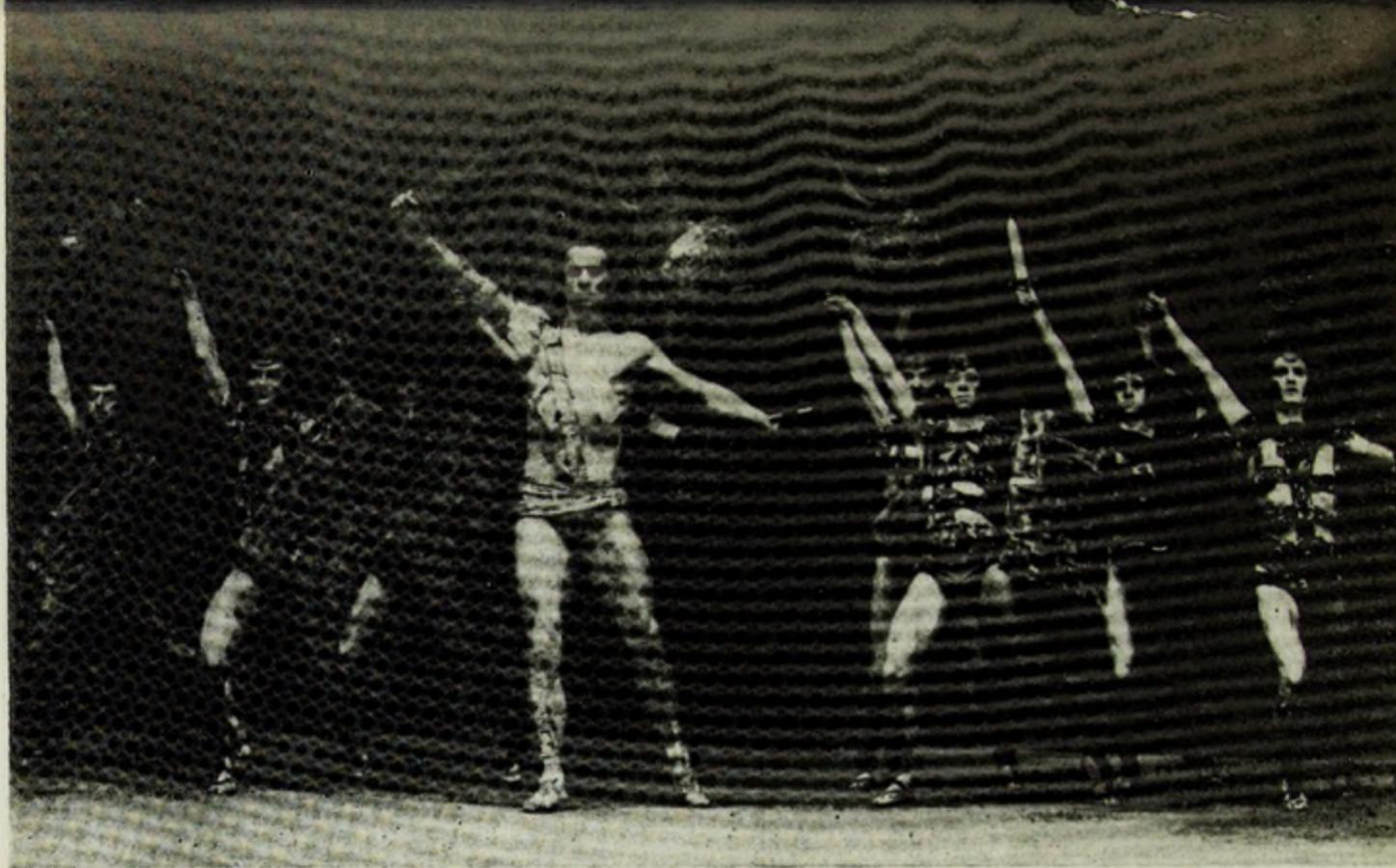
Армения, Восток занимают большое место в творчестве Н. Симонян. Это и «Вариации на восточную тему», и «Лезгинка» (для фортепиано), и романсы на тексты Аветика Исаакяна, и многие страницы Первого и Второго концертов для фортепиано с оркестром, и многочастная кантата «Севан» и, наконец, широко известная музыка к фильму «Старик Хоттабыч».

Музыку Н. Симонян отличают мужественная патетика, большая эмоциональность, темперамент. Восторженный лиризм, романтика чувства, поэтичность, сочетаются в творчестве композитора с сочностью жанровых зарисовок и напряженным драматизмом. Благодаря якости тематизма, мелодического рисунка, красочности гармонии и оркестровки, остроте ритма, музыка Н. Симонян легко запоминается и пользуется заслуженной популярностью. Что же касается национального колорита музыки Н. Симонян, то он, в основном, связан с тем высоко поэтичным ориентализмом, который восходит к «русской музыке о Востоке», но с органично и уместно вкрапленными фрагментами армянского мелоса.

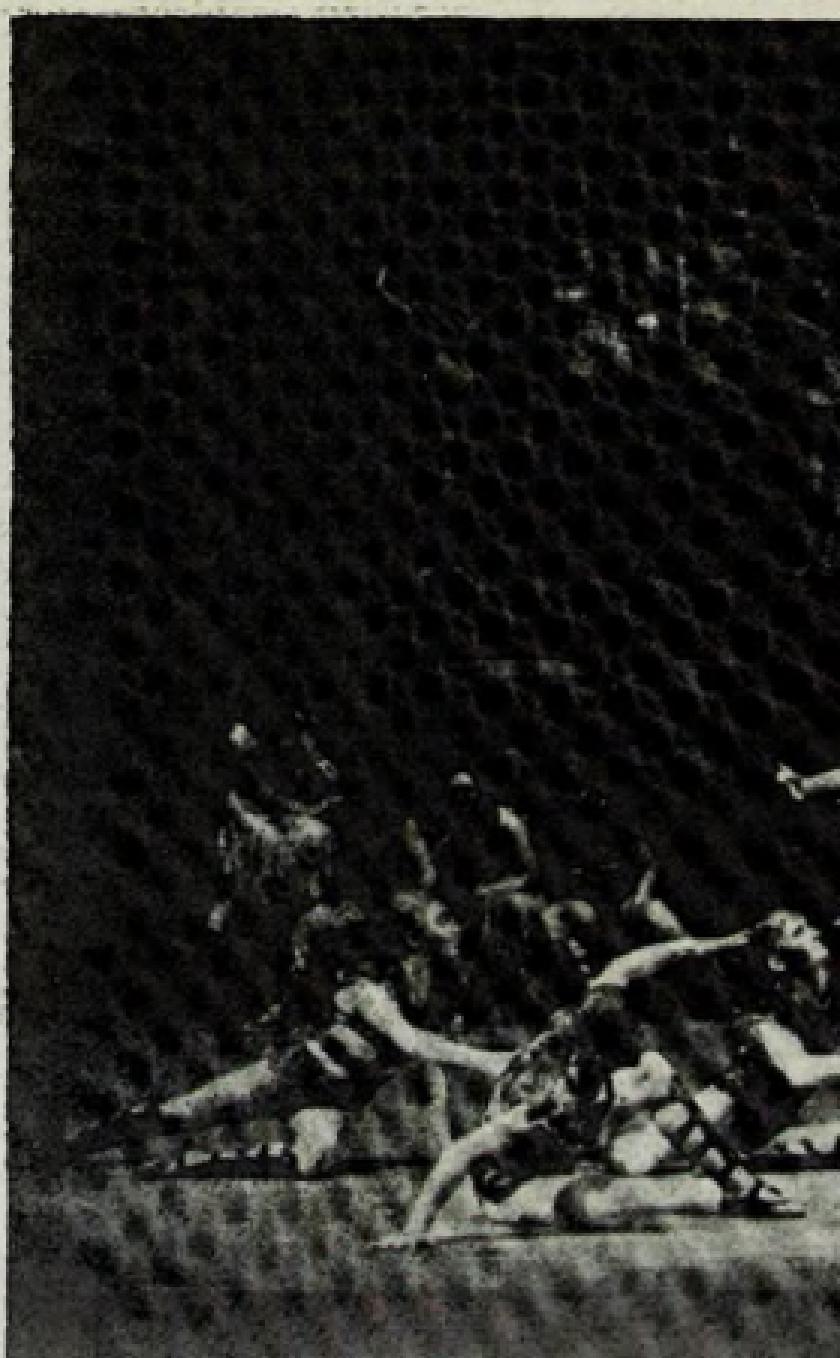
Есть еще одна черта, особенно свойственная творчеству Н. Симонян — это большая конкретность, почти «эримость» образов, программная живописность, картинность музыки. «Я очень люблю театр, пластическое начало в искусстве.

¹ О Н. С. Симонян см. статью Е. Бонч-Осмоловской «На пути к творческой зрелости». Журн. «Советская археология», Ереван, 1959, № 5, стр. 28.

² По цитируемой статье Е. Бонч-Осмоловской.

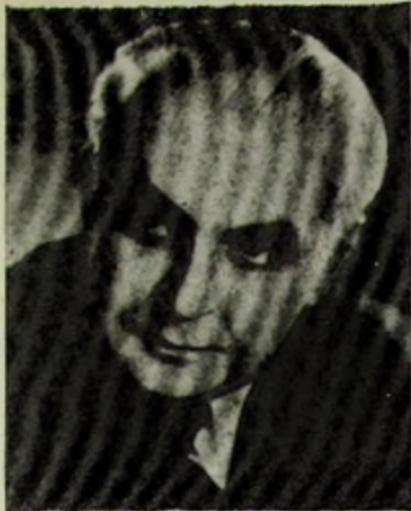

Балет «Спартак». Варшава.

Балет «Спартак». Варшава.

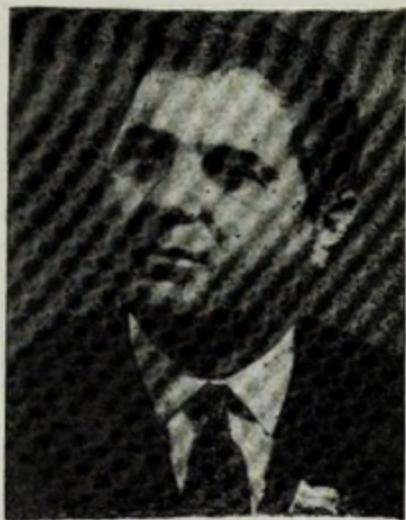

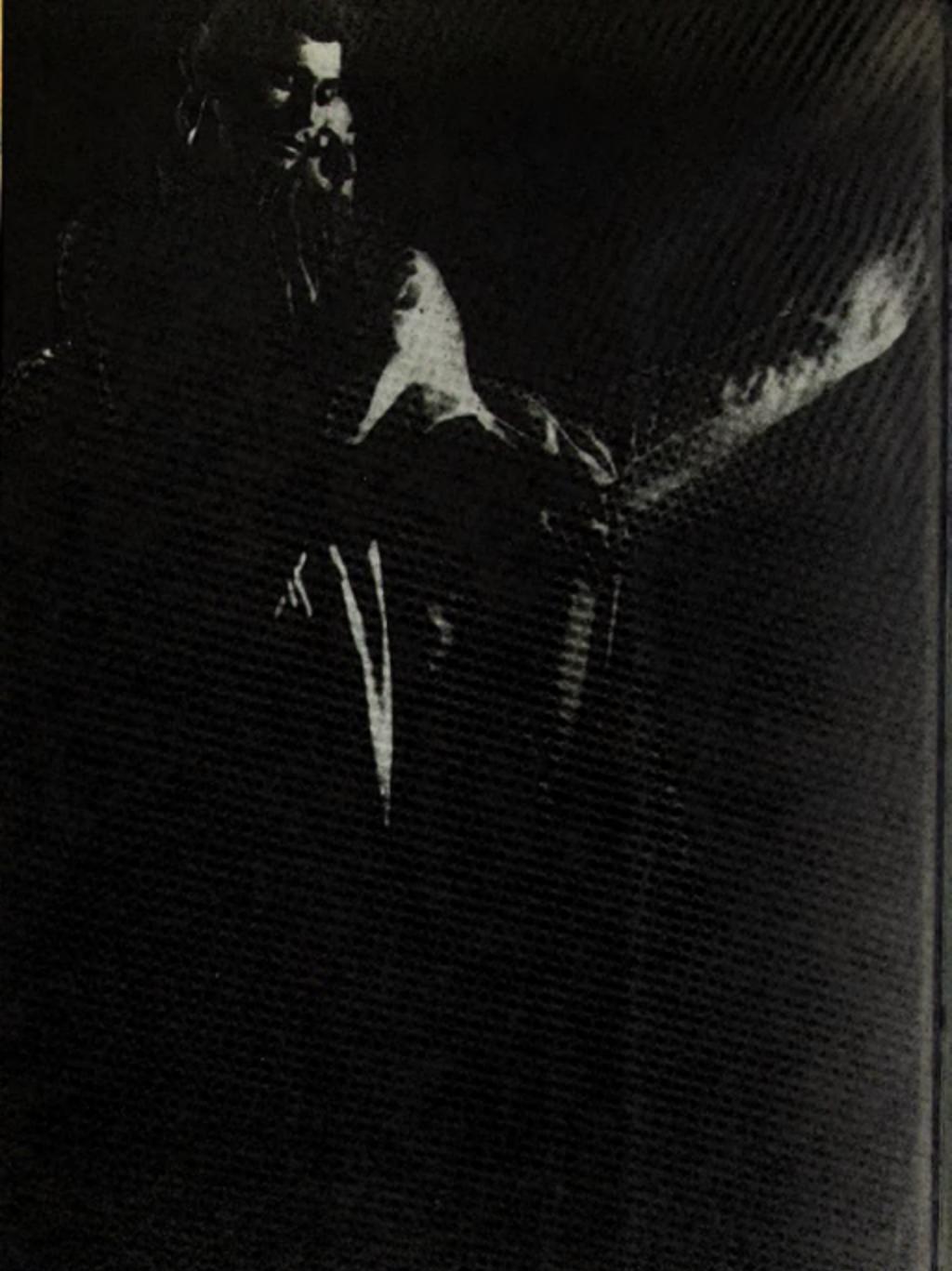
Артемий Айвазян.

Александр Арутюнян

Эдгар Оганесян

Балет «Антуни». Ереван.
Антуни — В. Галстян, Хумар — А. Марикян.

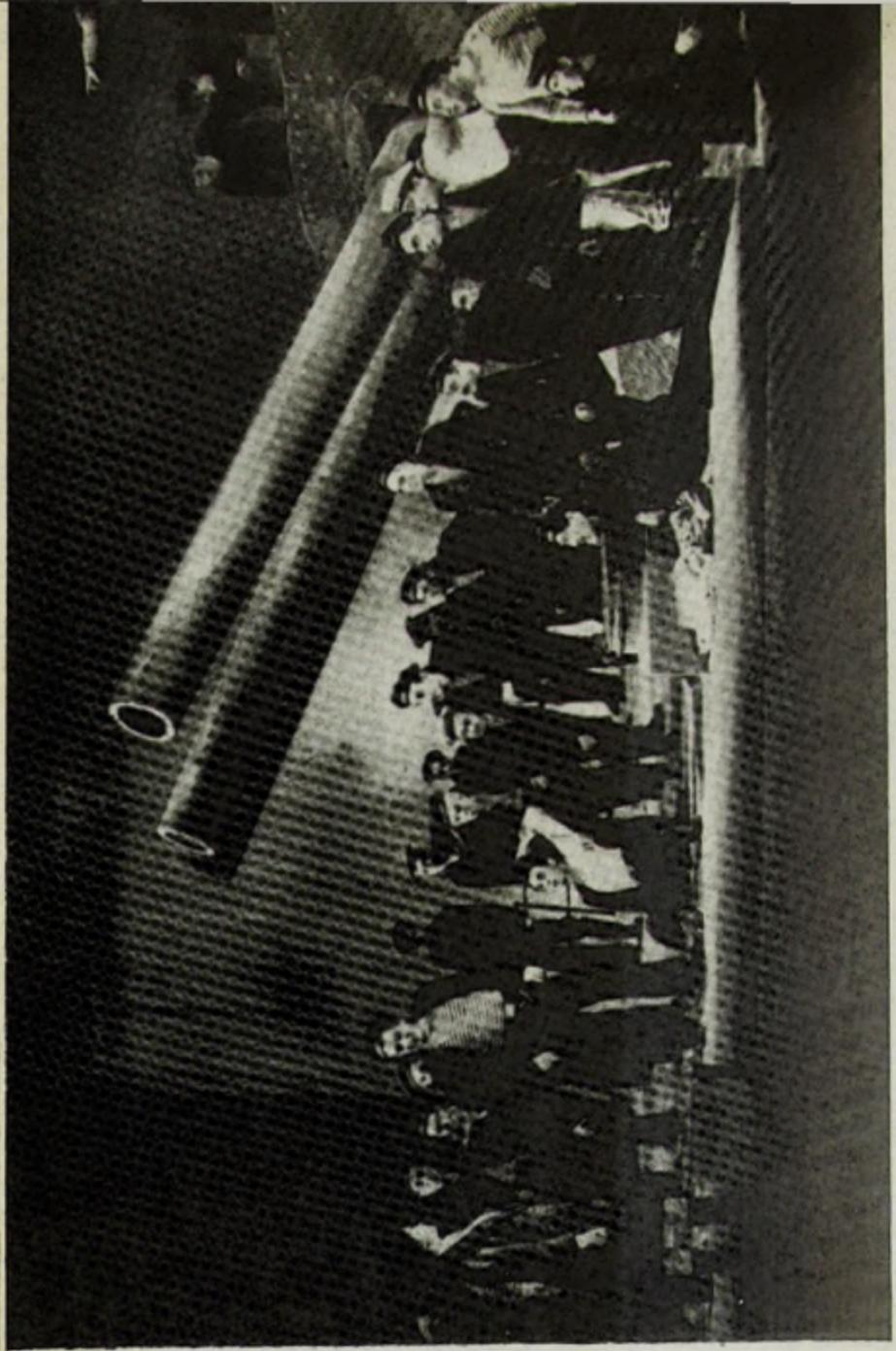
Балет «Вечный идол». Ереван.

Балет «Голубой ноктюрн». Ереван.

Опера «Царь Эдип». Ереван.

Я придаю громадное значение в музыке ритму, ритмическому импульсу, перву; это, должно быть, идет еще от моего восточного происхождения.

И не случайно, что Н. Симонян пишет очень много музыки для театров и кино. Число созданных ею произведений этого жанра непостижимо велико (35 фильмов, 40 театральных спектаклей), но главное, что созданная ею музыка не только написана на высоком художественном уровне, но и играет активную драматургическую роль. Достаточно назвать такие кинофильмы, как «Снежная королева» (премия на фестивале в Канаде), «Дама с собачкой» (I-ая премия на фестивале в Каннах), «Горизонт», «Степан Кольчугин», «Старик Хоттабыч» (I-ая премия на фестивале в Сорренто) и спектакли «Лиса и виноград», «Сеньор Марио пишет комедию», «Три соловья дома № 17» и другие.

Все это, несомненно, подготавливало к созданию композитором крупных музыкально-театральных произведений — балетов.

«Театр и кино меня очень многому научили,— говорит Н. Симонян.— Здесь я прошла большую школу реализма и мастерства; научилась писать быстро, точно, с обязательным заданием попасть «в самую точку» драматургического замысла. Кино и театр (каждый по разному) требуют от композитора мыслить художественными обобщениями в масштабе целого и вместе с тем конкретно, в соответствии с развитием сюжета и следованием кадров. Никакая самодовлеющая абстракция и умозрительность, как бы глубокомысленны они не были, не спасут от провала музыки в театре и кино».

Итак, увлечение кино и театром, острое чувство ритма, пластики, танцевального начала и свободное владение богатой палитрой оркестровых красок, широкими возможностями симфонической музыки обусловили обращение Н. Симонян к балетному творчеству. «Классическая основа, на которую я опиралась, создавая балетную музыку, связана, в первую очередь, с именами великих композиторов: Чайковского (особенно партитурой его «Щелкунчика»), Стравинского («Весна священная», «Жар-птица») и Прокофьева (преимущественно «Золушка», «Ромео и Джульетта»). В области же создания армянского балета, да и вообще восточного балета, я считаю, пожалуй, самым выдающимся произведением — «Гаянэ» Хачатуриана».

Первый балет Н. Симонян был создан в 1965 году и тогда же поставлен на сцене Ленинградского академического театра оперы и балета им. Кирова. Несколько позже он был с большим успехом показан в Москве в Кремлевском театре во время гастролей Ленинградского театра. Балет этот носит поэтическое название «Жемчужина» и создан по одноименной повести известного американского писателя Д. Стейнбека (либретто В. Соколова и К. Боярского).¹

В балете показаны жизнь, любовь, страдания и борьба смелых и мужественных индейцев, простых людей с чистым сердцем, благородными стремлениями. Резко противостоит им мир угнетателей, где господствуют звериные законы эгоизма, стяжательства, социального неравенства, несправедливости, где царит жестокая, мертвящая и разворачивающая власть золота, капитала.

Готовясь к работе над балетом, Н. Симонян прослушала и изучила множество фонограмм с записями музыки южно-американских индейцев (эти записи хранятся в Ленинградской консерватории), вслушивалась в исключительно характерное по манере и стилю исполнения пение Имы Сумак.

Вникая в ладо-интонационные, ритмические, тембральные особенности музыки южно-американских индейцев, а через нее постигая характер самой жизни, поэтический дух этого народа, его психический склад, нравы, внешний и внутренний облик, Н. Симонян создала свою музыку. В балете она оригинальна (без прямых заимствований из фольклорных источников). Лишь одна тема — лейттема любви, имеет в своей основе подлинную народную мелодию, привезенную композитору пианистом Павлом Серебряковым из Бразилии, где он выступал с концертами и среди других произведений играл и фортепианный концерт Н. Симонян.

В балете имеются и другие темы-характеристики, играющие значительную роль во всей музыкальной драматургии произведения. Это темы народа, мечты, гнета, Кино, Хуаны, а также жемчужины. В соответствии с развитием сюжета и драматического действия, эти темы видо-

---

1. Дирижер В. Федотов, балетмейстер Л. Боярский, художник Э. Стенберг.

изменяются, трансформируются, вплетаются в сквозное симфоническое развитие. Так, например, тема любви (с характерным лейттембром альтовой флейты) вырастает в большое лирическое адажио (III картина I акта).

Кино лежит на берегу. Ему кажется, что прекрасные жемчужины выплеснуты на берег. А над ним — россыпь звезд в небе. Наплытом возникают красочные звучания, кларнета, челесты, рояля, глиссандо эмеритона (напоминающее глиссандирующие пассажи Имы Сумак) — тема жемчужины. Ловцы жемчуга уходят на промысел, Кино вместе с ними. Его мечта сбывается: он находит жемчужину необычайных размеров. Теперь он и Хуана будут счастливы. И они смогут обвенчаться в церкви. Именно здесь и возникает это большое адажио на теме любви.

В середине его — хоральные звучания органа со скрипкой, ассоциируемые с мечтою о возможном бракосочетании.

В дальнейшем, по мере нарастания драматических коллизий, тема любви, тема мечты сильно деформируются. Кино, защищаясь от преследователей, убивает двух из них. Но третий успевает застрелить маленького сына Кино — Койотито. В музыке все «рушится». Жестоко, мрачно звучат челеста и рояль, органные аккорды. Однокой, истерзанной предстает тема мечты (вернее ее обрывки) у кларнета.

Финал балета. Хуана уводит Кино из страшного города и молит бросить в воду жемчужину, которая принесла им столько несчастья. Кино исполняет ее желание — жемчужина снова на дне океана. Светает. Что принесет им грядущий день?

И снова звучит у струнных и эмиритона тема любви. Полнозвучно, страстно опевают друг друга голоса оркестра.

Выразительно, сочными красками написаны массовые сцены. Они тесно сплетены с развитием основной драматургической линии, связанной со всей трагической историей любви и мечты о счастье Кино и Хуаны. Тема народа появляется уже в I-ой картине, когда сбежавшиеся соседи тщетно пытаются спасти ужаленного скорпионом ребенка Кино и Хуаны. С большим размахом написаны 3-я картина II акта и I-ая картина III акта. Город, аукцион, где Кино хочет продать свою жемчужину (сверкающий танец камней). Скупщики, доктор, подсылающий к Кино женщину с целью выкрасить жемчужину (танго). Защищаясь, Кино убивает доктора. Тревожный набат, возвещает, что в селении пожар. Сцена пожара — одна из кульминаций балета. В музыке бушуют пассажи струнных, грохочут удары литавр, тревожно звучит колокол-набат и все это прорезают трагические возгласы медных. Народ толчет горящие головни — возникает мощный, исполненный силы, энергии и гнева танец «тушения огня». На фоне остинатных ритмических фраз — целая «армия» ударных, (здесь использованы подлинные ритмы музыки туземцев) — стенания медных инструментов.

Мелькают темы народа, гнета, любви. Здесь особенно проявляется мастерство композитора в создании многоплановой партитуры.

Тема гнета (с характерными эффектами — «ударами» frusto — хлыста, бича) появляется в балете не раз и в наиболее драматически насыщенных местах. Так, например, они звучат уже во 2-й картине I акта, когда Кино умоляет доктора спасти ужаленного скорпионом сына. Но тот непреклонно отказывает, ведь у Кино нечем заплатить.

В музыке балета «Жемчужина» есть законченные танцевальные номера, но более присущ ей принцип сквозного развития, применение «действенных танцев», развитых музыкально-хореографических сцен, своеобразно преломленных приемов смены «кадров».

В прессе давалась высокая оценка музыке балета, и вместе с тем высказывался ряд критических замечаний по поводу постановки и художественного оформления спектакля.

Через пять лет, в 1970 году, на сцене Ленинградского академического Малого оперного театра состоялась премьера второго балета Н. Симонян — «Старик Хоттабыч».

по повести Л. Лагина (либретто Л. Лагина и К. Ласкари)¹. Как уже говорилось, к теме, связанной со стариком Хоттабычем, Н. Симонян уже однажды обращалась в кино. Эта тема привлекала ее многим, и благородной темой любви к людям, и сказочным сюжетом, и близким ее сердцу восточным колоритом. В кино музыка Н. Симонян играла значительную роль, но в балете она приобретала возможность стать ведущим фактором спектакля. Конечно, кое-что из музыки фильма было использовано и в партитуре балета, но многое написано заново.

«Старик Хоттабыч» — балет-феерия, блестящий, искрящийся, красочный. В нем проявилась яркая фантазия, изобретательность композитора, его склонность к живописной красочности, мягкому лиризму, богатству оркестрового колорита. Оркестр здесь тонкий, легкий, узорчатый, изобилующий виртуозно-орнаментальными элементами. И еще одна особенность музыки балета — мягкий юмор, общий жизнерадостный колорит.

Легко, непринужденно, весело и добродушно повествуется в балете о приключениях двух пионеров, Вольки и Женьки, и доброго старого джинна-волшебника, попавшего в необычные для него условия жизни советских людей. На этой основе возникает множество неожиданных, занятных, полных комизма ситуаций, раскрываются высокие моральные качества советских людей, их дружба, солидарность, взаимная выручка, коллективизм.

В отличие от «Жемчужины», балет «Старик Хоттабыч» имеет в основном номерное строение, придающее особую ясность, четкость, доступность музыкально-сценическому действию. В соответствии с сюжетом Н. Симонян широко использует интонационную сферу «восточной» музыки. Здесь она полностью в своей стихии. Укажем, например, на очень живописную музыку полета «ковра-самолета». Выразительная мелодия, основанная на характерных восточных попевках, подголоски, опевающие голоса, многообразная музыка, включение все новых эпизодов по мере того, как «ковер самолет» пролетает над Индией (здесь используются особые ритмы, звучания ударных) и другими странами. Тремоло струнных, глиссандирующие пассажи

¹ Дирижер Ю. Богданов, балетмейстер К. Ласкари, художник М. Азизян.

деревянных, вся красочная музыка, напоминающая партитуры импрессионистов, создает ощущение воздуха, ветра, полета.

Очень красочен эпизод с шествием каравана. Остинатный ритмический фон (ксилофон), вступление различных тем, постепенное усиление динамики звучания, включение новых интонационно-тембровых пластов, передают шумную, пеструю, оживленную картину приближающегося каравана. Прием постепенного «приближения» темы, ее вариационное развитие отчасти вызывает ассоциации с «Болеро» Равеля. Мягким лиризмом отмечена прелестная колыбельная (Хоттабыч поет ее Вольке) очень мелодичная и задушевная.

Третий балет, над которым в настоящее время работает Н. Симонян совместно с известным балетмейстером К. Сергеевым и сценаристом В. Соколовым, также сказочный. Он создается на основе замечательной сказки Андерсена «Снежная королева», воспевающей чистую, прекрасную верную любовь. Как уже говорилось, Н. Симонян ранее принимала участие в создании кинофильма на этот сюжет. Тогда и была найдена та сфера интонаций, на основе которых создается новый балет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выше была сделана попытка осветить развитие армянского музыкального театра в 60-х и начале 70-х годов, познакомить читателя с наиболее цennыми и интересными произведениями и их авторами, ввести его в творческую проблематику этой области национальной художественной культуры.

Рассматривая этот период в истории армянского музыкального театра как самостоятельный и, вместе с тем, органично связанный с предыдущими этапами, в настоящем труде была сделана попытка привлечь внимание читателя к важным и интересным процессам, протекающим в нем за последние 10—15 лет.

Было отмечено заметное оживление в армянском музыкально-театральном творчестве, обращение к нему композиторов различных направлений и почерков, разных поколений, приток новых сил и появление интересных произведений, получивших достаточно широкое общественное признание. Как указывалось, ряд опер и балетов армянских авторов был удостоен Государственных премий Арм. ССР, премий и дипломов на Всесоюзных конкурсах, посвященных 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, 50-летию образования СССР, премии имени Джавахарлала Неру (балет «Шакунтала» С. Баласаняна).

Ленинская премия была присуждена балету «Спартак» А. Хачатуряна. Значительно расширился интерес к армянскому музыкально-сценическому искусству как в республике, так и далеко за ее пределами, о чем, в частности,

свидетельствуют постановки и показы ряда армянских опер и балетов на сценах многих театров Советского Союза и за границей.

Вопросам, связанным с развитием армянского музыкально-театрального искусства была посвящена, организованная Союзом композиторов Армении специальная дискуссия; эти вопросы стали чаще, хотя и далеко недостаточно, освещаться в прессе, ставились на пленумах и съездах композиторов.

В армянском музыкальном театре 60-х и начала 70-х годов нашли художественно-опосредованное отражение некоторые общие закономерности развития советского общества этих лет, выдвинутая временем социальная и этическая проблематика, некоторые общие характерные тенденции, проявившиеся как во всем музыкальном творчестве этих лет, так и в смежных видах искусства (симфоническая, камерная музыка, театр, кино и т. д.). Об этом говорилось как в первой (вступительной) главе, так и в других главах книги. В частности отмечалось стремление армянских композиторов ответить своим творчеством на все возрастающие требования, предъявляемые нашим народом, партией к искусству, как наиболее действенному средству в идеально-художественном воспитании масс.

Примечательна наметившаяся тенденция значительного расширения идеально-образного содержания, сюжетно-тематического, жанрового диапазона армянского оперного и балетного творчества. В этой связи подчеркивалось принципиально важное значение появления ряда новых опер и балетов, посвященных революционной борьбе народа за установление Советской власти в Армении, героическому подвигу советских людей в Великой Отечественной войне..

Причем отмечались различные решения этих ответственных творческих задач как в сюжетном, драматургическом, так и в жанровом и стилевом плане. Подчеркивалась, например, трактовка этих тем в традициях революционного театра, драматургии Брехта и античной трагедии (опера «Огненное кольцо»), в приемах социально-психологической драмы (опера «Крушение»), в хроникальном (опера «Человек из легенды») или условно аллегорическом аспекте (балет «Бессмертие»).

Достижения армянского музыкального театра за последние годы в решении ответственной творческой задачи

художественного исследования, осмысления и отражения важнейших этапов жизни советского общества — революции, гражданской и Великой Отечественной войн, социалистического строительства,— нельзя не заметить. И в этом отразились некоторые общие тенденции развития советского музыкального театра.

Но современность искусства — категория не только временная, хронологическая, но и классовая, мировоззренческая. Она проявляется, в частности, и в современной позиции советского художника, вооруженного марксистско-ленинским мировоззрением, в современном аспекте подхода к событиям и явлениям прошлого. С особой силой это проявилось в балете А. Хачатуриана «Спартак», где конкретные исторические события, связанные с восстанием рабов-гладиаторов против угнетателей обернулись широкими обобщениями, актуальными и для середины XX века, когда освободительная борьба народов против неоколониализма и империализма охватила целые континенты.

Широкое отражение в национальном музыкальном театре получила «связь времен», историческое прошлое Армении, вековая освободительная борьба народа против иноземных завоевателей и внутренних угнетателей. Причем в музыкальных произведениях концепция исторического процесса отразила общую позицию советского искусства, исходящего из понимания истории не как истории замков и дворцов, династий, королей, феодалов, а как истории трудового народа, освободительной борьбы, революционных движений. Ранее говорилось (в первых томах) о том, как в операх и балетах армянских композиторов воскрешались, например, события, связанные с восстанием рабов в древнем Риме («Спартак»), борьбой армянского народа против иноземных завоевателей в VIII веке («Давид Сасунский»), крестьян-тондракийцев против феодалов в XIV веке («Нунэ»). В этих исторических эпopeях утверждалась и идея братской солидарности народов в общей борьбе («Давид Бек»).

В широких социально-исторических антитезах предстают здесь два антагонистических мира: насилия, тирании, деспотии и с другой стороны — вольнолюбия, равенства, гуманизма. Логическое продолжение такой трактовки истории мы видели и в решении историко-революционных тем, связанных с Великим Октябрем, гражданской войной, борьбой за победу социализма в нашей стране.

По-новому предстала в армянском музыкальном театре, в частности, в балете «Вечный идол» Эдгара Оганесяна, древность страны, суровая, неистовая пора языческой Армении с ее противоречиями, жестокими обычаями, законами жрецов и неукротимым стремлением к свободе, со стихией страстей и беззащитностью человеческой личности. Но и здесь, воссоздавая далекое прошлое, своеобразную атмосферу, композитор концентрирует внимание на гуманистической теме, связывает прошлое с современностью, как в осмыслении сюжета, трактовке образов, так и в использовании музыкальных выразительных средств, заставляющих вспоминать и И. Стравинского, и Б. Бартока, и С. Прокофьева, и А. Хачатуриана.

Эта характернейшая для современного передового искусства «перекличка эпох», «связь времен», когда прошлое отображается не в пассивно-стилизованном плане, а в живом, реальном; когда оно осмысленно художником с позиций современных прогрессивных, социальных, философских, эстетических взглядов, ярко проявилась и в балете Сергея Баласаняна «Шакунтала» по одноименной поэме поэта-мыслителя древней Индии Калидасы. Думается, что именно так будет решен и новый балет Эдгара Оганесяна «Давид Сасунский». Это та плодотворная традиция, которую успешно утвердил в армянском музыкальном театре Арам Хачатуриян своим балетом «Спартак», где с небывалой полнотой проявляется способность композитора увидеть и понять в историческом прошлом широкую, обобщенную, актуальную проблематику, волнующую человечество и сегодня.

Прошлое вошло в армянское оперное и балетное творчество и в связи с произведениями, посвященными великим представителям национальной культуры. Речь шла об операх «Хачатур Абоян» Г. Арmenяна, «Саят-Нова» А. Арутюняна и балете Э. Оганесяна «Антунис», посвященном Комитасу. Все эти произведения очень разные по характеру, стилю, авторскому почерку, но опять-таки в них можно заметить, как общую характерную тенденцию, стремление связать судьбу художника с судьбой страны, народа, понять и отобразить его личность, его творения в аспекте эпохальных событий, исторических катаклизмов, освободительной, национальной и социальной борьбы различных времен.

И опять, былое сменяется более близкими к нам временами, но осмысливается уже в сатирических тонах. Речь идет об опере Артемия Айвазяна «Господин Минтоев», осмысляющей и обличающей буржуазных эмигрантов, бежавших от революции в Париж.

В публицистическом плане решен балет «Голубой ноктюрн» Э. Оганесяна, затрагивающий проблему призвания и долга современного художника.

Как обличение капиталистического, колониального мира с его бесчеловечной моралью — «человек человеку — волк», с царящим в этом обществе культом золота, наживы, предстает балет «Жемчужина» Н. Симонян.

Выше не раз говорилось о прочных связях армянского оперного и балетного творчества с эпосом, сказкой, легендами, с той народной аллегорией, в которой запечатлелись с огромной обобщающей силой мудрость, социальные и нравственные идеалы многих поколений. Причем можно было составить себе представление о том, как менялись характер трактовки этих тем и методы их художественного воплощения.

Хочется еще раз обратить внимание на серьезность подхода армянских композиторов к воплощению в музыкальном театре сказочных, мифологических сюжетов, на многообразие направлений, по которым идут сейчас творческие искания в решении этих тем. Мы видели здесь сюжеты, темы, не раз встречавшиеся в армянском музыкальном искусстве и связанные, в частности, с непреходящим значением для всей национальной художественной культуры поэзии Ованеса Туманяна (балеты «Ивушка», «Ахтамар», «Сако Лорийский»; оперы «Сказка для взрослых» «Хозяин и работник»). Нашла свое воплощение в армянской музыке поэма Лермонтова «Три пальмы». Но, как указывалось нами ранее, в трактовке этих сюжетов наметились некоторые новые тенденции, интересно проявившиеся, например, в опере «Сказка для взрослых», где туманяновский сюжет получил истолкование в плане остро-сатирической, современной антивоенной оперы-памфлета.

Совершенно новыми для армянского музыкального театра оказались сюжеты эсхиловского «Прометея» и «Сотворение мира» по Эффелю. Они повели творческую мысль в армянском сказочном балете по новым и совершенно различным направлениям. «Прометей» связал балет с античной трагедией, глубочайшей философской мыслью, с идеей

геронческого подвига во имя счастья человечества, а весь идейно-образный строй его потребовал музыкально-сценической драматургии, приближающейся по своим масштабам, характеру и напряженности развития к жанру героико-трагической симфонии.

Балет же «Сотворение мира» ввел в армянский балет сферу антирелигиозной сатиры, публицистики, проксфейского сарказма.

Сказочное, фантастическое, легендарное начало приобрело в армянском балете аллегорическое значение, стало средством иносказательного воплощения тем большого гражданского, патриотического звучания. Об этом свидетельствуют, например, два балета, посвященные героям советских людей в Великой Отечественной войне: «Бессмертие» и «Героическая баллада». Первый из них — насыщенная напряженным драматизмом хорео-симфония, второй же — балетная транскрипция одноименного концерта для рояля с оркестром, написанного в виде контрастно развивающихся, очень экспрессивных, эмоционально приподнятых вариаций.

Сказочная тема получила новое развитие и в армянском балете для детей. Здесь рядом с «вечным» сюжетом о красной шапочке (балет «Красная шапочка») появились сюжеты, заимствованные из советской литературы для детей. В этой связи упоминались балеты «Майдодыр» (по К. Чуковскому) и «Старик Хоттабыч» (по Лагину).

Говоря о сказочно-фантастических темах в современном армянском музыкальном театре, следует подчеркнуть их реалистическое истолкование, в большинстве случаев близкое к трактовке их в народном творчестве. И в этой сфере армянского музыкально-театрального искусства утверждаются высокие гуманистические идеалы, воспеваются духовная, нравственная красота человека, свобода, мир, дружба, справедливость и высмеиваются, обличаются зло, насилие, война, ложь, предательство.

Нетрудно было заметить, что идейно-образному обогащению современного армянского музыкально-сценического искусства во многом способствовало значительное расширение круга литературных произведений, к которым обращались композиторы, как к прообразам либретто и сценариев своих опер и балетов. Здесь, наряду с замечательными армянскими писателями Хачатуром Абовяном, Ованесом Туманяном, Егише Чаренцем, Ширванзаде, впервые

обращение к Эсхилу и Калидасе, к Лермонтову и к русским советским писателям — Борису Лавреневу, Корнею Чуковскому, к известному современному американскому писателю Стейнбеку и французскому художнику Эффелю.

Значительное идеально-тематическое расширение музыкально-театрального творчества, естественно, сказалось и на расширении жанров, форм, принципов композиционного строения. Знакомясь с рассмотренными выше операми и балетами армянских авторов, мы видели среди них произведения: героико-эпические, лирико-драматические, сказочные, сатирические; одни из них приближались по своим жанровым и композиционным признакам к психологической драме или ламфлету, другие — к греческой трагедии или лаконичной современной публицистической драме, третьи — к комедии «дел арте» или революционному театру Брехта.

Если же говорить о музыкальных аналогиях, то их диапазон также достаточно широк. В некоторых произведениях прослеживаются связи с традициями Спендиарова, Хачатуриана, Комитаса, в других — с Прокофьевым, Шостаковичем, Бартоком, Бриттеном, Стравинским...

Все это также свидетельствует о расширяющемся творческом диапазоне армянского музыкального театрального творчества.

Рассматривая современные армянские оперы и балеты, можно заметить расширение авторского кругозора и в композиционном строении. Одни произведения написаны в традициях классических номерных опер, в других — можно заметить последовательно проводимые принципы сквозного развития, построения больших сцен, картин; третьи — оставляют впечатление законченного симфонического цикла с характерным для симфоний интенсивным тематическим (лейтмотивным, лейттематическим) развитием. В некоторых превалирует песенно-мелодическое начало, в других — речитативно-декламационное. Но чаще всего эти начала сосуществуют и органично взаимодействуют. Внутри опер и балетов мы не раз подчеркивали наличие развернутых музыкальных форм типа rondо, пассакалии, фуги, сонаты и т. п. В структуре ряда произведений отмечалось применение приемов, характерных для кинодраматургии: «кадровая драматургия», наплывы и т. п. Как характерную тенденцию можно было заметить во всех произведениях — стремление авторов к драматургической

цельности, действенности, динамичности форм и всего музыкально-сценического развития.

Наряду с операми и балетами, в которых главная драматургическая нагрузка падала на монологи, ансамбли — дуэты, трио, pas de deux, pas de trois (соответственно склонности авторов к углубленному раскрытию душевных переживаний героев, их раздумий, диалогов, столкновений), встречались произведения, где ведущую роль играли хор, кордебалет, как выразители массового начала, коллективного образа народа.

Признаки жанрового стилевого многообразия проявляются на различных уровнях, включая музыкальный язык, тематизм. Выше говорилось о сочетании крестьянской массовой и эстрадной песни в музыкальной стилистике «Сказки для взрослых»; патетически приподнятой декламационности, рожденной стихами Чаренца, крестьянского мелоса, интонаций, восходящих к шараканам и некоторых приемов сериальности — в «Огненном кольце»; крестьянского и городского мелоса, революционной песни и кафешантанной шансонетки — в «Человеке из легенды»; интонаций армянской народной песни и танца, неразрывно связанного с ними комитасовского мелоса, со стилистикой, восходящей к современной ораториальной и симфонической музыке, к неоклассическим, необахианским, а наряду с этим и самым новейшим приемам композиторского письма («Антун»).

Драматургия интриги, ситуации, дискриптивного развития сюжета, все более уступает место драматургии характеров, столкновению идей. Отсюда интерес к интеллектуальной и психологической драме, насыщенной большим социальным содержанием, к традициям античной трагедии, аллегориям мифа, к принципам революционной драматургии Брехта, обладающим высокой степенью идейно-образной обобщенности.

Интеллект, динамика, лаконизм, экспрессия!.. В этом иногда не без основания усматриваются ведущие тенденции современного музыкально-сценического искусства. И все же, вряд ли правильно было бы возвести вышеуказанные определения в некий универсальный эстетический закон. Искусство, как и сама жизнь, его порождающая, в нем отраженная и им утверждаемая, не терпит односторонности. Наряду с музыкально-сценическими произведениями подобного рода нельзя отрицать значения произ-

ведений и иного плана, где получают новое интересное решение и многогранность интриги, сюжетного развития, и историческая бытовая конкретность с ее локальными красками, и монументальные масштабы, и условность, и лирическая камерность, и ликующая праздничность народного карнавального представления, и яркая зрелищность (театр остается театром).

Не надо забывать, что XX век привнес в театр, в том числе и музыкальный, огромное многообразие жанров, форм, драматургических принципов, смелые искания новых выразительных средств. Это, в частности, отмечалось и на XV конгрессе Международного института театра, состоявшемся в Москве весной 1973 г. Происходит процесс взаимодействия, сближения и взаимообогащения различных жанров музыкального театра между собой, а также с другими видами искусства. И при всем этом наш музыкальный театр неизменно должен сохранять свою высшую функцию — быть общественной трибуной, школой нравственности, нести в аудиторию всеми доступными ему средствами идеи гуманизма и прогресса, будить внимание к актуальным жизненным проблемам и давать им решение с позиций самого передового мировоззрения.

В центре внимания армянского музыкального театра — человек, его взаимоотношения с эпохой, обществом, наш современник, участник невиданных в истории свершений. В этом — проявление общих для всего советского искусства черт. Армянские композиторы, деятели музыкального театра имеют определенные достижения в этой области. Но в то же время их стремление создать в музыкальном театре целостный, правдивый социально-психологический портрет нашего современника, воплотить в художественных образах нашу прогрессивную концепцию человека реализовано еще далеко не достаточно, не полно. В операх, балетах, опереттах мы чаще сталкиваемся с отдельными чертами человека, чем с целостным сложным развивающимся характером (вспомним хотя бы образ главного героя в опере «Человек из легенды», которому как раз недостает цельности). Преодоление схематизма в художественных образах людей нашего времени остается одной из важных задач армянского музыкального театра.

На протяжении всего своего исторического развития армянское музыкальное искусство было органично связано с народным (крестьянским и городским) творчеством, с

песней и танцем, искусством гусанов и ашугов. Как мы не раз подчеркивали, именно на этой основе и возник интонационный язык армянских опер, балетов, оперетт. Движение композиторов навстречу народной песне, навстречу «интонациям и ритмам эпохи» — процесс интонационного обновления и обогащения музыкально-театрального искусства, начавшийся уже давно, продолжается и в наше время. Но надо иметь в виду и то, что подлинно талантливый композитор, используя, претворяя, переосмысливая народные интонации, не может быть лишь их потребителем, он и сам развивает, обогащает, творит музыкальный язык и находит музыкально-выразительные средства, способные передать мысли и чувства современников, динамику, ритмический пульс своего времени.

С творчеством советских композиторов в нашу музыку вошли рожденные временем широкие по диапазону интонации мужественной силы, энергии, воли масс и, наряду с этим, душевной чистоты, искренности и отзывчивости, интонации гнева, горя и молодого задора, ликования; патетика ораторской речи и «от сердца к сердцу» идущий мелос задушевных бесед, сердечных признаний, ритмы походов, сражений, народных празднеств и труда. И во всем этом — отражение нашего бурного и беспокойного, тревожного, радостного и героического времени. Взаимоотношение композиторского и народного творчества решалось и решается в каждом случае по-разному. В одних из них композитор использовал народные мелодии в подлинном виде, лишь подвергнув их в той или иной мере обработке (гармонический, полифонической, оркестрово-тембровой), в других — подобные мелодии становились материалом главного тематизма, лейтмотивов и включались в сквозное симфоническое развитие. Иные композиторы переплавляли элементы (ладо-интонационные, ритмические, жанровые и т. п.) народной музыки в свою собственную, индивидуально-своеобразную музыкальную лексику.

От «этнографического» подхода, от непосредственного «использования» народной музыки к свободно-опосредованному претворению, когда постигаются не периферические, находящиеся на поверхности признаки фольклора, а и его глубинные закономерности, его композиционные принципы — таков прогрессирующий путь проникновения композиторов в сокровища народного творчества.

Здесь хочется вспомнить слова Б. В. Асафьева о народной музыке «вкоренившейся в сознание композитора как родной языка¹.

И это, как уже отмечалось, также можно проследить в некоторых произведениях современного музыкального творчества (в частности, музыкально-театрального). В разных произведениях отмечались связи с различными жанрами крестьянской (например «Крушение» Г. Арmenяна) или гусанской ашугской песни («Саят-Нова» А. Арутюняна), мужских и женских танцев с революционной массовой песенностью (например, опера «Человек из легенд» Г. Ахиняна), с древними формами армянской монодии — таги, шараканы (балет «Вечный идол», опера «Огненное кольцо») и т. д. В одних случаях внимание композитора направлено на то, чтобы сохранить в «незамутненности» подлинные образцы народного мелоса или создать близкую ему по духу, характеру и стилю свою музыку. В произведениях других возникают связи более далекие и свободные, когда народно-национальные интонации вступали в своеобразный и очень органичный синтез с приемами современного композиторского письма (вплоть до свободного применения различных приемов серийной техники, додекафонии, алеаторики, сонористики и т. д.). Это можно заметить, например, в балетах Э. Оганесяна, К. Орбеляна, в опере А. Тертеряна. Конечно, каждый из этих методов, приемов заключен в живой творческой практике и в каждом конкретном случае решает талант и мастерство композитора.

В армянском музыкально-театральном искусстве сложились свои традиции (это можно было увидеть, прослеживая пути столетнего развития национального музыкально-сценического искусства). Это, прежде всего, традиции Тиграна Чухаджяна, Армена Тиграняна, Александра Спендиарова, Арама Хачатуряна и, пожалуй, еще Аро Степаняна. Однако, опора на традиции — лишь одна, правда, важная и существенная сторона. Но интересно и другое: в какой мере интенсивны были новаторские искания современных армянских композиторов, ибо сама диалектика жизни требует эволюции, обновления идейного содержания, тематики, образов, жанров, принципов драматургии, музыкального языка, а также и музыкальной режиссуры, художественного оформления.

¹ Д. Асафьев. Избранные труды. М. 1957, т. II, стр. 91.

Одной из важнейших творческих проблем, никогда не теряющих своей актуальности и важности, является проблема композиторского мастерства. И мы не могли не заметить естественного процесса овладения композиторами различными сторонами профессионального мастерства, их «оснащения» средствами современного передового музыкального искусства, целостной многоплановой драматургией, подлинным симфонизмом, широтой художественных обобщений. Рассматриваемый период, отмечается высоким всесторонним мастерством Арама Хачатуриана или, например, тонкостью оркестровой палитры Григория Егиазаряна, выразительностью вокально-мелодического развития у Александра Арутюняна, свободным владением балетным симфонизмом, хорошим ощущением интонационной драматургии у Эдгара Оганесяна и т. д.

И все же размышляя о современном состоянии армянского музыкально-театрального искусства, не можем не заметить, что оно еще не во всем поспевает за стремительным темпом развития нашей жизни, за интеллектуальным и культурным ростом наших людей.

При значительном расширении круга образов в национальном оперном и балетном творчестве, о чем мы говорили ранее, все же бросается в глаза, что многие интересные и важные темы, выдвинутые самой жизнью, еще остаются вне поля зрения композиторов. Здесь все еще проявляется известная неравномерность и ограниченность. Впереди еще много нерешенных задач. Много волнующих, жизненно важных тем, связанных, в частности, с героикой нашего времени, еще не затронуто музыкальным театром Армении.

Некоторые из таких актуальных тем были уже названы. Это и послевоенная жизнь в Советской Армении, трудовые подвиги рабочего класса, жизнь молодежи, роль коммунистической партии в жизни советского общества. Это и героика трудовых, творческих подвигов советских людей, покоряющих космос, открываяющих тайны микромира, осваивающих целинные земли, неизведанные края, прокладывающих пути в Арктике и Антарктике. Это — тот подлинный, не «шумящий собою» героизм, который входит неотъемлемой составной частью в духовный мир нашего современника-строителя коммунизма, это мысли и чувства советского человека.

Кстати, вряд ли можно удовлетвориться и тем, что тема

Великой Отечественной войны нашла лишь воплощение в балете (а опере ее еще нет) и только в аллегорической форме.

В этой связи авторам стоит задуматься над вопросом: ограничивается ли понятие современность в их произведениях лишь затрагиваемым сюжетом, темой или оно, охватывает самую сущность их творчества с широкими обобщениями современной социальной и нравственной проблематики.

А сколько интересных, актуальных тем, связанных с борьбой двух систем, двух идеологий с воплощением героического, содержит современная международная жизнь: борьба народов всех континентов против колониализма, империализма, мракобесия и человеконенавистничества, за мир.

Важно лишь, чтобы любая из этих тем входила в искусство не риторически, декларативно (как это подчас бывает), а в живых, подлинно художественных реалистических образах, волнующих, впечатляющих.

Говоря о достигнутом, надо представлять себе и громадные задачи, стоящие впереди и определяющие собою перспективы развития армянского музыкального театра в 70-е годы нашего столетия.

Надо ли говорить и о том, сколько нового может принести с собою это идеально-тематическое расширение и в область жанров, форм художественного воплощения, на сколько новых приемов сценического, режиссерского, декоративного решения может оно натолкнуть.

Круг социальных, политических, этических проблем, волнующих людей нашего времени, находящихся на самом «гребне» современной истории человечества, безмерен, широк. Обращение к нему наших композиторов, нахождение в нем наиболее близкого своей творческой индивидуальности и включение его в систему художественных образов, безусловно, способно очень расширить масштабы содержания армянского музыкально-театрального искусства, еще более повысить его идеиную значимость. Конечно, это потребует еще более глубокого исследования и познания жизни, нахождения новых путей ее художественной типализации, поэтизации. Здесь недопустимы любая схематизация, упрощение, поверхностность. Перед армянскими композиторами непочатый край увлекательнейшей, чрезвычайно интересной и ответственной творче-

ской работы, смелых новаторских исканий по «всему фронту», начиная от решения сюжетно-тематических, жанровых, композиционных задач и до открытия новых возможностей в области выразительных средств, обогащения музыкального языка.

Это, в свою очередь, упирается в вопросы мастерства, которое включает в свое понятие, разумеется, не только «техническую оснащенность» композитора, а и его умение ясно и значительно воплотить художественный замысел, в богатстве и точности выразительных средств, в способности добиваться не одного из возможных вариантов, а единственного, лучшего, когда слушатель не скажет: «Ну, что ж, можно и так», а воскликнет: «Да, можно только так». Пока же, несмотря на общий очень высокий уровень мастерства, мы отмечали и отдельные просчеты, недостатки, как в области сценарной драматургии либретто, так и в музыкальной драматургии, мешающие полноценному художественному воплощению творческого замысла. В одних случаях это связывается с рыхлостью композиции, формы, излишней иллюстративностью, в других — с ненужными длиннотами, повторами. Иногда революционная романтика или лирическая одухотворенность темы снижается нес соответствующим бытовизмом образов, христианством, а порой просто композитору изменяет вкус. Так, например, сценарная драматургия балетов «Голубой ноктюрн» или «Хоттабыч» страдают рыхлостью и схематизмом; музыкально-сценическому воплощению образа главного героя в опере «Человек из легенды» порою недостает обобщенности и глубины, в балетах «Бессмертие» или «Прометей» местами встречается излишняя перегруженность звучности, а в опере «Сказка для взрослых» не во всем достигнуто органическое единство различных жанровых и стилистических приемов. Этот перечень можно было бы продолжить.

Опираясь на опыт своих предшественников, на традиции классической и советской оперы, балета и оперетты, современные армянские композиторы ищут новые тематические жанровые решения, действенные музыкально-драматургические формы, свежие выразительные средства. Об этом мы говорили не раз. Но и здесь еще непечатый край творческой работы, исканий, совершенствования. Предстоит дальнейшее смелое расширение жанровых границ. В частности, армянскими композиторами редко созда-

ются в последнее время столь любимые народом комические и лирические оперы, имеющие плодотворные традиции в национальном театре. До сих пор очень мало внимания уделяется экranизации опер и балетов для миллионов кино- и телезрителей.

Немало еще встречается недостатков и в режиссуре, художественном оформлении, исполнительском мастерстве наконец, в самой организационной стороне. На это пресса не раз обращала внимание.

Армянский музыкальный театр в целом и отдельные его деятели, коллективы, организации (Государственный академический театр оперы и балета имени А. Спендиарова, Театр музыкальной комедии им. А. Пароняна, Армянское отделение Всесоюзного театрального общества и др.) призваны всемерно способствовать дальнейшему развитию музыкально-сценического искусства в республике, поддерживать все новое, прогрессивное. И надо сказать, что делается в этом направлении немало. Ставятся новые произведения, обновляется репертуар, привлекаются новые исполнительские силы, эпизодически проводятся обсуждения, дискуссии и т. д. Хотя, справедливость требует сказать, что усилия, прилагаемые в этом направлении, могли бы быть значительно более активными, целеустремленными и носить более систематичный и планомерный характер.

Не меньшего внимания требует и другая сторона: бережное сохранение традиций лучшего наследия, накопленного опыта. Что говорить, и здесь за годы Советской власти сделано очень много. В частности, в республике проведена громадная и очень ценная работа по достойному сценическому воплощению национальной музыкально-театральной классики, произведений советских композиторов, созданы хранилища (нотных, рукописных, печатных, иконографических и других материалов).

И здесь еще непечатый край работы. Прежде всего это касается «охраны памятников»— лучших постановок, имеющих выдающееся, исторически непреходящее эстетическое значение. В частности, это касается первых постановок опер «Аршак Второй» и особенно «Алмас» с всемирно известными декорациями и костюмами Мартirosa Сарьянга. Конечно, время идет, меняются приемы режиссуры, принципы художественного оформления. Но эти спектакли должны быть сохранены, а не уступать ме-

что постановкам во много раз слабее в художественном отношении. В сохранении для истории, для грядущих поколений ценных спектаклей, вышедших по тем или иным причинам из репертуара. В этом большую роль способно сыграть кино (документальные и художественные фильмы) и телевидение. В частности, это касается произведений, имевших этапное значение в истории армянского советского музыкального театра.

Но все это, как говорится, «издержки производства», «трудности роста». И нет сомнения, что в дальнейшем развитии и общем прогрессе армянского музыкально-театрального искусства они будут преодолены. Важно другое — заложены прочные основы, созданы творческие предпосылки и возможности к новому дальнейшему подъему армянского музыкального театра.

Задача наших композиторов — реализовать эти возможности, претворить их в жизнь. Талантливая армянская композиторская школа имеет для этого все основания и нет сомнения, что новый подъем армянской оперы и балета будет достигнут.

Третьим томом исследования «Армянский музыкальный театр» завершается рассмотрение истории этой области армянского художественного творчества более чем за 100 лет.

Первый том был посвящен, в основном, истокам армянского музыкального театра и его развитию от 1868 (оперы «Аршак II») до 1928 г. (до оперы «Алмас»). Второй том — до конца 50-ых годов и третий — 60-м годам и началу 70-х (до 1974 г.).

Три тома «Армянского музыкального театра» дали возможность читателю познакомиться с основными эпизодами развития армянского музыкально-сценического искусства. В процессе длительной исторической эволюции оно превратилось в ярко самобытное художественное явление, стало неотъемлемой частью духовной культуры народа. В операх и балетах, в их темах, сюжетах, образах нашли отражение прошлое и настоящее Армении, жизнь, борьба и мечты народа, запечатленлись картины величественной и вечно прекрасной армянской природы. В музыкальных комедиях и опереттах высмеиваются и осуждаются пороки, воспевается любовь и духовная красота человека.

Лучшие произведения армянского музыкального театра участвовали в идейной борьбе своего времени, будили мысли и чувства людей, способствовали общественному прогрессу.

Пройден большой сложный, плодотворный путь. Он не был гладким, не все его периоды были в равной мере творчески продуктивными и не все задачи еще решены. Но важно другое — происходит и происходит исторически закономерный процесс развития национальной музыкально-театральной культуры, развития, ведущего к прогрессу и совершенствованию. Созданы своя классика, свои исполнительские традиции, произведения непреходящей художественной ценности.

На многовековом древе мировой музыкально-театральной культуры выросла новая ветвь — музыкальный театр Армении. А впереди новые перспективы, новые задачи.

Сейчас, когда советский народ осуществляет грандиозную программу построения коммунизма, армянский музыкальный театр, как и все советское искусство, призван сыграть важную и ответственную роль в идейном и эстетическом воспитании нового человека.

Опираясь на народное творчество, на классические традиции, на опыт и достижения советской музыкальной и театральной культуры, все глубже изучая жизнь и совершенствуя свое мастерство, армянские композиторы и все деятели национального музыкального театра, несомненно, добываются новых успехов, достойных высоких требований, выдвигаемых временем, партией, народом.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОПЕР И БАЛЕТОВ РАССМАТРИВАЕМЫХ В III ТОМЕ¹.

К ГЛАВЕ 2

Опера «ОГНЕННОЕ КОЛЬЦО» А. Тертеряна.

Либретто В. Шахназаряна.

(По мотивам повести «Сорок первый» Б. Лавренева и стихотворений Е. Чаренца).

Далеко в армянских горах, через перевал отступает отряд красных. Люди шагают сквозь бурю, пули и смерть. Их становится все меньше и меньше. Потом остаются только двое... Девушка из отряда и пленный белогвардейский подпоручик, оба страшно усталые. Кругом только горы и выжженная солнцем земля.

Нервы подпоручика не выдерживают: «Стреляй,— кричит он,— ведь все равно в горах нас ждет смерть».

— Стреляй!— властно приказывает хор,— ведь он убивал твоих братьев!

Девушка медленно наводит винтовку на подпоручика. И ... опускает; она не в состоянии застрелить раненого.

Два человека, два врага, отрезанные от всех. Надеются и ждут. Подпоручик потерял сознание. Девушка только сейчас замечает, что он красив.

— Красив, — вторит хор.

Подпоручик стонет: «Пить, пить...» Но пока девушка ходила за водой, он пришел в себя. Увидя это, она схватилась за винтовку: — Ни с места, буду стрелять.

— Не бойся, не убегу,— грустно усмехается подпоручик,— от себя разве убежишь?

¹ В изложении краткого содержания частично использованы авторские либретто, опубликованные театрами пояснения, а также, некоторые материалы из книг: «Оперные либретто», сост. Б. Кремневым, Москва, 1962, и «100 балетных либретто», сост. Л. Энелисом, М. Л. 1966.

И он рассказывает ей сказку. Сказку о том, как однажды охотник, молодой и упрямый, выследил лань. Но, увидев ее перед собой, совсем близко, был потрясен ее красотою; выронил винтовку и сам превратился в оленя. С тех пор они бродят один вдвоем. Вдали от людей.

Девушка задумалась...

Но хор напоминает ей о том, что рядом льется кровь, кровь человеческая, кровь ее близких. Идет борьба и об этом нельзя забывать.

А в это время голоса гор влекут девушку к себе.

— Останься с нами, останься с нами, мы будем папевать тебе сказки, — манят они.

Девушка в смятении...

Подпоручик уговаривает ее бросить все и уйти с ним подальше от борьбы.

— Как? Бежать, предать? — Девушка с гневом отвергает его предложение.

— Нагрянут дикие, безумные орды, растолчат библейские долины, — яростно убеждает подпоручик.

Девушка возмущена. Наступает разрыв.

Они понимают, что говорят на разных языках. Они чужие друг другу.

Подпоручик бродит среди скал. Вокруг ни души. А там, вдалеке, неизвестно — свои или чужие.

И снова возвращается к девушке. — Будь доброй, гони прочь облако ненависти, — говорит он. — Взойди солнце, освети мой потерянный край, — поет она.

Мы слышим хор, он поет о страдании, боли и надежде.

Наступает перемирие...

Возникает иллюзия любви двух людей, чужих друг другу по взглядам, воспитанию, по классовой принадлежности. Два человека, два затерянных существа снова встретились, но винтовка, которая их разделяла, в руках подпоручика. Она родила в нем инстинкт врага. Мгновенье и все бы кончилось трагично, но это лишь минута, которая проходит бесследно, как и прекрасная сказка любви.

Издали слышатся голоса.

— Это наши, наши, — радостно кричит девушка.

Но нет. Это враги. Подпоручик узнал своих и бежит к ним. Напрасно пытается остановить его девушка. Тогда она стреляет. Подпоручик замертью падает.

Протяжный крик девушки глухо раздается в горах...

Опера «КРУШЕНИЕ» Геворка Арменяна.
Либретто Г. Арменяна и Р. Давояна по пьесе Араксмания «Розы и кровь».

Действие происходит в 1920 году в Армении, на одном из горных железнодорожных участков.

Ночь, гроза, молнии. Арпеник с трудом пробирается к дому путевого обходчика деда Саака. Она просит его помочь ей найти командира партизанского отряда деда Еюка. Арпеник должна передать ему приказ революционного комитета взорвать вражеский поезд, который должен сегодня ночью пройти через этот участок.

В доме деда Саака она встречает Манвела, также пришедшего якобы с приказом Ревкома. Дед Саак когда-то спас Манвела жизнь и считает его своим другом. Арпеник же узнает в Манвеле своего бывшего мужа. Судьба свела их когда-то в Петербурге, где они полюбили друг друга, поженились. Затем наступила размолвка, они разошлись, судьба их пошла разными путями. Манвел раскаивается в случившемся и просит прощения у Арпеник. Они мирятся.

Наступает решающий момент. Скоро ночь, когда должен быть взорван мост. Манвел пытается сорвать выполнение этого плана. Он уговаривает деда Саака вернуться домой к большой жене, а когда тот категорически отказывается, убивает его. Затем Манвел пытается обманом унести партизан от места намеченного взрыва. Но предатель и убийца разоблачен. Мост взорван, вражеский поезд пущен под откос. Приказ Ревкома выполнен.

Опера «ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ» Григора Ахиняна.
Либретто Г. Ягдяяна.

Армянская церковь «Сурб Саркис» в Тифлисе. Священник Тер-Овсеп, связанный с подпольным революционным комитетом, предоставил Камо возможность устроить типографию в одной из келий. Камо со своими друзьями Аннетой и Глви печатают листовки с тем, чтобы на следующий день распространить их.

Подпольный революционный комитет решил организовать митинг. Камо в одежде кинто выдает себя за торговца зеленью. Он разбрасывает листовки. Его хватают полицейские.

Камо заточен в Метехскую тюрьму. В камере вместе с ним находится молодой, простодушный крестьянин Шаншиашвили. Камо называет себя. Шаншиашвили предлагает ему свои услуги.

Камо меняется одеждой с Шаншиашвили и бежит из тюрьмы.

Ресторан в Тифлисе. В одном из кабинетов ресторана представители подпольного революционного комитета ждут прибывшего из России товарища Ефима. Рыщет полицейский шпик.

Появляется Камо переодетый князем. Ему удается выпроводить шпика. Он встречает Ефима и приводит к товарищам.

Ефим сообщает подпольщикам, что для поддержки революционного движения необходимы средства. Камо дает слово с помощью друзей обеспечить комитет деньгами.

Тифлис. Сквер, прилегающий к Ереванской площади. Отряд Камо нападает на карету с деньгами и похищает большую сумму, отправляемую в Государственный банк.

Один из берлинских вокзалов. Подпольный центр, не зная, что Житомирский предатель, поручает ему встретить Камо, который должен переправить оружие в Россию. Камо арестован.

Берлинская тюремная больница. Камо уже третий год притворяется душевнобольным, чтобы германское правительство не отправило его в Россию, где ему грозит смертный приговор. Его подвергают мучительным испытаниям, чтобы обнаружить спимляцию. Но из всех испытаний Камо выходит победителем.

Берег Куры. Друзья и близкие Камо подготовили его очередной побег из тюрьмы. Побег удался. Камо снова со своими друзьями и готов к борьбе.

Балет «БЕССМЕРТИЕ» Константина Орбеляна.

Либретто М. Мартиросяна.

Посвящается памяти Героя Советского Союза Унана Аветисяна.

Сюжет балета аллегорически повествует о событиях Великой Отечественной войны.

Матери, жены, невесты, дочери оплакивают тех, кто отдал свою жизнь в борьбе за свободу Родины против врагов. Скорбь их безутешна. Большое траурное адаажно.

Как памятник вырастает фигура молодого человека-героя. Он оживает. Возникают картины довоенной жизни.

Родина — песнь земли. Юноша радуется природе. Но вот наступает мрак, разрезаемый огненными молниями, начинается война, страшная картина вражеского нашествия. Бедствия, разрушения. Девушки уводят в рабство. Юный герой в страстном порыве бросается на врага, одолевает его, освобождает девушек. И вновь, как в начале, большая сцена скорби. Оплакивание героя. Появляются новые юноши, готовые встать на защиту Отечества.

Балет «ГЕРОИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА» А. Бабаджаняна.

Либретто Е. Чанги.

Мирно жил народ. И была счастлива Родина-мать. Но настал черный вихрь Войны, сметая все на своем пути, неся людям страданье и Смерть.

И тогда Родина призвала своих Сыновей, она сплотила их и подняла их против Войны и Смерти.

Сраженная могучими силами Родины, ее героическими Сыновьями, пала ниц Война, и исчезла Смерть.

Мир торжествует победу. Ликует Родина-мать.

К ГЛАВЕ 3

Балет «ПРОМЕТЕЙ» Э. Аристакесяна.

Либретто Е. Чанги по мотивам трагедии Эсхила.

Люди несчастные, обездоленные, с мольбой просят руки к Зевсу. Но Власть, наместник Зевса на земле, безжалостно усмиряет их. Только Климена и ее подруги — Океаниды — сочувствуют людям в их несчастье.

Сочувствуя страждущим людям, Прометей, мятежный титан, бросает вызов небесам, отказывается признать безграничие власти и силы Зевса. Народ все свои надежды обращает к Прометею.

В кузнице Гефеста он находит огонь — символ труда, разума и свободы. Овладев заветным огнем, Прометей несет его людям.

Ликует воспрянувший народ. Но страшен гнев небесный. Разгневанный Зевс шлет бурю, чтобы наказать Прометея.

В народе нашелся изменник, который передает огонь Власти, но огонь сразу же гаснет в ее руках. Зевс приковывает Прометея к скале. Орлица и Эвменида терзают его.

Страданиями расплачивается Прометей за свою дерзновенную помощь людям. Народ решает освободить Прометея. Он расправляется с изменником, передавшим огонь Власти. В злобе Власть хочет уничтожить огонь. Но народ собирает едва тлеющие искры и идет с ними к Прометею.

Гордый мятежный дух Прометея не сломлен. Тогда Зевс низвергает его в недра земли. Здесь продолжаются страдания Прометея, пока народ не освобождает своего заступника. Огонь восыхает с новой силой и сжигает дотла царство насилия и зла.

Балет «АХТАМАР» Григора Ахиняна.

Либретто А. Гарияна
(по Ов. Туманяну)

Берег прячется в тени...
Черная мелькнула тень,
Вот и встретились они.
Вечер, мраком их оден?

Кто целует в тайный час
Нашу девушку Тамар?
Ни во что он ставит нас,
Чести нанеся удар.

Рассекая холод воли
Егатырским взмахом рук,
Прямо к острову плывет,
Волны пенятся вокруг.

Вспыхнул гнев островитян
И, чтобы отомстить Тамар,
Подползли к костру в туман,
Затоптали пламень-жар.

Море мрачное шумит,
В море юноша плывет
«Ах, Тамар!» — призыва летит
Из пучины темных вод.

Балет «ИВУШКА» Григора Ахиняна.

Либретто А. Гарияна
(по Ов. Туманяну)

Ива — говорят,
Девушкой была,
Милого ждала,
Милый не пришел.
Стан склонив, как ствол,
Ивой у реки
Сделалась она,
Высохла с тоски...

Балет «ЛОРЕЦИ САКО» Григора Ахиняна.

Либретто А. Гарниана

(по Ов. Туманяну)

Каждый божий вечер, только загорается звезда,
Пастухи к нему приходят, наполняется ода.
В печку — хворост, и свирелей начинается игра.
Песни, шутки-прибаутки, пляска шумная быстра.

У Сако сегодня скучно. Темнота и тишина.
В доме глухо-одиноко без второго чабана.
Вытянулся поудобней он в тепле у камелька,
И пришло к нему различных много дум издалека..

В этот час, когда ужасен пропасть скалистых вид,
По Лорийскому ущелью великан Сако бежит,
Демонские за собою он услышал голоса,
Злые духи вслед пустились, по ветру их волоса.

«Убежал Сако, держите! Он с ума сошел».

«СКАЗКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ» («Капля меда») Э. Арутюняна.

Либретто В. Багратуни

по мотивам сказки Ов. Туманяна.

Двое ведущих, сидя на Земном шаре, рассказывают публике об ужасах и бедах, посыпавшихся на людские головы из-за капли меда. Они предостерегают человечество от братоубийственных войн.

Деревня, лавка. Лавочник расхваливает свои товары и любимого красавца-кота. Из соседней деревни приходит со своим псом пастух, чтобы купить в лавке меда. Во время беседы на землю упала капля меда. На нее села муха. На муху бросился кот, на кота — пес пастуха. Разъяренный лавочник убивает пса. Пастух ударом своей палки убивает лавочника. Недавно веселившиеся односельчане лавочника набрасываются на пришельца-пастуха и расправляются с ним.

Село, где жил пастух. Мирное трудовое утро крестьян нарушается вестью об убийстве пастуха. Приносят его бурку и папаху. Вся деревня поднимается, схватив вилы, косы, серпы, односельчане пастуха устремляются в село, где был убит пастух. В результате жестокой схватки два села уничтожают друг друга.

Вражда, разрастаясь, захватывает целые государства. Начинается война между государствами царя Вай-Вая и царя Бай-Бая. Обе страны разорены. Мрак, зловещая тишина. Ее нарушает журжавие мухи. Она вот-вот может сесть на гигантскую каплю, повисшую над Зем-

ным шаром и напоминающую огромную водородную бомбу. Муха не должна сесть на эту каплю. Бедствие нужно предотвратить. Ведущий ловит ее. Вся сцена оживает и просыпается от сказочного сна. Опера заканчивается гимном миру на земле. Все прощаются со сказкой и проправляют прекрасное будущее Человека.

Балет «ТРИ ПАЛЬМЫ» А. Слендиарова.

Либретто Е. Чангя.

по мотивам «Трех пальм» Лермонтова.

Давно дружили три стройные Пальмы и левучий Родник. Родник питал корни Пальмы, а они прикрывали его своей тенью от палиющих лучей солнца. Нога путника еще ни разу не ступала под прохладную сень Пальм, и ни один человек не утолял жажды из Родника.

И стали Пальмы роптать. Неужели они так и увишут одиокими? Неужели они так и не увидят никогда людей?

Но вот вдали слышен звон бубенцов, приближающегося каравана. И счастливые Пальмы дарят людям все, что имеют — тень и прохладу, полуденный зной пустыни сменяется холодным сумраком ночи. И тогда предводитель каравана велит срубить Пальмы и развести костер.

Под ударами топора падают Пальмы...

К ГЛАВЕ 4.

Опера «ВОССТАНИЕ ВОСЕ» С. Баласаняна.

Либретто М. Турсун-заде и А. Дехоти.

Действие оперы происходит в конце XIX века в Таджикистане. Сборщики налога силой отбирают у народа имущество для «наместника бога на земле» правителя Болджуана, наместника эмира Хакима. Бесчинствуя в доме Восе, они уводят также его дочь, красавицу Гюлизар, приглядывающуюся Хакиму.

Терпение народа иссякло. Восе становится во главе восстания. Повстанцы захватывают крепость Болджуан, врываются во дворец, освобождают пленников и томящуюся в гареме Хакима Гюлизар. Ликующий народ празднует победу. Тем временем предатель Шабир, по указанию Хакима, сеет смуту в лагере повстанцев и обманом помогает врагам захватить Восе в плен.

Закованного в кандалы Восе ведут на казнь. Перед смертью Восе призывает народ к борьбе с угнетателями. Молодой дехканин Назир и Гюлизар поднимают восстание, которое разрастается в мощное освободительное движение.

Опера «КУЗНЕЦ КОВА» С. Баласаняна.
Либретто А. Лахути.

На материале легенды о народном восстании, поднятом кузнецом Кова, развивается тема освободительной борьбы таджикского народа против иноземных завоевателей.

Базар кузнечных изделий в Таджикистане. Кузнецы изготавливают оружие для защиты от завоевателей. Среди них — 12 сыновей прославленного мастера-кузнеца Кова.

Внезапно вторгаются вражеские полчища. Под звуки труб появляется завоеватель — шах Заххок. Он учиняет жестокую расправу над населением. В первую очередь, погибают юноши, а среди них сынья Кова — самого опасного и стойкого борца против тирании.

В живых остался лишь младший сын Кова — Фаррух, но и его ждет смерть. По приказу Заххока он должен явиться к змеиной урне, чтобы укус змеи решил его судьбу.

Заххок на троне, окруженный придворными. Как гласит легенда, на голове его растут жадные змеи, пытающиеся мозгом властителя. В разгар дворцового пиршества в зал врывается Кова. Он обличает тирана. Издали доносится боевая песня восставшего народа. Заххок готов пойти на сделку с кузнецом и пощадить его последнего сына, если Кова потушит восстание. Но Кова отвергает предложение тирана. Он снимает свой кожаный фартук, надевает на шею, теперь этот фартук — знамя восстания.

Вооруженный народ, овладев дворцом, ниспровержает чудовищного шаха Заххока.

Опера «БАХТИАР И НИССО» С. Баласаняна.
Либретто С. Ценина, по роману П. Лукицкого «Ниссо»

Вскоре после установления Советской власти в Таджикистане враги народа — купец Мирзохур, потомок ханов Бабокалон, бывший судья Наврузбек — решают свергнуть ее и восстановить прежние порядки. Народ готовится взорвать скалу, чтобы долгожданная вода пришла в селение Снатанг. Уже подожжен фитиль, как вдруг на скале оказывается девушка. Это Ниссо, бежавшая из гарема глашатая басмачей Азизхона. Бедняку Бахтиару и красноармейцу Шокиру удается спасти ее. Бахтиар и Ниссо полюбили друг друга.

Бабокалон, Мирзохур, Наврузбек и другие сторонники старых правов требуют суда над Ниссо, нарушившей «вековой аракан». На площади судят Ниссо. Она рассказывает о ее похищении из родного села. Односельчане берут Ниссо под свою защиту.

Торжественное празднество по случаю открытия канала. Осуще-

ствилась вековая мечта народа. Песни, пляски. В руках у Ниссо алый стяг. Внезапно праздник прерывается набегом басмачей. Идет расправа над жителями селения. Схвачены и Ниссо, и Бахтиар. Враги народа склоняют головы перед въезжающим на белом коне Азизхоном. Несмотря на отчаянное сопротивление, Ниссо ведут в шатер Азизхона. Бахтиар ждет смерть.

Но слышатся выстрелы и победные крики. Приближается отряд Шокира. Басмачи, враги народа разгромлены, пойман Азизхон. Ниссо освобожден. Но Бахтиар падает, сраженный предательской рукой.

Над его телом Шокир призывает к борьбе с врагом.

Балет «ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН» С. Баласаняна.
Либретто С. Цевина и К. Голейзовского по мотивам восточных легенд.

Шумный многолюдный базар. Здесь встречаются смелый восторженный юноша Кейс и прекрасная Лейли — дочь могущественного правителя Бахтиар-хана. Вспыхнувшее непреодолимое чувство любви связывает молодых людей. Кейс дарит Лейли свой кинжал, а она ему — покрывало. Но судьба разлучает излюбленных. По велению отца Лейли должна выйти замуж за богатого и знатного Ибн-Салома. Тщетны мольбы девушки отдать ее Кейсу; юношу прогоняют. В отчаянии, обезумевший от любви и горя Кейс скитаются в пустыне. Здесь его встречает Новфаль, охраняющий со своим отрядом караванные тропы. Тронутый рассказом Кейса, Новфаль предлагает Кейсу свою помощь. В сражении с воинами Ибн-Салома они освобождают Лейли, а самого Ибн-Салома связывают. Наконец-то влюбленные вместе, ничто более не может их разлучить. Но вдруг арьяется Бахтиар-хан. В бешенстве он проклинает молодых людей и приказывает освободить Ибн-Салома. Ибн-Салом бросается с кинжалом на Кейса. Лейли успевает заслонить собой возлюбленного, и удар, предназначенный Кейсу, поражает ее. Держа в объятиях безжизненное тело Лейлы, Кейс тем же кинжалом закалывает себя.

Балет «ШАКУНТАЛА» С. Баласаняна.
Либретто Б. Зданевича по мотивам драмы Калидасы.

В заповедном лесу, вдали от людей, живет юная прекрасная Шакунтала. Ее встречает молодой стражный царь Душинте, охотившийся в этом лесу. Молодые люди влюбляются друг в друга. Вынужденный вернуться во дворец, Душинте дарит девушке перстень — символ любви и верности. Замечтавшись, Шакунтала забывает выполнить обряд в честь мудреца Дурваса. Разгневанный Дурвас предсказывает девушке несчастье. Предсказание сбывается — Шакунтала рожает в

реку заветное кольцо, а Душиване забывает ее. Но в конце концов силы света и добра побеждают. Кольцо снова у Душиване; его нашли рыбаки в чреве пойманной рыбы.. Проклятие Дурваса теряет силу, и любовь воскресает в сердце Душиване. Блуждая по лесам, он находит Шакунтала вместе с маленьким мальчиком — их сыном. После всех испытаний Шакунтала, Душиване и их сын Бхарата находят свое счастье.

К ГЛАВЕ 5

Балет «ОЗЕРО ГРЕЗ» Г. Егиазаряна.
Либретто М. Мнацаканина.

Действие балета протекает в Армении у озера Севан, в национальной. Молодые люди Анаис и Арсен любят друг друга, но постоянной причиной их раздоров являются различия во взглядах на жизнь, на долг и предназначение человека. Арсен весь в мыслях о будущем, о создании и борьбе; он радуется тем изменениям, которые происходят в жизни родной страны. Анаис же мечтает о другом, о безмятежной жизни.

Величавое пробуждение природы. Девушки восторженно встречают восход солнца. Но вот в природе все изменилось. Дождь, туман. С трудом передвигая вязнувшие в размоченной глине ноги, движутся люди. Очень трудно. Идет работа, и сильные, волевые люди молча двигаются вперед, ведя борьбу с природой. Но среди них оказывается слабый человек. Это Анаис. Убоявшись трудностей, она решает покинуть эти места и требует, чтобы и Арсен последовал за нею. Арсен и его друзья пытаются остановить ее. Но их усилия тщетны. Анаис уходит, оставив свою работу. Арсен ошеломлен. Ему стыдно перед друзьями, он понял, что расстался с Анаис навсегда.

После трудного трудового дня люди отдыхают, расположившись группами на берегу озера. Лишь Арсен, охваченный грустью, бродит в одиночестве. Он не может забыть Анаис. К нему подходят друзья — девушки, юноши, и он вновь чувствует, что не одинок. Проходит время. Трудно Арсену забыть Анаис. Но вот на его пути появляется другая девушка Вардинэ, олицетворяющая радость жизни, труда, чувство долга и любви. Радостно, самозабвенно трудится она вместе с рыбаками, помогая им тянуть сети, участвует вместе с Арсеном в строительстве на Севане. В душе Арсена борется еще не изжитое чувство к Анаис, обида, нанесенная ею, и постепенно захватывающая его любовь к Вардинэ, большая любовь, рождennaya общностью жизненных целей, взглядов, интересов.

К ГЛАВЕ 6

Опера «САЯТ-НОВА» А. Арутюяна.

Либретто А. Ханджяна.

Действие оперы происходит в XVII веке.

Тифлис. Доносится песня рыбаков, горожане приветствуют рассвет. Становится известным, что состоится состязание между прибывшим в Тифлис знаменитым персидским ашугом и Саят-Новой.

Шумная базарная площадь. Торговцы расхваливают свои товары, пахлеваны (канатоходцы) показывают свое мастерство, яланчи (скоморохи) распевают песенки-загадки.

Послушать состязание ашугов пришла и царевна Анна (сестра царя Ираклия). Между ней и Саят-Новой зарождается любовь. Она привлекает его во дворец. «Пусть узнают тебя и во дворце, великий Саят». Начинается состязание ашугов, победителем из которого выходит Саят-Нова. Народ приветствует любимого певца-поэта.

Царевна в своей комнате. Она поверяет свою тайну сердца князю. Но князь предоотвращает ее — ведь ашуг простолюдин, а во дворец прибыл просить ее руки князь.

Во дворце праздник по случаю приема князя — жениха Анны. Песни, танцы, тосты. Следят свои песни и Саят-Нова. Проникнутые страстью к Анне, они вызывают гнев князя, который требует, чтобы Саят-Нова прогнали из дворца. Все взмолнивши — простой ашуг осмелился петь о любви к княжне. Рассерженный царь удаляется. Придворные следят за ним.

В дворцовом саду прощальная встреча Анны и Саят-Новы. В отчаянии от предстоящей разлуки с возлюбленной Саят-Нова решает уйти в монастырь.

Ахпатский монастырь. Саят в своей келье. Издала слышится песня пахаря. В сознании Саята возникает образ Анны. Саят предается философским размышлениям о жизни. Внезапно раздаются тревожные вогласы, становится известным о нашествии многотысячного войска персов. С тревогой, гневом, болью за судьбу народа Саят-Нова восклицает: «Проклятье! Опять кровь, опять огни! Молитвы не спасут... Только оружие».

Саят вместе с народом встает на защиту страны от завоевателей.

Сквозь пламень пожарищ, пожирающих Тифлис, виден стоящий у церкви святого Геворка Саят-Нова. Верный своему народу, здесь же он падает мертвым, сраженный врагами.

К ГЛАВЕ 7

Балет «ГАЯНЭ» А. Хачатуриана.
Либретто К. Державина.

Один из пограничных районов Армении. Вдали виднеется цепь снежных гор. В колхозе «Счастье» идет сбор урожая. Во главе работающих — молодая колхозница Гаянэ и ее брат Армен.

Час отдыха. Молодежь танцует. Только Гаянэ грустна и озабочена. Ее муж Гико пьянист, обижает семью. Теперь же, бросив работу в колхозе, он требует, чтобы жена ушла вместе с ним. Гаянэ не соглашается. Колхозники пытаются образумить его. В это время в колхоз приезжает командир пограничного отряда Казаков. Между ним и Гаянэ зарождается чувство любви.

Дом Гаянэ. Родные, подруги стараются развлечь ее. Появляется Гико. Все уходят. Гаянэ укачивает ребенка. К Гико заходят трое злоумышленников. Гико решил из мести поджечь колхоз. Тщетно пытаются Гаянэ убедить мужа не совершать преступления. Гико отталкивает Гаянэ, запирает ее и скрывается.

Горное становище курдов. Здесь Армен встречается со своей возлюбленной Айшой. Но Айшу любит и курдский юноша Исмаил. В порыве ревности он хочет броситься на Армена. Айша загораживает Армена. Отец девушки мирит молодых людей. В это время появляются в горах заблудившиеся злоумышленники. Они ищут дорогу к границе. Заподозрив недобро, Армен незаметно посыпает предупредить пограничников, в сам берется провести незнакомцев к границе. Вовремя подоспевший пограничный отряд во главе с Казаковым задерживает врагов. Далеко на равнине вспыхивает пламя пожара — это горит подожженный Гико колхоз. Совершив преступление, Гико пытается скрыться, но его останавливает Гаянэ. В порыве злобы Гико ранит ее ножом. Преступника берут под стражу и уводят.

Прошло время. Возрожденный колхоз празднует сбор нового урожая. Приехали гости из других колхозов, из воинских частей: русские, украинцы, грузины, курды. Начинается веселье, пляски. Среди всех — обретшие свое счастье Гаянэ и Казаков, Нуэн и Карап, Армен и Айша. Все пьют заздравную чашу, славя свободный труд, дружбу между народами, Советскую отчизну.

Балет «ГАЯНЭ».
Новое либретто Б. Плетнева.

Горы Армении. Два друга — охотники Армен и Георгий — спасают девушку Гаянэ, сброшенную порывом ветра со скалы. Георгий

любляется в Гаянэ и беспощадно ревнует ее к Армену. Пылкий и не-воздержанный, он ссорится с другом.

Однажды, преследуя в горах зверя, Армен срывается со склона и падает над пропастью. Первым порывом Георгия было броситься на помощь другу, но чувство ревности берет верх, и он убегает. Армена спасают охотники, однако во время падения он повредил себе глаза и ослеп.

Армен и Мария — подруга Гаянэ — давно любят друг друга. Теперь же он не хочет связывать ее, пока не вылечится. Но девушка клянется ему в верной любви. Георгий терзается угрызениями совести. В отчаянии он решает покинуть селение. Перед этим он должен еще раз увидеть Гаянэ: Георгий узнает, что он любит Гаянэ. Георгий счастлив, но не в силах забыть о своем преступлении.

В селении празднуют окончание сбора урожая. Свадьба Марии и прозревшего Армена. Приходит Георгий. Армен дружески протягивает ему руку в знак примирения. Но Георгий останавливает его: он признается в своем преступлении. Все в ужасе. Армен прощает Георгия. Но парод выносит решение: он должен покинуть колхоз и заслужить уважение односельчан. Георгий уходит в горы, вместе с ним — Гаянэ.

Балет «СПАРТАК» А. Хачатуриана.

Либретто Н. Волкова.

В Рим из похода во Фракию возвращаются победоносные войска. К колеснице полководца Красса прикован Спартак. Рядом его жена Фригия и пленный юноша Гармодий.

Рынок на окраине Рима. Торжестве рабов, согнанных из различных покоренных областей. Среди них — Спартак, Фригия, Гармодий. Спартак покупает Лентулл Батиат — владелец гладиаторской школы. Фригия и Спартак предпочитают смерть разлуке. Фригия заносит кинжал над сердцем. Спартак готов поразить себя мечом, выхваченным у стоящего рядом легпонера. Не желая упускать Спартака, Лентулл Батиат приобретает и его жену.

Цирк. Амфитеатр переполнен жаждущими до кровавых зрелищ зрителями. В ложе патриции, Красса, Эгина. Пантомима-вакханалии «Похищение сабилянок» сменяется битвами гладиаторов. Под конец выходят два отряда гладиаторов — самниты и фракийцы. Закипает жестокий бой. Спартак остается один против пяти самнитов. Его сила и гладиаторское искусство приносят ему победу. Повержены четыре противника. Спартак выбивает меч из рук последнего исполнинского самнита и валит его с ног, оглушив ударом щита. Цирк требует: «Лобей его!» Но Спартак вонзает свой меч в землю и гордой поступью идет к воротам. Так брошен вызов негодующей толпе:

Казармы гладиаторов. Носилки с убитыми и ранеными. У очага сидят ущелевшие гладиаторы. Спартак печален и задумчив. В нем постепенно зреет решение начать восстание. Он призывает гладиаторов к борьбе. Вооружившись чем попало, они нападают на стражу, вылезают из решетки окон и скрываются в темноте ночи.

Поля Компании около Аппиевой дороги. У костров расположились на вечерний отдых пастухи. Появляются бежавшие гладиаторы во главе со Спартаком. Спартак рассказывает пастухам о начавшемся восстании, призывает их к борьбе. Потрясая мечами и копьями, движется как лавина, ставший грозной силой отряд повстанцев.

Богатая вилла на берегу Неаполитанского залива. Теплая звездная ночь. Пир у Красса. Одно развлечение сменяется другим. Внезапно приходит весть о приближении Спартака. Начинается паника. Красс приказывает рабу Гармодию поджечь дом и удалиться. На террасу побегают спартаковцы, преследуя стражников Красса. Спартак спасает из пламени ребенка рабыни.

Лагерь спартаковцев. Воины кладут перед Спартаком отбитые у римлян «орлы легионов», «никторские пучки розог», оружие. Спартак, оставшись один, взвешивает силы противника, понимая, насколько серьезны предстоящие битвы. Появляются начальники гладиаторских легионов — фракийцы, греки, сирийцы, германцы, галлы. Обсуждение дальнейших действий приводит к разногласиям: начальники легионов покидают палатку Спартака в сильном раздражении.

Спартак остается один. Фригия успокаивает его: скоро закончится победный поход восставших и освобожденные рабы вернутся на родину. Вернутся в родную Фракию и они.

В лагерь Спартака прибыли римские купцы. Они привезли с собой вино, богатые ткани, золото. С ними красивые женщины. Разгораются страсти. Спартак требует, чтобы купцы и гетеры покинули лагерь. Военачальники возмущены приказом Спартака, скора переходит в открытый разрыв. Около Спартака остаются лишь верные военачальники. Они клянутся довести борьбу до конца и решают пробиться к морю. В ночной тьме Гармодий покидает лагерь.

Лагерь Красса. Роскошные палатки. Красс волежит на ложе. Вводят начальников гладиаторских легионов, которые откололись от Спартака и были разбиты римлянами. Красс приказывает распять их вдоль дороги. Служанка приводит к Эгине Гармодию. Охваченный страстью к Эгине, он тайно бежал из лагеря Спартака. Гармодий пытается обнять Эгину, но она ускользает. Появляется Красс. Гармодий хватается за меч. Красс повелительным жестом останавливает его и требует выдачи плана расположения войск и дальнейших действий Спартака. Эгина вновь пускает в ход свою чары, чтобы положить конец коле-

башни Гармодия. Гармодий совершает предательство. Тогда Красс распахивает заднюю завесу палатки и перед потрясенным Гармодием открывается страшная картина: на фоне багрового заката вдоль дороги стоят бесчисленные кресты, на которые распяты пленные спартаковцы.

Цель высоких прибрежных скал. Вдали море и мачты кораблей. Становище пиратов. Спартак договорился с пиратами, что они за щедрое вознаграждение перевезут на своих кораблях из Италии оставшиеся отряды гладиаторов. Но в отсутствие Спартака пираты окружают римские солдаты. Их привел сюда Гармодий, предательски выдавший последний план Спартака. Угрозой они заставляют пиратов нарушить договор и уйти на кораблях в море. Римские войска устраивают засаду и неожиданно нападают на прибывшие отряды Спартака. Начинается неравный ожесточенный бой. Окруженные кучкой друзей и соратников, Спартак героически сражается. Римские лучники осыпают его стрелами, и сраженный Спартак падает. Трубы римлян трубят отбοи. Войска Красса оставляют поле битвы.

Появляется Фригия. Она находит тело Спартака и накрывает его своим плащом. Плач Фригии подхватывают плакальщицы. Скорбь рождает гнев, привык к борьбе. Уцелевшие юноши фракийцев поднимают тело Спартака и несут его навстречу восходящему солнцу, навстречу бессмертию.

К ГЛАВЕ 8

Балет «МАРМАР» Э. Оганесяна.

Либретто О. Гукасяна, И. Арбатова и В. Варковицкого.

Горы Армении. Большая любовь связывает молодого ластуха Арамэ и простую девушку Мармар. Князь Бакур, увидев во время охоты Мармар и пленившись ею, решает разлучить влюбленных. Он посылает Арамэ достать животворную воду из пасти Вишапа (дракона). Тем временем Бакур хочет завладеть Мармар и увезти ее в свой дворец. Но внезапно поднимается буря, ветер сносит шатер. Мармар превращается в мрачнорунную статую и исчезает в скале. Победив Вишапа и достав животворную воду, Арамэ возвращается в родные края. Узнав об исчезновении Мармар, он проливает несколько капель чудесной воды на место, где стояла девушка. И тогда из недр медленно поднимается ожившая Мармар, вся разукрашенная драгоценными камнями. Влюбленные бросаются друг другу в объятия. Бакур вновь намеревается силой увезти ее, но Арамэ одолевает его в поединке и сбрасывает в пропасть.

Балет «ГОЛУБОЙ НОКТЮРН» Э. Оганесяна.

Либретто В. Шахназаряна.

Художник один в своей тихой мастерской, среди картин, безмолвно взирающих на его растерянность и отчаяние. Перед его затуманенным взором замерзали Бледные Пятна. Они становятся невыносимо навязчивыми. Художник выбежал на улицу, которая жила своей обычной жизнью. Ей не было дела до него. Художник всматривается в лица прохожих: кто знает, может здесь он найдет то, что искал! И он встретил ее — Девушку, которую не замечал раньше. Чудесную Девушку с солнечной улыбкой.

Напрасно художник устремлялся к Девушке. Она то двигалась в плавном ритме, то ее движения напоминали легкое дуновение ветра, или танец; полный страсти. Она была неуловима, как юность, как Жизнь. Это была сама Жизнь...

А из витрины улыбалась бледная Женщина-манекен. Она плавно скользнула к Художнику. Движения этой женщины необыкновенной красоты напоминали ему Бледные Пятна.

Это был законченный портрет. Она была обольстительна и влекла его. «Пойдем со мной. У меня ты найдешь покой и тишину. Я сделаю тебя Художником.» И он шел за ней: он был молод и доверчив.

И кто знает, чем бы кончилась эта история, если бы не Девушка-жизнь. В утренних красках Женщина-манекен стала блекнуть... А Девушка-жизнь стала еще прекраснее, как и многообразная, неуловимая на первый взгляд, сама Жизнь. И он писал ее портрет, портрет Жизни, писал в неудержимом экстазе...

... На рассвете Художник впервые полюбил.

Балет «ВЕЧНЫЙ ИДОЛ» Э. Оганесяна,

Либретто М. Мнацаканяна.

Действие балета происходит в древней Армении.

Охотясь в горах, жестокий и своеобразный Гор-Ишхан увидел прекрасную девушку Астинэ. В мгновение ока он обвили шею девушки. Но юноша Бюрат освобождает ее. Разгневанный Гор-Ишхан приказывает избить юношу. Когда все удалились, Астинэ омыла раны юноши.

Праздник Навасарда. На танцующих девушек набрасывали священные накидки и уносили в Храм Богини. Среди них была и Астинэ. В храме ее окружили фанатичные жрецы, и перед нею появился Гор Ишхан. Но и на этот раз ее спас Бюрат. Его друзья прикрыли собою священный огонь и, воспользовавшись темнотой, Бюрат и Астинэ скрылись. Астинэ привела его к ущелью, дорогу куда никто не знал.

Но Бюрат не мог оставаться; он опасался за судьбу друзей. Гор-Ишхану удалось схватить Бюрата и его друзей и приковать к Столбам Возмездия. Жестокими пытками хотел он узнать у Бюрата путь в ущелье, где находится Астинэ. Но тщетно. Тогда Гор-Ишхан пошел на хитрость. Якобы восхищенный мужеством Бюратата, он пригласил его с друзьями к себе во дворец на празднество, а затем освободил.

Бюрат сразу же направился в ущелье Преданий. Именно этого и добивался Гор-Ишхан. Астинэ ждала Бюрата.

Разведчик Гор-Ишхана выследил Бюрата и Астинэ. Они оказались в руках стражников. Астинэ должна принадлежать Гор-Ишхану — такова воля Богини и Жрецов. Астинэ в отчаянии с мольбой обратилась к скалам. И Скалы спасли ее — она окаменела.

Бюрат прильнул к скале. Его нельзя было оторвать от нее. Жрецы Гор-Ишхана велели разрушить скалу, напомнившую о невозвратах храму Богини. Бюрат преградил путь к скале. В ярости Гор-Ишхан метнул вонье. Смертельно раненный Бюрат упал у ног каменной Астинэ. Тогда зашевелились скалы, земля содрогнулась. Скалы вместе с окаменевшей Астинэ неумолимо наступали на оцепеневших жрецов и Гор-Ишхана. Возмездие свершилось. Потом скалы приняли в свою обятья Бюрата, навечно соединив его с Астинэ. И люди навсегда отвернулись от храма Богини и ее обрядов. Они нашли нового бога — это Вечный Идол Любви.

Балет «АНТУНИЙ» Э. Оганесяна.
Либретто М. Мартиросяна.

Армения. Келья в монастыре. Ночь.

Антунি стоит в глубоком раздумье. Как разгадать тайну хазов, как возродить музыку предков. И вот, наконец,оживает один из пергаментных святков. Пестрые тени, постепенно прививая очертания людей, начинают круговой танец. Колокола звонят к заутру. Светает, видения исчезают. Жизнь зовет Антуни; отступают стены кельи, и он выходит к жизни.

Звучит песня пахаря. Антуни восторженно слушает ее и сам присоединяется к пахарам, ободряющим друг друга песнями и криками.

С горного склона сбегаются девушки и обнимают любимых. Слушалась с горы и Хумар. Антуни пытается обнять девушку, но она уклоняется и убегает.

Антуни в одиночестве погружен в грезы. Вот в прозрачном покрывале, как ожившая мечта, возникает перед ним видение Хумара.

Антуни с простертymi руками устремляется к ней, но перед ним вырастает мрачная стена сутан. Антуни в ужасе пятится. Появляются монахини, они преклоняют колени и молятся. Не преклоняет колени только Хумар. Она зовет Антуни. Тщетно пытается он прорываться сквозь мрачную стену монахов, тянется к ней. Видение исчезает.

Ясный, солнечный день. Крестьяне придут прижур. Антуни прислушивается к их пению. На его глазах постепенно все вокруг заполняется бесчисленным количеством разноцветных нитей. Но это уже не нити, а струны. Ольяненный переливами мелодий, он стремительно переходит от одной струны к другой, и от каждого его прикосновения чудодия становится еще яслей и благозвучней.

И опять жизнь зовет его. Зовет, как невеста вся в белом, Хумар. И души, переполненные любовью, прильнули друг к другу, слизнулись занек.

Большой народный праздник. Антуни — душа праздника. Сменяют друг друга танцы, то воинственно-мужественные, то пажные женственные. Площадь заполняется все новыми и новыми группами ликующих людей. Скоро будут звонить праздничные колокола. Вот они уже звонят, но это не праздничный звон. Есть что-то зловещее в этом звучании.

Багровый закат. На земле лежат люди. Озверевшие насильники ташат Хумар. В растерянности стоит Антуни.

Вдали появляется печальная Хумар. Антуни пытается обнять ее, но снова появляются темные сплы. Сраженный торсом Антуни падает на землю. Обездоленный народ осужден на скитания. Удаляются в образе журавлей женщины и девушки.

Антуни восстает против неба. В безумном порыве протesta срывает он с себя сутану. Все новые и новые стаи журавлей скрываются за горизонтом.

С факелом в руке Антуни вступает в борьбу. В этой схватке он не одинок. Тянется, идущая в бой нескончаемая вереница огней.

Волнующаяся как море огромная толпа людей. Вдали появляется стая журавлей. Толпа застывает в молчании. Стая постепенно слиняется с народом.

Эпилог

Из толпы несется песня бессмертного Антуни. Народ с восторгом слушает ее, упивается ею, подлевает ей. Народ бессмертен, возрожденный он снова ликует. Слышится праздничный колокольный звон.

К ГЛАВЕ 8

Балет «ЖЕМЧУЖИНА» Н. Симонян.

Либретто В. Соколова и К. Боярского по одноименной повести Л. Стейнбека.

Берег океана. Кино и Хуана приветствуют новый день. Внезапно скorpion жалит их сына. Родители и сбежавшиеся соседи идут в большой город за помощью к врачу. Но доктор отказывается оказать помощь ребенку: ведь у Кино нет денег.

Кино лежит на берегу океана. Ему кажется, что прекрасные жемчужины выплеснет на берег прибой. Среди них самая большая сулит ему богатство и счастье. Кино вместе с ловцами жемчуга отправляется на промысел. Его мечта сбылась; они нашел жемчужину небывалой величины. Теперь он и Хуана будут счастливы, они смогут обвенчаться.

Город, аукцион, сверкают камни, горят кораллы. Драгоценная жемчужина Кино поражает всех. Скупщики стараются обмануть Кино. Доктор, пытаясь овладеть ею, подсыпает к Кино красивую белую женщину. Во время драки с доктором Кино убивает его. Вбегает Хуана и пытается увести Кино. Но он, не помня себя, ударяет ее. Тревожный набат возвещает, что в их селении пожар. Сгорела хижина Хуаны и Кино. Народ пытается потушить пожар, посыпает проклятия поджигателям. Горе и гнев Кино и Хуаны сливаются с измущением народа. Спасаясь от преследования, Кино уводит Хуану и сына из поселка.

Люди из города напали на след Кино. Спасаясь от их преследования, Кино убивает двоих. Третий успевает выстрелить — жертвой оказался маленький Койотито.

Мрачные громады небоскребов со всех сторон обступают Кино. Перед его помутившимся взором одно за другим встают страшные видения. Хуана уводит его из города и умоляет бросить жемчужину, принесшую им столько горя, обратно в океан. Кино исполняет ее желание. Жемчужина снова на дне океана.

Светает. Что принесет им грядущий день?

Балет «СТАРИК ХОТТАБЫЧ» Н. Симонян

Либретто Л. Лагина и К. Ласкари по повести Л. Лагина.

На берегу речки ребята, среди которых Волька и Женяка, усиленно учат географию. Сегодня экзамен. Учительница отрывает всех от зурбажки. Пора идти в школу.

На берегу остается один Волька. Он еще не все выучил. Единственный выход — вырнуть в речку и достать со дна на счастье камешек. Но вместо камешка он вытаскивает старинный кувшин. Кувшин разламывается, в клубах дыма появляется добрый джинн — старый Хоттабыч...

На берег прибегают отметки. Волька бросается в школу, но на его пути встают тройка и единица. Хоттабыч выдергивает из своей волшебной бороды волосок, творит заклинание — отметки исчезают. Путь свободен.

Волька сдаст экзамен по подсказке Хоттабыча. Учительница в негодовании. На вопрос, какова форма земли, Волька говорит такое, что Женяка давится от смеха. Возмущенный Хоттабыч, превратив учительницу в мятник, вызывает джиннов-похитителей и приказывает им немедленно продать Женяку в рабство.

Вечерняя улица заполнена автобусами и машинами. Появляются Волька и Хоттабыч. Волька замечает джиннов-похитителей, уносящих Женяку в рабство, требует немедленно освободить товарища. Увидев витрине ближайшего магазина ковер, Хоттабыч превращает его в ковер-самолет и вместе с Волькой улетает за джиннами-похитителями и Женякой.

Под ними пролосятся города и страны. Весело приветствуют Вольку и Хоттабыча звездочки.

Далекая страна Бэлэм. Темнокожие рабы несут тяжелые мешки... Сюда джинны-похитители приносят Женяку. Надсмотрщики покупают нового раба и изваливают ему на плечи огромный мешок. Женяка смело вступает в неравную борьбу. Непокорного бунтовщика привязывают к дереву.

На ковре-самолете прилетают Волька и Хоттабыч. Хоттабыч превращает надсмотрщиков в ослов и освобождает рабов вместе с Жевькой. Волькаспоминает, что он с Женякой опаздывает на хоккейный матч. Хоттабыч произносит заклинание. Друзья спешат занять места на ковре-самолете.

На стадионе все готово к матчу. Вбегают опоздавшие Волька и Женяка. Судья дает свисток. Хоккеисты уходят на поле. Хоттабыч, набросив на судью ковер, тоже проникает на лед. Остановив хоккеистов, Хоттабыч увеличивает счет на табло в пользу Волькиной команды. Возмущенные несправедливостью ребята наступают на Вольку. Но Хоттабыч с помощью вызванных им кольбеноносцев загоняет ребят в хоккейные ворота. Волька приказывает освободить товарищей, а самому Хоттабычу немедленно залезть в бутылку. Хоттабыч задабривает своего владельца драгоценными подарками. В это время мимо стадиона проезжает машина с артистами цирка. Вольку осеняет блестящая идея!..

На цирковой арене идет веселое представление. Один номер сменяет другой. Но вот гаснет свет, и в луче прожектора появляется фокусник. Необыкновенный номер с огромным ящиком привлекает всеобщее внимание. Но вдруг к невообразимому удивлению фокусника ящик разламывается и в клубах дыма из него на арену выходят Волька и

Хоттабыч. Хоттабыч тут же пришвистается за дело. Чудесные фокусы Хоттабыча приводят Вольку в неописуемый восторг. Еще никто, никогда не видал такого удивительного представления... Так добрыи джинн со дня реки с помощью Вольки нашел то единственное на нашей земле место, где его чудесные способности стали приносить людям только радость, а не досадные огорчения.

КРАТКИЙ ХРОНОГРАФ ПО ИСТОРИИ АРМЯНСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕАТРА¹

1830—1840

1831. Издание в Венеции (конгрегацией Мхитаристов) сборника оперных либретто Метастазио (на турецком языке армянским шрифтом).

1840—1880

Возникновение у армянской общественности интереса к оперному искусству. Появление в прессе статей о необходимости создания армянской оперной труппы при театре «Васлуракан» и перевода на армянский язык ряда классических опер («Севильский цирюльник», «Вильгельм Телль», «Эрнани»).

1860—1870

Организация и деятельность первых армянских музыкально-театральных трупп в Константинополе — Т. Чухаджяна, А. Варданяна, поэже М. Мнакяна, С. Пенкляна.

1862—1864 Письма революционера-демократа Микаэла Налбандяна, заточенного в Петропавловскую крепость, к брату, с напоминаниями о необходимости завершения перевода на армянский язык оперы Верди «Трубадур».

¹ Хронограф по истории армянского музыкального театра составляется впервые. Он отнюдь не является исчерпывающим и содержит лишь наиболее важные и показательные, с нашей точки зрения, факты из истории армянского музыкально-театрального искусства. По мере дальнейшего изучения этой области армянской культуры, он, несомненно, будет дополняться и уточняться.

- 1864 Издан клавир оперы «Трубадур» Верди с армянским текстом.
Издатель-переводчик О. Сагратян. Петербург. Перевод посвящен М. Налбандяну.
- 1868 Написана первая армянская опера «Аршак Второй» Тиграном Чухаджяном. Либретто Т. Терзяна. Константинополь.
- 1870—1880
- 1871 Издание оперного либретто «Олимпия» («Аршак Второй») Т. Терзяна.
- 1871 Издание увертюры к опере «Аршак Второй» Т. Чухаджяна. Константинополь.
- 1871 Исполнение на армянском языке оперетты Эрве «Маленький Фауст». Тифлис. Маргарита — Сатеник, Фауст — А. Карапетян.
- 1872 Написана и поставлена оперетта Т. Чухаджяна «Ариф». Либретто О. Аджемяни. Константинополь.
- 1872 Усилиями Т. Чухаджяна создана опереточная труппа (Константинополь). Ставили оперетты Оффенбаха, Лекока, Чухаджяна. В труппу входили такие выдающиеся артисты, как Шазик, Сирануш, М. Миакян и другие.
- 1873 Исполнение на Всемирной выставке в Вене «Увертюры» и «Продлуга» из оперы «Аршак Второй» Т. Чухаджяна.
- 1874 Написана и поставлена оперетта Т. Чухаджяна «Кесе Кехва». Либретто Г. Ритуки. Константинополь.
- 1874 Исполнение артисткой Сатеник арии Азучены из оперы «Трубадур» Верди (на армянском языке) в Тифлисе.
- 1876 Написана и поставлена оперетта Т. Чухаджяна «Леблебиджи, хор, хор ага». Либретто Т. Нальяна. Константинополь.
- Широкая гастрольная деятельность (1876—1882) труппы Чухаджяна в городах Турции, Египта, на Балканах.
- 1880—1890
- 1886 Исполнение хором Х. Кара-Мурызы на армянском языке отрывков из оперы «Иван Сусанин» Глинки, «Травиата» Верди, «Нормы» Беллини. Баку.
- 1887 Написана опера-кантата М. Екмаляя «Странствование Розы».
- 1888 Исполнение детской оперы В. Корганова «La reine de tameaux». Тифлис.
- 1888 Исполнение хором Х. Кара-Мурызы музыкальных картин «Беженцы» и «Пожар» из его оперы «Шушан» (с декорациями художника Г. Башинджяна) и хора солдат из «Трубадура» Верди.
- 1890—1900
- 1890 Исполнение хором Х. Кара-Мурызы при участии артистов бакинской оперы «Фауста» Гуно на армянском языке. Баку.

- 1891 Постановление оперы «Земирэ» Т. Чухаджяна. Константинополь.
- 1891 Исполнение пролога к 1-го действия оперы «Шушан» КараМурзы (по Атрпету). Баку.
- 1891 Статья В. Корганова «Моцарт и Мейербер». Тифлис.
- 1892 Организация армянской музыкально-театральной труппы Аристакесяна.
- 1892 Постановка I-го акта оперы «Фауст» Гуно труппой Аристакесяна. М. Генджян — Маргарита. Тифлис.
- 1893 Статья В. Корганова «Шарль Гуно». Тифлис.
- 1893 Выступление Надежды Папаян совместно с Федором Шаляпинным в опере «Фауст». Тифлис.
- 1893—1897 Цикл рецензий В. Корганова «Вокруг театра» в газетах и журналах Тифлиса, а также в «Русской музыкальной газете» об операх «Риголетто», «Кармен», «Фауст», «Африканка», «Роберт Даутцен», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Иван Сусанин», «Руслан и Людмила», «Русалка», «Демон», «Лаяцы» и других.
- 1894—1900 Наиболее интересные выступления Х. КараМурзы в печати по вопросам оперного искусства.
- 1897 Книга В. Корганова «Верди». Петербург.
- 1900—1910
- Работа Комитаса над операми «Варта», «Ануш» (по О. Туманяну), «Сасунские богатыри» и музыкальными сценами «Жертвы деликатности» (по А. Пароняну). Исполнение в Эчмиадзине кружком любителей при участии Комитаса 2-х сцен из этого произведения.
- Работа Гр. Сюни над операми «Арекназан», «Ренессанс», опереттой «Асли и Керам» и др.
- 1902 Вступление Надежды Папаян в состав труппы Петербургского Марининского театра.
- 1902 Книга В. Корганова «К 50-летию Тифлисской оперы» (Тифлис).
- 1902—1903 Исполнение опер «Аида» Верди и «Демон» Рубинштейна в Тифлисе с участием В. Арцруни, Б. Амирджана, Гухасяна и других. Дирижировал композитор Г. Мирзоян (Сюни).
- 1902 Исполнение хором в сопровождении оркестра народных инструментов отрывков из оперы Мелюля «Иосиф Прекрасный». Дирижер Е. Багдасарян. Баку.
- 1903 Письменный совет Н. А. Римского-Корсакова А. Спендиарову «сейчас же приняться за оперу».
- 1904 Первые поиски А. Спендиарова в области оперного либретто.
- 1908 Начало работы А. Тиграняна над оперой «Ануш» (по поэме О. Туманяна).

- 1909 Написана А. Спендиаровым и издана ария Шамирам из оперы «Шамирам» (либретто Тэффи).
- 1910 Написана А. Спендиаровым и издана песня «Ал. Джамаст» из оперы «Шамирам».
- 1910—1920**
- К. С. Сараджев дирижирует операми «Черевички» Чайковского, «Свадьба Фигаро» Моцарта, «Кармен» Бизе, «Алеко» Рахманинова и другими в Народном доме в Москве.
- 1911 Работа над оперой «Ануш» Э. Багдасаряна.
- 1912 Написана опера «Ануш» В. Саргсяном. Константинополь.
- 1912 Первая постановка в Александрополе оперы Армена Тиграняна «Ануш» (по О. Туманяну).
- 1912 Написана и поставлена детская опера А. Манукяна «Конец эпохи». Тифлис.
- 1912 Постановка в Баку, а затем в Тифлисе оперетты «Леблебиджи, хор, хор агас» Т. Чухаджяна
- 1913 Постановка К. Сараджевым в Москве в «Свободном театре» К. Марджанова оперы Мусоргского «Сорочинская ярмарка», «Арлезианки» Долз-Бизе (в постановке Таирова). Закончена была работа над постановкой «Кащея Бессмертного» Римского-Корсакова.
- 1913 Постановка в Берлине в театре Кроль М. Фокиных балета «Семь дочерей короля джиннов» на музыке спевдиаровской симфонической картины «Три пальмы». Русская балетная труппа при участии Анны Павловой в главной роли.
- 1914 Постановка «Леблебиджи» Т. Чухаджяна в Ливорно и других европейских городах.
- 1916 Встречи А. Спендиарова с М. Сарьяном в Москве и О. Туманяном в Тифлисе и начало работы над оперой «Алмас» (по поэме О. Туманяна «Взятие Тмакаберта».) Записи Спендиаровым армянских и персидских мотивов, изучение сборников народных песен, мугамов, использованных им в опере «Алмас».
- 1919 Начало работы А. Тер-Гевондяна над оперой «Седа» (По «Старым богам» Л. Шанта)..

1920—1930

- 1921 Завершение А. Тер-Гевондяном оперы «Седа». Ее премирование на конкурсе, организованном «Комсомольской правдой».
- 1922 Организация и начало широкой деятельности армянских музыкально-театральных трупп в Ереване, Ленинакане, Гостове-на-Дону. Оперно-опереточная труппа Ш. Тальяна. Участие в ней А. Дакизяна, А. Мелик-Пашаева и др.

- 1924 Первое исполнение в Ленинграде и Москве симфонических номеров из оперы «Алмас» Спендиарова. Дирижировал автор.
- 1927 Организация оперного класса в Ереванской консерватории. Первый показ его постановок в помещении Ереванского государственного драматического театра. Отрывки из опер «Евгений Онегин», «Ануш». Восгороженная рецензия на эти постановки А. Спендиарова, увидевшего в них рождение армянского оперного театра.
- 1928 Завершение оперы «Алмас» А. Спендиаровым.
- 1928—1930. Исполнение по Ереванскому радио (сплами школьников под руководством М. Мирзояна) сцен из детских опер: «Конек злы» А. Манукяна, «Стрекоза и мураней» М. Мирзояна, «Пес и кот» С. Мурадяна, «Побежденный сокол» Д. Казаряна и др.

1930—1940

- 1930 Постановка в Москве, в Филднеле Большого театра Союза ССР оперы «Алмас» А. Спендиарова.
- 1931 В Ленинграде исполнена опера Л. Ходжа-Эйнатона «Шлюз».
- 1932 Постановка в Одесском оперном театре оперы «Алмас» А. Спендиарова.
- 1932 Постановка в Тбилисском оперном театре оперы «Алмас» А. Спендиарова. Создание М. Сарьянном художественного оформления к опере «Алмас».
- 1932 Решение Совета Народных Комиссаров Армянской ССР об открытии Ереванского государственного оперного театра.
- 1933 Открытие Ереванского государственного оперного театра. Первый спектакль «Алмас». Постановки «Севильского цирюльника» Россини, «Евгения Онегина» Чайковского, «Фауста» Гуно¹.
- 1934 Постановки в Ереване опер «Риголетто» Верди, «Кармен» Бизе, «Чио-Чио-Сан» Пуччини, «Паяцы» Леонкавалло.
- Написал К. Закаряном балет «Пионерия».
- Первое исполнение в Ереване и Москве Пролога из оперы «Давид Сасунский» Аро Степаняна.
- 1935 Завершение и постановка балета «Невеста огня» А. Тер-Гевондяна в Бакинском театре оперы и балета. Постановка в Ереванском оперном театре опер «Ануш» А. Тиграняна, «Храбрый Назар» А. Степаняна, балета «Лебедяное озеро» Чайковского.
- 1936 Постановка в Ереване опер «Богема» Пуччини, «Травиата» Верди, «Проказницы» Гертеля. Создание А. Степаняном оперы «Давид Сасунский».

¹ Здесь и в дальнейшем указываются главным образом первые постановки.

- 1937 Постановка в Ереване опер «Тоска» Пуччини, «Лакиз» Дашиб и «Тихий Дон» И. Дзержинского.
- 1938 Постановка в Ереванском оперном театре новых опер «Лусабацин», А. Степаняна, «Таварникос» А. Айвазяна, а также «Русалки» Даргомыжского.
В Ленинградском Малом оперном театре поставлена новая опера Л. Ходжа-Эйнатова «Мятеж».
Написан балет С. Бархударяна «Наринэ».
- 1939 Поставлены в Ереване новый балет А. Хачатуриана «Счастье», а также «Бахчисарайский фонтан» Асафьева и «Арлекинада» Дрито.
В Душанбе поставлена опера С. Баласаняна «Восстание Фосе».
- 1939 Декада армянского музыкального искусства в Москве. Исполнение на сцене Большого театра Союза ССР опер «Алмас», «Ануш», «Лусабацин» и балета «Счастье». Широкий отклик столичной прессы на эти спектакли. Опубликование в Москве книг: «Ереванский театр оперы и балета им. А. А. Спендиарова» (Сборник) и «А. А. Спендиаров» А. Шавердяна, а также сборников отрывков из опер «Алмас», «Ануш», «Лусабацин». Постановка в Бакинском театре оперы и балета новой оперы А. Малляна «Сафа», а в Сталинабаде «Восстание Фосе» С. Баласаняна.

1940—1950

- 1940 Постройка и открытие нового здания Театра оперы и балета в Ереване (проект А. Таманяна). На сцене нового театра «Алмас», «Ануш», «Лусабацин», «Русалка», «Царская невеста», «Риголетто», «Пиковая дама», «Лебединое озеро», «Бахчисарайский фонтан» и новый балет А. Тер-Гевондяна «Ананта».
В Московском театре оперы и балета им. В. Н. Немировича-Данченко поставлена опера Л. Ходжи-Эйнатова «Семья».
- 1941 В Ереванском театре оперы и балета поставлены оперы «Марджан» К. Закаряна, «Кармен» Бизе, «Аида» Верди, «Волк и семеро козлят» М. Ковала; балеты «Раймонда» Глазунова, «Конек-Горбунок» Пуни.
В Душанбе С. Баласаняном совместно с Ш. Бабокатоповым поставлена опера «Кузнец Ков».
- 1942 В Ереване поставлены оперы «Отелло» Верди, «Кёр-Оглы» У. Гаджибекова; балет «Кааказский пленник» Б. Асафьева. В Уфе поставлена опера Н. Чемберджи «Корлугас».
- 1943 Начало работы А. Тиграняна над оперой «Давид-бек». Восстановление партитуры первой армянской оперы «Аршак Второй» Чухаджяна.
Создание Л. Ходжа-Эйнатовым оперы «Три встречи».
Постановка в Ереване опер «Дансис» З. Палиашвили, «Севильский

ширюльник» России. «Евгений Онегин» Чайковского, «Гугеноты» Мейербера.

На сцене Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова (закрытого в Перми) поставлен впервые балет «Гаянэ» А. Хачатуриана. Исполнение воспитанниками хореографического училища ГАБТ (Москва) балета «Сон Дремович» Н. Чемберджи.

1944 В Ереване поставлены «Паяцы» Леонкавалло, «Чио-Чио-Сан» Пуччини.

1945 На сцене Ереванского театра оперы и балета им. Спендиарова состоялись премьеры опер «Намус» Л. Ходжа-Эйнатова, «Аршак Второй» Т. Чухаджяна, балета «Хандут» (на музыку Спендиарова). Спектакли поставлены 25-летнику Советской Армении.

1946 В Ереване поставлены «Богема» Пуччини, «Демон» А. Рубинштейна. Спектакль «Аршак Второй» Чухаджяна в Ереванском театре оперы и балета удостоен Государственной премии.

Присвоение Аликануш Даниелян Государственной премии за исполнение партий Маргариты Валуа («Гугеноты» Мейербера) в Большом театре Союза ССР и Антониды («Иван Сусанин» Глинки) в Ереванском театре оперы и балета им. Спендиарова. С. Бархударян закончил оперу «Кери кучи».

1947 В Ереване поставлены балеты «Гаянэ» А. Хачатуриана, «Шехерезада» на музыку Римского-Корсакова и оперы «Иоланта» Чайковского, «Великая дружба» В. Мурадели.

В Душанбе поставлен балет С. Баласаняна «Лейли и Меджнун». К. Закарян закончил оперу «Агаси».

1948 На сцене Ереванского театра оперы и балета — «Травиата» Верди, «Кето и Котэ» Долидзе, «Тоска» Пуччини, «Коппелия» Делиба.

1949 В Ереване поставлены оперы «Доктор Айболит» Морозова, «В лучах солнца» А. Тер-Гевондяна, «Лакмэ» Делиба, балет «Медный всадник» Р. Глиэра.

1943—1949 Работа В. Аракянца над оперой «Царь Гагик» и оперой «Невольница».

1950—1960

1950 В Ереване поставлены оперы «Мазепа» Чайковского, «Герония» А. Степаняна, «Давид-бек» А. Тиграняна, «Самсон и Далила» Сен-Санса.

1951 В Ереване поставлены опера «Дубровский» Направника и балет «Красный цветок» Глиэра. Исполнение в Париже оперы «Алмас» Спендиарова (Pale de la Music Alte)

Присвоение опере «Герония» Государственной премии.

1953 В Ереване новые постановки оперы «Севильский цирюльник»

России, «Алмаз» Спендиарова, балет «Хандут» на музыку Спендиарова.

1954 В Ереване поставлены балет «Дон Кихот» Минкуса и опера «Дон Паскуале» Доницетти.

1955 В Ереване поставлены оперы «Евгений Онегин» Чайковского и «Ромео и Джульетта» Гуно.

Опера «Бахтиар и Ниес» С. Баласаняна поставлена в Душанбе.

1956 В Ереване поставлен балет «Севан» Г. Егиазаряна, осуществлены новые постановки оперы «Аршак Второй» Т. Чухаджяна и «Давид-бек» А. Тиграняна.

В Москве состоялась вторая Десятка Армянского искусства. На сцене Большого театра показаны оперы «Аршак Второй», «Лиущт, «Давид-бек» и балет «Севан». Показ этих произведений и в Ленинграде.

Премьера балета А. Хачатуриана «Спартак» в Ленинграде на сцене Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова.

Опубликован первый том «Армянского музыкального театра».

1957 В Ереване поставлены балет Э. Оганесяна «Мармара», оперы «Трубадур» Верди, «Сос и Варднер» В. Тиграняна, «Люцианберд» А. Бабасова.

1958 В Ереване осуществлены постановки балета «Соня» Э. Хагаторяна, оперы «Фауст» Гуно, «Травиата» Верди. Первая постановка балета «Спартак» в Большом театре СССР

Радиомонтаж оперетты В. Тиграняна «Большая свадьба», Москва.

1959 В Ереване поставлены оперы «Отелло» Верди, «Костер» Ю. Геворкиана, «Сельская честь» Мисканья.

Присвоение А. Хачатуричу за создание балета «Спартак» Ленинской премии.

1960—1970.

Широкие гастрольные выступления артистов армянской оперы в различных городах Советского Союза и за рубежом.

1960 В Ереване поставлены оперы «Бал-маскарад» Верди, «Хачатур Абоян» Г. Арmenяна, «Лусьбации» А. Степаняна.

Опубликован второй том «Армянского музыкального театра»

1961 В Ереване поставлен балет «Спартак» А. Хачатуриана.

1962 В Ереване поставлены опера «Сказки Гофмана» Оффенбаха, балеты «Майдодыр» Саккитари, «Красная шапочка» Г. Мелик-Мурадяна, «Три новеллы» на музыку Гершвина.

1963 В Ереване поставлены оперы «Вестсайдская история» Бернстаина, «Царь Эдип» Стравинского, «Господин Минтоев в Париже» А. Айвазяна и балет «Золушка» С. Прокофьева.

1964 В Ереване поставлены оперы «Лючия ди Ламмермур» Беллини,

- «Евгений Онегин» Чайковского и балеты «Три пальмы» (на музыку Спендиарова), «Героическая баллада» (муз. Бабаджаняна), «Голубой nocturne» Оганесана.
- 1965 В Ереване поставлены оперы «Демон» А. Рубинштейна, «Тангейзер» Вагнера и балет «Дон Кихот» Минкуса.
- В Ленинградском театре оперы и балета им. Кирова поставлен балет Н. Симонян «Жемчужина».
- 1966 В Ереване поставлены оперы «Консул» Мелотти, «Оптимистическая трагедия» Холмюнова, балеты «Вечный идол» Э. Оганесяна и «Ахтамар», «Сако Лорийский», «Иванушка» Г. Ахиняна.
- 1967 В Ереване поставлены оперы «Царская невеста» Римского-Корсакова, «Огненное кольцо» А. Тертеряна и балет «Прометей» Э. Аристакесяна.
- 1969 В Ереване поставлены опера «Крушение» Г. Арменяна, балеты «Франческа да Римини» (на музыку Чайковского) и «Озеро грез» Г. Егиазаряна.
- Присвоение премий на Всесоюзном конкурсе музыкальных театров, посвященном 50-летию Великого Октября опере «Огненное кольцо» А. Тертеряна и балету «Прометей» Э. Аристакесяна.
- 1969 В Ереване поставлены оперы «Алмас» А. Спендиарова, «Ануш» А. Тиграняна, созданы и поставлены опера «Саят-Нова» А. Арутюняна, балеты «Бессмертие» К. Орбеляна, «Антуни» Э. Оганесяна.
- В Москве на сцене Большого театра во время 100-летия О. Туманяна показаны оперы «Алмас», «Ануш» и «Саят-Нова» в исполнении Ереванского театра оперы и балета. Постановка в Котовицах (Польша) балета Э. Аристакесяна «Прометей».
- 1970—1975
- 1970 В Ереване поставлены опера «Дон Карлос» Верди, балет «Ромео и Джульетта» Прокофьева. Создана и поставлена опера Э. Арутюняна «Сказка для взрослых».
- Награждение С. Баласаняна за балет «Шакунтала» премией имени Джавахарлала Неру. Присвоение Государственной премии Армянской ССР Г. Егиазаряну за балет «Озеро грез» и Э. Оганесяну за балет «Антуни».
- Завершена и поставлена (в Ереване) опера Г. Ахиняна «Человек из легенды». Поставлены в Ереване (в новой редакции) балет А. Хачатуриана «Гаяне» и опера Чухаджяна «Аршак Второй». В Ленинградском академическом Малом оперном театре поставлен балет «Старик Хоттабыч» Н. Симонян.
- 1971 Празднование в Армении 100-летия армянской оперы. Приуроченные к юбилею новые постановки в Ереване опер «Ануш», «Алмас». Широкий показ армянских опер, фестиваль оперного

искусства в Ереване при участии крупнейших оперных артистов Советского Союза. Создание телефильма, посвященного 100-летию армянской оперы.

Исполнение оперы «Ануш» Арmenа Тиграняна в Марселе.

1972 Исполнение в Париже (Театр Шанзелизе) оперы «Ануш» А. Тиграняна. Постановка опер «Сказка для взрослых» Э. Арутюняна в Донецке и «Крушение» Г. Арmenяна в Перми. В Ереванском театре оперы и балета поставлены балеты «Гамлет» (на музыку Шостаковича), «Сперабилис или луч надежды» (на музыку Б. Бартока), «Лоркиана» (на испанскую народную музыку) и опера «Кармен» Бизе.

Присвоение опере «Саят-Нова» Государственной премии Арм. ССР.

1973 В Ереване поставлена опера «Тоска» Пуччини, балет С. Балакянца «Лейли и Меджнун». Обсуждение вопросов армянского оперного и балетного творчества на VII съезде композиторов Армении. В Баку поставлена опера «Саят-Нова» А. Арутюняна.

1974 В Ереване осуществлены новые постановки балета «Гаяц» А. Хачатуряна, оперы «Гикор» С. Джербашяна, «Кармен» Бизе.

1965 Новая постановка в Ереване балета К. Орбеляна «Бессмертие» удостоена премии на Всесоюзном конкурсе музыкально- театральных произведений, посвященном 30-летию Победы над Германией.

ОСНОВНЫЕ ХРАНИЛИЩА МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ АРМЯНСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕАТРА

Ереван. Музей литературы и искусства имени Э. Чаренца. Архивы Т. Чухаджяна, Комитаса, А. Спендиарова, М. Екмалияна, Х. Кара-Мурыса, Гр. Мирзояна (Сюни), А. Манляяна, А. Тер-Гевондяна и других.

Ереванский государственный академический театр оперы и балета им. Спендиарова. Библиотека. Партитуры, клавиры, афиши, программы.

Ереванский театр музыкальной комедии. Партитуры, клавиры, афиши.

Государственный центральный архив Октябрьской революции и соц. строительства Армянской ССР.

Ереванская государственная Публичная библиотека им. Мясникяна. Архив В. Корганова и другие материалы.

Москва. Большой театр Союза ССР. Библиотека, архив. Материалы, связанные с постановками опер и балетов армянских авторов

(«Алмас» Спендиарова, «Гаянэ» и «Спартак» А. Хачатуриана, «Лейли и Меджнун» С. Баласаняна). Материалы Декадных спектаклей армянского искусства и др.

Всесоюзный государственный музей музыкальной культуры им. Глинки. Архив К. С. Сараджева и др.

Центральный Государственный архив литературы и искусства.

Ленинград. Ленинградская Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Архивы Римского-Корсакова, Глазунова, Лядова, Финдейзена и других. Материалы о А. Спендиарове и др.

Ленинградская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова. Отдел рукописей. Материалы, связанные с М. Екмаляном, А. Тер-Гевондяном, А. Степаняном, А. Даниэлян, М. Тавризяном и другими.

Ленинградский академический театр оперы и балета им. С. М. Кирова. Библиотека, архив. Материалы, связанные с постановками произведений армянских авторов А. Хачатуриана, Н. Симоняна:

Ленинградский академический Малый оперный театр. Библиотека. Материалы, связанные с постановками опер Л. Ходжа-Эйнатова и балетов Н. Симонян, А. Хачатуриана.

Рижский государственный театр оперы и балета. Библиотека, архив. Материалы, связанные с постановкой балета С. Баласаняна «Шакунтала».

Таджикский театр оперы и балета. Библиотека, архив. Материалы, связанные с музыкально-сценическими произведениями С. Баласаняна.

Одесский, Тбилисский, Бахинский, Ташкентский, Воронежский, Таллинский, Вильнюсский, Киевский, Харьковский, Свердловский, Пермский, Донецкий, Новосибирский театры оперы и балета. Библиотеки. Материалы, связанные с постановками произведений армянских композиторов.

Театры оперы и балета в городах Прага, Варшава, Венграва, Будапешт, София, Париж, Лондон, Берлин, Бухарест, Марсель, Токио и др. Библиотеки. Материалы, связанные с постановками произведений армянских композиторов (главным образом А. Хачатуриана).

Личные авторские архивы А. Хачатуриана, А. Тер-Гевондяна, А. Тиграняна, А. Степаняна, А. Ходжа-Эйнатова, К. Закаряна, С. Баласаняна, А. Аракяна, А. Айвазяна, Г. Егизаряна, А. Арутюняна, Э. Оганесяна, Г. Арменяна, А. Тертеряна, К. Орбеляна, Э. Арутюяна, Э. Аристакесяна и других.

¹ В хронологическом порядке первых изданий (с указанием и последующих).

ИЗДАННЫЕ НОТОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ АРМЯНСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕАТРА

- Опера «Аршак Второй» Т. Чукаджяна. Увертюра. Партитура. Константинополь, 1871. Избранные отрывки. Ереван, 1962.
- Опера «Шамiram» А. Спендиарова. Ария Шамирам и «Аль Джамаст» (песня рабыни). Москва, 1909—1910. Полное академическое собрание сочинений, т. I, Ереван, 1943.
- Опера «Седа» А. Тер-Гевондяна. Шестаке. Партитура, Ереван, 1929. Москва, 1933. Ария Седы «Слетайте грезы», Баку, 1935. Ария Седы, Июка, отца Антона, Ереван, «Избранные вокальные сочинения», 1973.
- Опера «Невеста огня». Марш. Партитура, Баку, 1937.
- Опера «Ануш» В. Саргсяна. Отрывки. Париж, 1937.
- Опера «Ануш» А. Тиграняна. Избранные отрывки, Москва, 1939. Клавир, Ереван, 1954.
- Опера «Алмас» А. Спендиарова. Клавир, Москва, 1930. Избранные отрывки, Москва, 1939. Клавир. Полное академическое собрание сочинений, т. X, Ереван, 1971.
- Опера «Лусабадин» А. Степаняна. Избранные отрывки, Москва, 1939.
- Опера «Давид Сасунский» А. Степаняна. Избранные отрывки, Москва, 1939.
- Балет «Счастье» А. Хачатуриана. Избранные отрывки, Москва, 1939.
- Балет «Гаянэ» А. Хачатуриана. Клавир (четырехручный), Москва, 1945. Клавир, 2-я редакция, Москва, 1962.
- Опера «В лучах солнца» А. Тер-Гевондяна. Избранные отрывки, Ереван, 1951.
- Опера «Геролия» А. Степаняна. Избранные отрывки, Ереван, 1962.
- Балет «Спартак» А. Хачатуриана. Клавир (четырехручный), Москва, 1956. Клавир Москва 1960. Партитура Москва 1971.
- Балет «Лейли и Меджнун» С. Баласаняна. Клавир. Москва, 1959.
- Оперетта «Большая свадьба» В. Тиграняна. Клавир, Ереван, 1962.
- Опера «Давид-бек» А. Тиграняна. Избранные отрывки, Ереван, 1962.
- Балет «Шахншах» С. Баласаняна. Клавир, Москва, 1966.
- Опера «Огненное кольцо». Клавир, Москва, 1972.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От автора	3
Глава I — Музыкальный театр Армении шестидесятых и начала семидесятых годов.	6
Глава 2.— Воплощение героической темы.	26
Глава 3.— Сказания, легенды, мифы в музыкальном театре.	89
Глава 4.— Певец Востока	98
Глава 5.— Легенда об Ара Прекрасном и Шамирам.	117
Глава 6.— Посвящение великому ашугу.	130
Глава 7.— Мировое признание	144
Глава 8.— В широком диапазоне.	165
Глава 9.— Сатира в опере	185
Глава 10.— На Ленинградских сценах.	191
Заключение	199
Краткое содержание разобранных опер и балетов.	217
Хронограф по истории армянского музыкального театра.	239
Список основных хранилищ материалов по истории армянского музыкального театра.	248
Список изданных нот: партитуры, клавиры, сборники отрывков.	249

Тигранов Георгий Григорьевич
Армянский музыкальный театр
Том III

Спец. редактор М. О. Мурадян
Редактор. Л. Г. Меликянова
Художник Г. К. Мицакян
Худ. редактор О. А. Асатрян
Техн. редактор С. М. Симонян
Корректор Ю. Р. Меликян

Сдано в набор 29/IV 1975 г. Подписано к печати 11/XII 1975 г.
Бумага типографская №1 84x108¹/32 Печ. 7,87 л.=13,23 усл. печ. л.
Уч.-взд. 13,6 л.+12 вкл.
ВФ 08536 Заказ 1149 Тираж 3000
Цена 1р. 33 к.
Издательство «Айастан», Ереван-9, ул. Теряна, 91.

Полиграфкомбинат им. Акопа Мегапарта Госкомитета Совета Министров Арм. ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ереван-9, ул. Теряна, 91.

ԳԱԱ Նիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0258380

P 489820